

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Дагестанский государственный университет»

На правах рукописи

Ярбилова Диана Магомедовна

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ОБРАЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ АВАРСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ**

5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

**Научный руководитель – Самедов Д.С.,
доктор филологических наук, профессор**

Махачкала 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ АВАРСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ	13
1.1. Функционально-семантическая характеристика эпитетов-прилагательных.....	13
1.2. Способы включения эпитетов-прилагательных в поэтические тексты.....	21
1.3. Семантико-стилистические функции антонимов в современной аварской женской поэзии.....	29
1.4. Метафора и персонификация как средства создания художественной образности в современной аварской женской поэзии.....	45
<i>Выводы по первой главе</i>	69
ГЛАВА 2. ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ АВАРСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ	71
2.1. Способы и языковые средства гиперболизации в современной аварской женской поэзии.....	71
2.2. Повторы как образно-усилительные средства.....	81
2.3. Сравнительные конструкции как художественно-образительные средства.....	93
2.4. Фразеологические единицы как экспрессивно-усилительные и образно-оценочные средства	112
<i>Выводы по второй главе</i>	123
ГЛАВА 3. МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ АВАРСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ	125
3.1. Языковые средства актуализации проблемы «отцы и дети» в поэме Тубхат Зургаловой « <i>Инсул дарсал</i> » – «Уроки отца».....	125
3.2. Морфолого-синтаксические средства создания экспрессивно-оценочных значений в современной аварской женской поэзии.....	129
<i>Выводы по третьей главе</i>	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	146
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	153

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертационная работа посвящена исследованию языковых средств создания художественной образности в текстах современной аварской женской поэзии.

Степень разработанности проблемы. Разноуровневые языковые средства создания художественной образности в текстах современной аварской женской поэзии в системно-комплексном плане специально не рассматривались, поэтому в ходе выполнения диссертационной работы использовались научно-теоретические сведения, содержащиеся в отдельных работах по языку и стилю аварской поэзии.

В кандидатской диссертации С.М. Магомедовой, посвященной исследованию концепта «Женщина» в поэзии Расула Гамзатова и Фазу Алиевой (2016), рассматриваются особенности использования эпитетов-прилагательных, глагольной лексики и сравнительных конструкций. В соответствии с задачами диссертационной работы автор определяет роль эпитетов-прилагательных различных семантических групп в создании образа матери и женщины-горянки, характеризует глагольную лексику, используемую для формирования образа женщины, отмечая при этом, что глагольная лексика в поэзии Фазу Алиевой выражает состояние природы глазами влюбленной женщины (природа в поэзии Ф. Алиевой рисуется через описание ассоциаций и внутренних ощущений женщины). В диссертации С.М. Магомедовой выявлены и описаны лексико-семантические и лингвокультурологические особенности сравнений как средств создания образа женщины-горянки. Особое внимание при этом уделено языковым средствам описания материнских рук и материнской шали в качестве составляющих языковой образ матери. Также в данной работе охарактеризованы языковые символы, используемые при актуализации образа женщины, определены их фемининные признаки.

В статьях Э.С. Гасанбековой рассматриваются вопросы включения эпитетов-прилагательных частично в тексты поэтических произведений Фазу

Алиевой (2005) и лексико-семантической организации сравнений в художественном тексте (2006).

В монографии З.З. Гаджиевой (1977), построенной на основе поэтического материала, проводится в основном литературоведческий анализ, определяются особенности аварской элегической поэзии.

Научные статьи М.Х. Гаджихмедовой посвящены выявлению и описанию особенностей поэтического стиля философской лирики Алигаджи из Инхо (2014) и стилевому своеобразию аварских героико-исторических песен о Кавказской войне (2011).

В монографиях С.М. Хайбулаева, носящих тоже в основном литературоведческий характер, исследуются особенности использования фразеологических единиц в поэзии Гамзата Цадасы (2006) и народные истоки аварской поэзии в целом (1966).

Отсутствие достаточного количества научных работ (монографий и научных статей по проблемам лингвистического и лингвокультурологического анализа текстов поэтических произведений дагестанских авторов, в том числе произведений авторов-женщин), выполненных в собственно лингвистическом и гендерном аспектах, не дает возможности оценить и обобщить традиции исследования дагестанской (аварской) поэзии и какую-либо сформировавшуюся значимую концепцию анализа.

По этой причине мы в данной работе опираемся на опыт изучения поэтического языка и стиля вообще, в том числе на опыт отечественной лингвистической литературы по анализу текстов поэтических произведений в целом.

Актуальность исследования проблемы обусловлена тем, что в лингвистической литературе тексты современной аварской женской поэзии с целью специального системно-комплексного анализа разноуровневых языковых средств создания художественной образности в них с учетом особенностей структурно-грамматической, функционально-семантической,

стилистической и коммуникативной организации до настоящего времени не рассматривались. Актуальность рассматриваемых в диссертации проблем заключается и в их гендерном характере, что дает возможность выделения и описания общетипологических и специфических особенностей использования образно-оценочных средств для текстов современной аварской женской поэзии, и соответствующей гендерно обусловленной (фемининной) языковой символики.

Ряд языковых средств создания художественной образности (повторы разных типов, гендерные национально-культурные фразеологизмы, средства гиперболизации и персонификации, фемининные метафоры, способствующие образно-оценочной организации поэтических произведений, некоторые лингвокультурологические средства создания художественной образности и оценочности) на материале аварской женской поэзии с учетом особенностей их функционально-семантической и морфолого-синтаксической организации в диссертации рассматривается впервые.

Объектом исследования являются языковые средства создания художественной образности в современной аварской женской поэзии.

Предмет исследования – лингвистические и лингвокультурологические особенности языковых средств создания художественной образности в текстах современной аварской женской поэзии.

Целью работы является системно-комплексное исследование лексико-семантических, лексико-синтаксических и морфолого-синтаксических средств создания художественной образности в текстах современной аварской женской поэзии с учетом их типологически общих, индивидуально-авторских и лингвокультурологических признаков.

Конкретные задачи диссертации сводятся к следующему:

1) выявить и описать характерные для текстов современной аварской женской поэзии способы включения эпитетов-прилагательных в поэтический дискурс и их функционально-семантические свойства;

2) определить семантико-стилистические функции антонимов и метафор как средств создания художественной образности в текстах современной аварской женской поэзии; дать характеристику гендерным национально-культурным метафорам-символам, свойственным женской поэзии;

3) изучить индивидуально-авторские особенности персонификации объектов неживого мира и отвлеченных понятий в текстах современной аварской женской поэзии с учетом гендерного фактора и образно-ассоциативного осмысления окружающего мира;

4) рассмотреть типологически общие и индивидуально-авторские особенности лексико-синтаксических средств создания художественной образности в текстах современной аварской женской поэзии;

5) проанализировать языковые образно-оценочные средства актуализации проблемы «отцы и дети» в поэзии Тубхат Зургаловой;

6) определить и описать общетипологические и индивидуально-авторские особенности морфолого-синтаксических средств создания экспрессивно-оценочных значений в текстах современной аварской женской поэзии.

Материалом исследования послужили примеры, отобранные путем сплошной выборки из текстов поэтических произведений (стихотворений и поэм) Фазу Алиевой, Тубхат Зургаловой, Машидат Гаирбековой и Марижат Абдулазизовой (см. в разделе работы «Источники»).

Теоретической базой исследования явились труды отечественных ученых по соответствующей тематике, выполненные на материале отдельных дагестанских и русского языков, а также работы по общим проблемам использования языковых средств создания художественной образности и оценочности в художественной литературе (Аверинцев С.С., Александрова Д.И., Анохина Ю.М., Арутюнова Н.Д., Бакина М.А., Бахтин М.М., Верещагин Е.М., Вольф Е.М., Гаджиева З.З., Гаджихмедова М.Х., Гайдаров Р.И., Зубова Л.В., Кирилина А.В., Ковтунова И.И., Кожевникова Н.А.,

Крылова М.Н., Магомедова С.М., Магомедханов М.М., Маниева Н.С., Маллаева З.М., Маслова В.А., Самедов Д.С., Хайбулаев С.М., Черемисина М.И. и др.).

В диссертации фактический (иллюстративный) материал рассматривается в разных аспектах – в собственно лингвистическом, лингвокультурологическом, функционально-стилистическом и гендерном. Актуализация гендерного аспекта связана с тем, что диссертация посвящена исследованию языковых средств создания художественной образности и оценочности в текстах современной аварской женской поэзии. Фемининный характер исследуемых в нашей диссертации языковых средств создания художественной образности в текстах современной аварской женской поэзии мотивирует актуализацию не только гендерного, но и лингвокультурологического аспекта.

Соответственно, в диссертации использованы методология анализа языкового материала, принятая в традиционной лингвистике, и концептуальные положения лингвокультурологии как пограничной с лингвистикой науки, в связи с чем при анализе иллюстративного материала актуализируются особенности формирования фрагментов индивидуально-авторской фемининной языковой картины мира.

При собственно лингвистическом анализе материала предпочтение нами отдается функционально-семантическому и функционально-стилистическому анализу материала, что объясняется жанром текстов поэтических произведений, носящих гендерный характер. Этим же фактором определяется и то, что в диссертации анализируются не только гендерные (фемининные) особенности языковых средств создания авторских поэтических картин мира, но и способы формирования антропоцентричности, характерные для женской поэзии.

Таким образом, в диссертации принята концепция, согласно которой лингвистическая, лингвокультурологическая и гендерная парадигмы не сменяют друг друга, а накладываются друг на друга и сосуществуют. Идея

антропоцентричности языка, ставшая ключевой в современной лингвистике, используется также при анализе материала нашей диссертации. В связи с этим, например, в диссертационной работе внимание обращается на индивидуально-авторский характер антропоцентрических метафор, средств персонификации объектов неживого мира и отвлеченных понятий в текстах современной аварской женской поэзии.

Формирование такой антропоцентрической парадигмы на основе исследуемого материала позволяет построить алгоритм исследования гендерно-фемининных языковых средств создания художественной образности и оценочности в женском поэтическом дискурсе.

Концептуально важным для нашей работы является и признание того, что языковой портрет автора-женщины определяет лингвистическую и лингвокультурологическую специфику гендерных поэтических текстов и индивидуально-авторских картин мира гендерно-фемининного типа, когда в центре художественного (в нашем случае – поэтического) дискурса стоит языковая личность автора-женщины.

Методы исследования. В диссертации использованы следующие методы: описательный (при описании различных языковых средств создания художественной образности в современной аварской женской поэзии) и сопоставительный (при сопоставительном исследовании индивидуально-авторских особенностей образно-оценочных языковых средств). Частично используются приемы и методика лингвокультурологических исследований (при анализе национально-культурных особенностей языковых средств создания художественной образности и интерпретации гендерной языковой символики).

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые рассмотрены проблемные сферы в изучении функционально-стилистических, лексико-грамматических и этнокультурных особенностей создания художественной образности в текстах современной аварской женской поэзии с учетом гендерного фактора. На материале поэзии Тубхат Зургаловой

впервые анализируется лингвистическая природа проблемы «отцы и дети», связанной с морально-нравственными ценностями и семейными традициями. Определены общетипологические и индивидуально-авторские особенности языковых средств создания художественной образности в текстах современной аварской женской поэзии; рассматриваются гендерно обусловленные языковые символы, соотносительные с разными кодами культуры. Впервые на материале современной аварской женской поэзии в лингвистическом и частично лингвокультурологическом аспектах исследуются особенности средств гиперболизации и персонификации объектов неживого мира и отвлеченных понятий.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при изучении лексики, фразеологии, морфологии и синтаксиса аварской поэзии, гендерно детерминированных символов, ставших культурными знаками аварского языка, а также при изучении языка и стиля аварской поэзии в целом. Проведенное исследование способствует расширению представлений о репрезентации гендернообусловленных языковых средств создания художественной образности и оценочности в аварском женском поэтическом дискурсе.

Диссертационное исследование может послужить своего рода образцом для выполнения аналогичных квалификационных и монографических работ по дагестанской многоязычной поэзии. Иллюстративный материал и полученные на основе его анализа результаты могут быть использованы при сопоставительном исследовании особенностей «мужской» и «женской» аварской поэзии.

Практическая ценность материала диссертации и полученных результатов состоит в том, что они могут быть использованы в практике изучения языка и стиля аварской поэзии в вузах, колледжах и общеобразовательных школах с аварским составом учащихся; при составлении словаря эпитетов аварского языка и словарей языка поэзии

отдельных аварских поэтов, в том числе авторов, поэтические тексты которых анализируются в настоящей диссертации.

Материал диссертации может быть использован также в практике преподавания дисциплин специализации по аварской филологии на русско-дагестанском отделении филологического факультета Дагестанского государственного университета и факультета дагестанской филологии Дагестанского государственного педагогического университета.

Степень достоверности полученных результатов обеспечивается значительным по объему иллюстративным материалом, его лингвистически корректным и непротиворечивым анализом; методами и приемами, соответствующими характеру исследования фактического материала в разных аспектах, и тем, что автор диссертации является носителем аварского литературного языка.

Положения, выносимые на защиту.

1. Эпитеты-прилагательные, антонимические противопоставления, метафоры индивидуально-авторского и национально-культурного характера, средства персонификации объектов неживого мира в текстах современной аварской женской поэзии выполняют различные гендерно и ментально обусловленные семантико-стилистические функции.

2. Гендерно детерминированное символически-переносное употребление эпитетов-прилагательных в сочетании с концептуально значимыми субстантивами способствует расширению их валентностных свойств, актуализации образно-оценочных компонентов.

3. Антонимические противопоставления узуального и контекстуального характера могут носить оксюморонный характер, что приводит к формированию экспрессивных значений и актуализации гендерно детерминированного оценочно-символического пространства.

4. Гендерные метафоры, носящие национально-культурный и индивидуально-авторский характер и соотносительные с разными кодами

культуры, выступают в роли образных средств формирования фемининной поэтической языковой картины мира.

5. В качестве средств персонификации объектов неживой природы и отвлеченных понятий используются слова конкретных семантических групп; слияние метафоры и средств персонификации способствует формированию единого гендерно обусловленного образно-ассоциативного пространства.

6. Гиперболы, лексические повторы, выполняющие усилительные функции, сравнительные конструкции, фразеологизмы в основном подчинены актуализации коммуникативных намерений авторов поэтических произведений, формированию фрагментов индивидуально-авторской картины мира и экспрессивно-оценочных значений, характерных для текстов современной аварской женской поэзии.

7. Функционально-стилистические особенности морфолого-синтаксических средств создания художественной образности способствуют формированию фонда эмоционально-оценочных значений и соответственно фрагментов индивидуально-авторской фемининной языковой картины мира.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедр русского и дагестанских языков, на ежегодных научно-практических конференциях профессорско-преподавательского состава Дагестанского государственного университета (2015-2019). Результаты исследования докладывались на Всероссийских научных конференциях «Проблема жанра в филологии Дагестана» (Махачкала 2016, 2017), на Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения кавказских языков» (Махачкала 2017), Всероссийской научной конференции «Гамзатовские чтения – 2018» и Международной конференции «Языки и культуры народов России и мира» (Махачкала 2019).

Основные результаты работы изложены в **18** публикациях. **4** статьи опубликованы в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура и объем работы. Цель и задачи исследования определили структуру работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, списков использованной теоретической литературы и источников. Общий объем работы составляет 177 страниц.

ГЛАВА 1. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ АВАРСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

1.1. Функционально-семантическая характеристика эпитетов-прилагательных

Эпитеты-прилагательные в аварской женской поэзии выполняют важные семантико-стилистические функции. Они употребляются для описания внутренних эмоциональных состояний и переживаний, явлений природы, для выражения отношения к близким или известным своей общественной значимостью людям и т.д.

Следует обратить внимание на использование в поэзии Т. Зургаловой прилагательных-эпитетов, выполняющих различные образно-оценочные функции и посвященных памяти матери, определительно оценивающих ее в разных жизненных ситуациях:

глазизай эбел «дорогая мать», *хирияй эбел* «любимая мать», *хIалимай эбел* «нежная мать», *узданай эбел* «аккуратная мать», *чIухIарай эбел* «гордая мать», *эбелалъул хIасратаб гъаракъ* «ласкающий голос матери», *эбелалъул глагараб гъаракъ* «матери родной голос», *пониIорал бидурихъал* «надувшиеся [от труда] вены», *херлъарай эбел* «постаревшая мать», *пашманаб гьумер* «печальное лицо», (эбелалъул) *тIеренаб ракI* «(матери) тонкое сердце» и др.

Такие эпитеты-прилагательные отличаются индивидуально-авторскими коннотациями и соответствующей образной оценочностью.

Эпитеты-прилагательные в различных поэтических произведениях Тубхат Зургаловой используются в сочетании со словами разных лексико-семантических групп, образующих смысловое пространство таких концептов, как «мать», «родное село», «горе, страдания»:

лъимадулаб роххел «детская радость», *бецIдерил цIаязул глагараб хинлъи* «бацадинских огней уютное тепло», *цIорораб дур хоб* «холодная твоя

[матери] могила», *кIилкIазул гIагараб узданлъи* «сережек [матери] дорогое изящество» (здесь использован смещенный эпитет, грамматически связанный с одним компонентом, но семантически характеризующий другое слово эбел «мать»), *сунареб пашманлъи* «постоянная печаль» [по случаю смерти матери], *бухIараб магIу* «горячие слезы», *чIобогояб рукъ* «пустой дом», *чIегIераб лъагIел* «черный год» [после смерти матери], *чIегIераб ретIел* «черная одежда» [символ траура по матери], *ахирияб хIухъел* «последний вздох», *ахирияб рогъел* «последний рассвет», *ахирияб уба* «последний поцелуй [матери]», *чIунтараб дир керен* «разрушенное мое сердце», (*кIудияй ясалъул*) *цо хассаб урхъи* «(старшей дочери) особые страдания», *даруял хурдул* «лекарственные растения» [для матери] и др.

Особый интерес в функционально-семантическом и стилистическом аспектах представляют немногочисленные прилагательные-эпитеты, семантически несовместимые с определяемыми существительными. Такие адъективно-субстантивные сочетания основаны на принципе алогизма: ср. *дир гIолохъанаб херлъи* «моя молодая старость» (сочетание построено на принципе алогизма), *гIодулел сардал* «плачущие ночи» и т.д.

Прежде всего, в современной аварской женской поэзии следует отметить гендерные эпитеты, характеризующие женщин (мать, близких подруг, родных и т.д.) и соотносительные с разными кодами культуры – антропным и телесным. Часть таких эпитетов характеризует внутренние эмоциональные состояния, различные чувства, переживания матерей за детей или переживания людей по потере близких, достойных людей:

ГIагараб гъасде къулун

Эбелалъул ургъелал.

Над родным очагом склонились

Материнские переживания.

(Т. Зургалова. «Дир ургъалил гъансито»)

Сордо гъечIо, кьо гъечIо,

Нет ни ночи, ни дня

Стихи о матерях подчеркивают не только их внутренние эмоциональные состояния, переживания, страдания, заботы, но и мудрость, которая оберегает детей и направляет их по правильному жизненному пути: ср. *ботIроль камилаб гIакълу* «в голове мудрый ум», *гIужилаб гIакълу* «созревшая мудрость», *мухIканаб бербалагъи* «осторожно-мудрая опека/забота», *дур гIакъилаб нухмалъли* «твое мудро-справедливое руководство», *гIакъилаб къудрат* «мудрая власть».

ГIакъилал, гъваридал дур малъа-хъваял...

Мудрые, глубокие твои советы...

Сабурай, хIалимай магIарул чIужу...

Мудрая, нежная горянка [моя]...

(М. Абулазизова. «*Дий эбел хисарай хирияй Бажу*» –

«Заменившая мне мать дорогая Бажу»)

Часть эпитетов-прилагательных в современной аварской женской поэзии актуализирует концепт «любовь», чувства и переживания, страдания, связанные с разлукой, измену и чистоту чувств и т.д.:

БацIадаб рокъи «чистая любовь», *гIашикъаб балай* «страстное чувство», *гъайбатаб асар* «прекрасное чувство», *урхъараб кечI* «страстная песня» (о чувстве любви), *дир тIубачIеб рокъул пашманаб мугъру* «моей не состоявшейся любви печальная печать» (Т. Зургалова); *гъайбатой бахIарай* «прекрасная невеста», *хIасратаб ракI* «страстное сердце», *бацIадаб рокъи* «чистая любовь», *хIасратаб асар* «страстное чувство» (М. Абдулазизова). Некоторые из таких эпитетов-прилагательных стали типичными для женской поэзии и постоянными: *бацIадаб (рокъи)* «чистая (любовь)», *гIашикъаб (балай, рокъи)* «страстная любовь, чувство»), *хIасратаб асар* «страстное чувство», *хIасратаб ракI* «страстное сердце» (Ф. Алиева) и др.

ГIажсаибаб рохел дир рекIельги лъун,

Дур гъаракъ лъугъана урхъараб кечIлъун.

Вложив в мое сердце удивительное чувство,

Твой голос стал [для меня] страстной песней.

(Т. Зургалова «АхIе, гьудул, дихъе» – «Позвони мне, друг»)

Нилъер дандчIваязул къокъал лахIзатал

Къарзалъе къураллъун рекIель цIунила.

Наших встреч короткие миги,

Как в долг взятые, в сердце сохраню.

(Т. Зургалова. «Жакъаги мун вачIинчIо» – «И сегодня ты не пришел»)

ТалихIаб дур гьурмада

Дирго дуниял цIалула.

На лице твоём счастливом

Свою жизнь читаю.

(Т. Зургалова. «Ругьунлъун йиго дун» – «Я привыкла»)

Халатал хьулазулъ хьихъарав гьудул,

Дуе гьимизецин дида лъаларо.

В мечтах бесконечных убаюканный друг,

Не знаю даже, как улыбаться тебе.

(Т. Зургалова. «ГъадигIан пашманго жеги букIинчIин» – «Так печально не было никогда»)

Дир раглабазул кечI ахIулеб буго,

ГурхIараб дир гIишкъу гьурицулеб буго.

Пою песню, сочиненную мною,

Печальную страсть свою в тебя бросаю.

(Т. Зургалова «ГъадигIан пашманго жеги букIинчIин» – «Так печально не было никогда»)

Дир гIашикъаб раКIаль дур рокьялда

Куркъбалги дуй гъела, гъежги дуй цвина.

Мое страстное сердце твоей любви

Крылья создаст и плечо подставит.

(Ф. Алиева. Из четверостиший)

В ряде стихотворений и поэм современных аварских поэтесс эпитеты-прилагательные используются для оценочной характеристики современного времени, достоинства людей в прошлом и сейчас, современных морально-нравственных ценностей, традиций:

хассал гIадамал «особенные [достойные] люди», *гъерсилаб дунял* «лживый мир», *хассал гIадатал* «особенные традиции», (Т. Зургалова), *чIухIарал бахIарзал* «достойные юноши», *бахилаб заман* «завидное [достойное] время» (М. Гаирбекова) и т.д.

РукIана мугIрузда хассал гIадамал,

Хасалил сардазда халатал цIаял.

Были в горах особенные люди,

В осенние ночи длинные огни.

(Т. Зургалова «Заман хисун гъечIо, ниль хисун руго» – «Время не изменилось, изменились мы»)

Дица щиб гъабилеб, гъерсилаб дунял,

ХIехъезе жакъаги жан гIолеб гъечIо.

Что же мне делать, лживый мир

Терпеть сил у меня не хватает.

(Т. Зургалова «Дир вацасул лъади» – «Жена моего брата»)

Гъоболтъи борхараб бахилаб заман,

Гъудултъи цIунараб хIикматаб заман.

Прекрасное время, цену куначеству поднявшее,

Чудесное время, ценящее дружбу.

(Т. Зургалова «*Заман хисун гьечЮ, ниль хисун руго*» – «Время не изменилось, изменились мы»)

*ЧухIараб рагIи бшун,
Льидехунго кIалъачIин.*

С гордыней [букв. «гордыми словами»]

Ни с кем не разговаривал.

(М. Гаирбекова «*Дагъистаниязул Вас*» – «Сын Дагестана»)

Практически во всех анализируемых нами поэтических произведениях в качестве определительно-оценочных компонентов используются цветные прилагательные (в прямых и переносных значениях):

багIарал маржанал «красные ожерелья» (Ф. Алиева), *багIараб гьими* «красная улыбка», *чегIераб лъагIел* «черный год» (Т. Зургалова), *хъахIал расал* «седые (букв. «белые») волосы» (М. Абдулазизова), *рекIель чегIераб тIанкI* «в сердце черное пятно», *канал маргъаби* «светлые сказки», *гIурччинал гарцIал* «зеленые кузнечики», *чараб цIад* «пестрый дождь» (о падающих с деревьев листьях), *хъахIабги чегIерабги лъугъа-бахъинал* «черные и белые происшествия» (Ф. Алиева):

БагIарал маржанал рокъула дие,

Макъильги рихъула гьел цо-цо нухаль.

Мне нравятся красные ожерелья,

Иногда я их вижу даже во сне.

(Ф. Алиева. Из четверостиший)

БагIараб гьими гурел

Гъунар диеги къечЮ.

Кроме красной улыбки,

Мне не дано другого достоинства.

(Т. Зургалова «*Дирго мекъльи сабаблъун*» – «Из-за своего упрямства»)

ЛъагIел. ЧегIераб лъагIел.

ЛъугIана. ГъечIо эбел.

Год. Черный год [прошел].

Прошел. Нет матери.

(Т. Зургалова «Эбелалъул васигат» – «Завещание матери»)

<i>Дир гъансил тIиналда</i>	На дне моего сундука
<i>Тюгылал кагътал,</i>	Желтые (=пожелтевшие) письма,
<i>ТIаде кIулал рахан,</i>	Сверху закрыв замком,
<i>Нахъе лъун руго.</i>	Хранятся вечно.

(Т. Зургалова «Солдатасул лъади» – «Жена солдата»)

Антонимические прилагательные-цветообозначения *хъахIаб* «белый» и *чегIераб* «черный» в переносном значении символически используются для усиления антитезы и одновременно для подчеркивания того, что мир состоит из белого (положительного) и черного (отрицательного): черный (*чегIераб*) цвет символизирует негативные явления в жизни (скорбь, тяжелые переживания, потерю близкого человека и т.д.), а белый (*хъахIаб*) – все положительное, светлое.

<i>ХъахIабги чегIерабги,</i>	Черные и белые
<i>Лъугъа-бахъин бакIарун,</i>	События изобразив,
<i>Хъварал романал гIадал,</i>	Будто написанные романы,
<i>Суратал руго гъесул.</i>	Смотрятся его картины.

(М. Гаирбекова. «Гургинаб дунял буго дур музейлъун, Халил-бег» – «Круглая земля эта – твой музей, Халил-бег»)

Ряд прилагательных-эпитетов используется в усилительных функциях, выражая высокую степень обозначаемого:

тIадегIанал ишал «высокие дела» (в знач. «очень важные/государственно важные дела» (М. Гаирбекова), *чIагояб къадру* «живое достоинство», *гъитIинаб рекIель бугеб кIудияб рокьи* «в маленьком

сердце большая любовь», *кIудиял гьунарал* «большие дела, поступки», *тIадегIанаб тах* «высокая должность», *гьарзаяб пагьму* «большой талант (=способности)», *хвалченгIан бегIераб мацI* «острая, как кинжал, речь» (М. Гаирбекова).

Использование таких параметрических прилагательных-эпитетов в прямых и переносных значениях связано с коммуникативными намерениями поэтессы Машидат Гаирбековой в поэме «Сын Дагестана» [поэма посвящена бывшему первому секретарю Дагестанского Обкома партии], носящей характер по жанру одновременно и оды, и плача.

Как показывает анализ материала, стилистическая окраска эпитетов и выполняемые ими изобразительные и оценочные функции зависят от тематики поэтических произведений, их коммуникативно-прагматической направленности и коннотативных возможностей в переносных (чаще) значениях. При таком переносном и символическом использовании эпитетов расширяются их валентностные возможности, реализованные в новых семантико-синтаксических условиях.

1.2. Способы включения эпитетов-прилагательных в поэтические тексты

Изучение способов включения эпитетов-прилагательных в тексты современной аварской женской поэзии имеет значение не только в формально-композиционном аспекте, но и в стилистическом. Та или иная позиция эпитета в поэтическом тексте связана с коммуникативными намерениями автора и соответственно с актуальным членением синтаксических конструкций в структуре поэтического текста.

Анализ материала, собранного нами из поэтических произведений Фазу Алиевой, Тубхат Зургаловой и Машидат Гаирбековой, свидетельствует о том, что эпитеты-прилагательные по-разному включаются в тексты их стихотворений и поэм.

Прежде всего, следует отметить типичные случаи препозитивного по отношению к определяемому слову употребления прилагательных-эпитетов в прямых и переносных метафорических значениях:

Тубхат Зургалова: *чармил наслу* «стальные потомки», *чиярав тушман* «чужой враг» («*Дагъистан*»/«Дагестан»), *Гагараб росу* «родное село» («*Маржанал*»/«Ожерелье»), *мугИрузул улка* «горная страна», *къваридаб магIу* «горькие слезы» («*Мун рехсезе кIолеб къаламни гъечIо*»/«Нет такого карандаша, чтобы писать о тебе»);

Фазу Алиева: *лъукъараб ракI* «раненое сердце», *къогIаб загъру* «горький яд» (из четверостиший);

Машидат Гаирбекова: *гъалагал карачелал* «бурные волны (о переживаниях)», *гIурччинаб хер* «зеленая трава»:

Амма къуричIого буго АхIулгохI,

Аралъул нугIзалъун – даимал мугIрул.

Но не изменилась [гора] Ахульго,

Свидетели прошлого – вечные горы.

(Т. Зургалова. «*Дагъистан*» – «Дагестан»)

Гагараб росуги,

Росасул ракъги –

Дир кваркъаби рукIин,

Гъезда лъаладай?

(Т. Зургалова. «*Маржанал*» – «Ожерелье»)

Родное село

И земля [=родина] мужа

Что крылья они мои,

Знают ли они?

Амма жакъа гурони

РихъичIо гъанир дида

Гагараб гъасде къулун

Эбелалъул ургъелал.

(Т. Зургалова. «*Эбелалъул ургъелал*» – «Думы матери»)

Но только сегодня

Я здесь увидела,

Как над родным очагом

Склонились думы матери.

Лъукъараб раКалдаса, Раненое сердце,
КъабгIараб заралдаса Удар кулаком,
Тасса лъугъине кIвани, Если сможешь простить –
КIудияб бахIарчилъи. Это большое мужество.
(Ф. Алиева. Из четверостиший)

ГьитIинай яц киниги, кидаго дун цIунана.

Как младшую сестру, всегда меня защищал.
(М. Гаирбекова. «Дагъистаниязул Вас» – «Сын Дагестана»)

Бергъараб рокьялъ рокъана дуе
Рорхатал мугIрулгин, ракъгин гIадамал.

Сильной любовью полюбил ты
Высокие горы, землю и людей.
(М. Абдулазизова. «Бергъараб рокъи» – «Сильная любовь».)

Эпитеты-прилагательные в современной аварской женской поэзии могут быть употреблены и в контактной по отношению к определяемому слову постпозиции, что может быть связано с актуальным членением поэтических синтаксических конструкций. Такие эпитеты иногда носят дополнительно-уточняющий характер, поэтому для их актуализации обособляются от определяемого слова интонационно и на письме запятыми:

Маржанал – дир къоял, Ожерелье – мои дни,
ХъахIал, чIегIерал, Белые, черные,
ЧIужугIаданальул Женского
РекIел асарал. Сердца чувства.
(Т. Зургалова. «Маржанал» – «Ожерелье»)

Нуж гьедин хвелилан ратиларищ ал, –
Сардал парохатал, къоял гIадатал.

Думают, что вы так уйдете,

Ночи спокойные, дни обычные.

(Т. Зургалова. «Нахъойги базаралда» – «Снова на базаре»)

ХъахIал гордазда гъоркъ ракIал чорокал

Под белыми рубашками сердца нечистые.

(Т. Зургалова. «Нахъойги базаралда» – «Снова на базаре»)

Лебаллги чарамулаб черхолъа рухI босана.

Из тела с доблестью стальной душа отошла

(М. Гаирбекова. «Дагъистаниязул Вас»– «Сын Дагестана»)

ГIамалги берцинай, цIарги берцинай...

С характером красивым и именем красивым...

(М. Абдулазизова «РакI лъикIай гъудулалде» – «Подруге с открытым сердцем»)

Постпозитивные эпитеты-прилагательные, как показывает материал исследования, больше характерны для Т. Зургаловой. Такие эпитеты выполняют уточняюще-дополняющие функции в стихотворениях, актуализирующих внутренние эмоциональные состояния. В стихотворениях М. Абдулазизовой постпозитивные эпитеты употребляются в качестве портретных зарисовок. Для Фазу Алиевой характеризуемая позиция эпитетов-прилагательных не характерна.

Имеет место цепочечное употребление эпитетов-прилагательных, когда один эпитет как бы нанизывается на другой. При этом цепочечные определяемые прилагательные могут быть семантически разными или повторяющимися:

Гагарал, Гагарал дир студентал,

Даим кумек гъабе чIаго ятизе.

Дорогие, дорогие мои студенты,

Помогите, чтоб остаться живой.

(Т. Зургалова. «*Дарсиде кватичю киданиги дун*» – «Не опаздывала я никогда на уроки»)

Теренал, кьвакIарал дур кверзул килщаз

Камилаб моцI гадаб клутана жергъен.

Тонкие, жесткие твоих рук пальцы

Играли на бубне, подобном круглой луне.

(Т. Зургалова. «*БецIдерил булбул*» – «Бацадинский соловей»)

Цадулал рагъул соназ

Инсул ВатIан къачIана.

В огненные военные годы

Землю отцов укреплял.

(М. Гаирбекова. «*Дагъистаниязул Вас*» – «Сын Дагестана»)

Сабурай, хIалимай магIарул чIужу...

Терпеливая, нежная горянка...

(М. Абдулазизова «*Дий эбел хисарай хирияй Бажу*» –

«Заменившая мне мать дорогая Бажу»)

ГIакъилал, гъваридал дур малъа-хъваял...

Мудрые глубокие твои советы...

(М. Абдулазизова. «*Дий эбел хисарай хирияй Бажу*» –

«Заменившая мне мать дорогая Бажу»)

Большей частью, как показывает материал, цепочечное употребление эпитетов-прилагательных характерно для стихотворений, посвященных матерям, в которых эмоциональный накал достаточно высок. Такие эпитеты рисуют разные качества близкого, родного человека, в коннотативном плане соответствующие синтаксические конструкции создают эмоционально-позитивный фон стихотворений.

В отличие от русской поэзии, в аварских поэтических произведениях дистантная позиция эпитетов-прилагательных используется непродуктивно. Такие случаи единично встречаются в основном в поэзии Тубхат Зургаловой и исключительно редко у Фазу Алиевой. Дистантные (=неконтактные) эпитеты-прилагательные могут быть как препозитивными, так и постпозитивными:

Доле мун кIусулеб бакI,

БадибчIвайгIан цIорораб.

Вот место, куда ты садишься,

Подобно упреку холодное.

(Т. Зургалова. «Жакъаги мун вачIинчIо»/«И сегодня ты не пришел»)

Гъезул щивасул буго

Бальгояб цо хазина.

У каждого из них есть

Тайное одно сокровище (=тайна).

(Т. Зургалова. «Дир пиша» – «Мое ремесло»)

КIарчамал дурго квачIаз

Дир магIил гарал лъухъай.

Живыми своими руками

Мои слезинки вытри.

(Т. Зургалова. «ХIажимурадил Мурад» – «Мурад Хаджимурада»)

Для поэтических текстов современных аварских поэтов характерно и попарное употребление эпитетов-прилагательных, характеризующих один или разные предметы.

Дир тIубачIеб рокъул

Бальгояб цо хазина.

Моей несостоявшейся любви

Тайное одно сокровище.

(Т.Зургалова. «*ЧегГераб баргъич*» – «Черное колечко»)

КГудияб божелгун гьитИна инсан

Нужехъ валагъидал, огъ, гьесул берал.

С большой надеждой маленький человек

На вас когда смотрит, ох, его глаза!

(Т. Зургалова. «*Лъмалазул тохтир*» – «Детский врач»)

РукІана мугІрузда хассал гІадамал,

Хасалил сардазда халатал цІаял.

Были в горах особые люди,

В зимние ночи долгие (= не гаснущие) огни.

(Т.Зургалова «*Заман хисун гьечІо, ниль хисун руго*» – «Время не изменилось, изменились мы»)

Меседил хасалихълы, барщараб тІорщел,

Поразульги тІерхъун хурий йиго дун.

Золотая осень, созревший урожай,

В колосьях утопаю в поле [этом].

(Ф. Алиева. «*Дир рогьелалъул хІинчІ*» – «Птица моего утра»)

Дун рогъалил гІужалда

Я в утреннее время

ГІурччинаб ахикъ йиго,

В зеленом саду,

Чараб цІад буго диде

Пестрый дождь на меня

ГъутІбуздасан чвахулеб.

Падает с деревьев.

Борхатаб къадруялъ, къуватаб рухІалъ,

Гъайбатай бахІарай, хІал къуна дуге.

Высокое достоинство и сильный дух,
Прекрасная невеста, дали тебе силы.

(М. Абдулазизова. «Солдатасул лъади» – «Жена солдата»)

Прилагательные-эпитеты могут быть употреблены как самостоятельно в сочетании с определяемыми субстантивами разных лексико-семантических групп, так и в составе сравнительных конструкций. Такое употребление сравнений особенно характерно для поэтических произведений Фазу Алиевой:

КъогIаб загьру гIадаб чIалгIен дий тезе,

Дица дуй гьабураб рекIкIищ букIараб?

Чтобы мне оставить скуку, горькую как яд,

Что же плохого я натворила?

(Ф. Алиева. Из четверостиший)

ГьитIинаб лъар, кIудияб

ГIор гIадин, бахизе лъай.

Маленькую речку, как большую

Реку, переходить умей.

(Ф. Алиева. Из четверостиший)

Особенности такого употребления прилагательных-эпитетов в разных семантико-стилистических целях могут стать предметом специального исследования. Кроме того, на материале аварской поэзии прилагательные-эпитеты не изучены в гендерном аспекте. В связи с таким изучением определительных компонентов в поэтической речи исследователи отмечают, что в русской поэзии прилагательные-эпитеты, характеризующие женщин, отличаются лексико-семантическими и морфолого-словообразовательными признаками, связанными с характеристикой лица женского пола [Маниева, 2007]. Такое исследование эпитетов-прилагательных в аварской женской поэзии также имеет, на наш взгляд, определенную перспективу специального исследования.

1.3. Семантико-стилистические функции антонимов в современной аварской женской поэзии

Полярные по содержанию явления и признаки обычно передаются антонимами. Как известно, антонимические противопоставления могут иметь как узуальный, так и контекстуальный характер. В качестве антонимов могут быть употреблены слова, которые вне контекста не воспринимаются как контрастные. Такое явление контекстуальной антонимии характерно для поэтических произведений, где созданные автором данного произведения структуры отличаются индивидуальностью и необычностью. Антонимические противопоставления могут носить и оксюморонный характер, когда сочетающиеся лексические единицы семантически (логически) противоречат друг другу.

Особая роль в поэзии принадлежит контекстуальным антонимам. Контекстуальные антонимы как средство изобразительности в основном употребляются в художественной речи. Это связано с тем, что «в тексте художественного произведения резко изменяются, смещаются и тем самым приобретают новый смысл и новую образно-выразительную силу любые элементы системы языка» [Громова, 2003: 111]. К числу таких элементов языка относятся и антонимы.

В настоящем разделе рассматриваются особенности семантико-стилистического использования антонимов в современной женской аварской поэзии. Актуальность поднимаемой проблемы связана с тем, что такая проблема на материале аварской женской поэзии специально не рассматривалась. Между тем важно обратить внимание на возможности использования антонимов в коммуникативно-стратегических целях того или иного поэта. «Коммуникативная стратегия поэта формируется с учетом возможных разных вариантов реагирования читателя на представленный в тексте возможный мир» [Быдина, 2003: 109]. Отсюда следует, что коммуникативные задачи поэта имеют прагматическую направленность,

связанную с изображением в поэтическом дискурсе авторской картины мира, которая может иметь одновременно и национально-культурный характер.

Антонимы в художественной речи отличаются образно-оценочной значимостью. В связи с этим в индивидуальной языковой картине мира антонимы становятся важными средствами выражения авторского отношения к окружающему миру, интерпретируемому им в соответствии с собственной языковой личностью и коммуникативно-прагматической стратегией.

В данном разделе диссертации использован материал поэтических произведений аварских поэтесс Фазу Алиевой (2007), Тубхат Зургаловой (2013), Машидат Гаирбековой (1998) и Марижат Абдулазизовой (2014), опубликованных в разных поэтических сборниках. В целях сохранения индивидуально-авторской специфики языковых средств и их образно-оценочного потенциала в основном даются буквальные (=пословные) переводы соответствующих примеров на русский язык.

Антонимическое противопоставление слов разных частей речи в исследуемых поэтических произведениях нередко создается употреблением одного из компонентов лексико-семантической оппозиции в переносном значении для усиительного подчеркивания несоответствия видимой (внешней) стороны и внутренней сути лиц (или реже предметов). Такое контекстуально-антонимическое употребление слов приводит к формированию не только лексической, но и синтаксической экспрессивности, так как в новых синтаксических условиях (в сочетании со словами определенной семантики) усиливаются эмоционально-оценочные возможности лексических единиц:

ХьахIал гордазда гьоркъ раkIал чорокал

Чилъи гьечIел бутIрул гьазда лъаларо.

Под белыми рубашками грязные сердца [имея]

Не имеющим чести властям это [достоинство] неведомо.

(Т. Зургалова «*Нахъойги базаралда*» – «Снова на базаре»)

В данном дискурсе антонимически использованы слова *хъахIал* (*гордал*) «белые (рубашки)» и *чорокал* (*ракIал*) «грязные (сердца)», где контекстуальная антонимия прилагательных символически поддерживается переносно употребленными словами *рубашки* (внешняя, видимая сторона чиновников) и *сердца* (=внутренний моральный облик тех же чиновников), тем самым подчеркивается лицемерие чиновников, их морально-нравственная несостоятельность, отсутствие внутреннего достоинства.

Такое контекстуальное употребление адъективных компонентов в качестве антонимов формирует негативные коннотации, развивает потенциальные отрицательные оценочные возможности слов. А негативная оценка является важным фактором, способствующим реализации коннотативных возможностей языковых средств. «Формируясь в речевой коммуникации, оценка передает одобрение или неодобрение, порицание или похвалу» [Касторнова, 2003: 24].

В ряде случаев такого типа контекстуально-оценочное противопоставление качеств мужчин и женщин приобретает символический, гендерно детерминированный характер. Так, например, слово *тIагъур* «папах» традиционно в дагестанской языковой картине мира выступает в качестве символа достоинства и чести мужчины, а слова типа *кIаз*, *гулмендо* (=гормендо) «женский платок» символизируют морально-нравственное достоинство женщин (платок в этом случае выступает в качестве символа женской чести и чистоты). В символическом стихотворении Марижат Абдулазизовой «*Чахъаги магIарулай!*» – «Да здравствует горянка!» честь и достоинство настоящей горянки противопоставляются недостойным качествам части мужчин, в связи с чем здесь использована соответствующая маскулинная и фемининная символика:

Чанги бихъиназул тIогърохъ кьолареб

КьуричIо гулмендо дур ботIродаса.

На папах многих мужчин

Не заменишь твой платок достойный.

Такое контекстуально-антонимическое противопоставление символически значимых слов находит поддержку при помощи переносно использованного глагола *кьуричло* (*гулмендо дур ботПродаса*) «не сдвинулся» (платок с головы твоей). Здесь в имплицированной форме выражен смысл, что настоящая женщина-горянка знает себе цену, никто не смеет дотронуться до её с гордостью носимого платка – символа чести. Так формируется внутренняя экспрессия оценочного характера.

Антонимическая символика, эмоционально интерпретируемая и осмысливаемая ассоциативно, иногда приобретает философский характер. Такой характер, например, имеют следующие строки из стихотворения Тубхат Зургаловой «*Дир ургьелалъул гьансито*» – «Очаг моих переживаний»:

<i>Рос-рукъалъулго ургьел,</i>	О муже-доме заботы,
<i>Анлъго лъимадул ургьел</i>	О шести детях заботы,
<i>Дуниялалъул ургьел,</i>	Жизни (земной) переживания
<i>Ахираталъул ургьел.</i>	И загробной жизни переживания.

Здесь использованы слова *дунял* «мир» (бранный) и *ахират* «загробный (мир)», наполненные религиозным содержанием. Личные переживания, связанные со смертью любимой матери, получают философскую интерпретацию путем противопоставления двух разных миров. Эмоционально-усилительные функции выполняют соответствующие повторы, формирующие коннотативный слой дискурса.

Повторы антонимических противопоставлений в усилительно-эмоциональной функции использованы и в поэме Т. Зургаловой «*Эбелалъул васигат*» – «Завещание матери»:

<i>Рохелги, къварилъиги,</i>	<u>Радости</u> и <u>печали,</u>
<i>Къоялги, дир сардалги,</i>	<u>Дни</u> и мои <u>ночи,</u>
<i>Дир ясаз рикьулелъул,</i>	Когда дочери мои делили,
<i>Дун талихIай йикIана.</i>	Я счастлива была.

Как и понятия «жизнь» и «смерть», в стихотворении Тубхат Зургаловой «*Дир кечI гIодилеб буго*» – «Моя песня плачет» символически интерпретируется антонимическое противопоставление «добро» – «зло»:

ЛьикЛьи хIехъезе кIвечIез Кто не оценил добра,
Квешльи хIехъезе кколн. Тому приходится терпеть зло.

Экспрессивно-эмоциональный компонент в данном дискурсе поддерживается и усиливается соответствующей образно-поэтической трансформацией аварской поговорки о месте добра и зла в жизни человека. Такая поэтическая трансформация паремиологической единицы приводит к усилению её инструктивно-поучительной функции и семантики долженствования.

Данные антонимические понятия (добро и зло) используются и в поэме Машидат Гаирбековой «*Дагъистаниязул вас*» – «Сын Дагестана»:

ЛьикIаб, квешаб – кинабго И хорошее, и плохое – все
Жиндего тIад босана. На себя взял.

Общественная значимость и морально-нравственные качества руководителя республики, образно названного Сыном Дагестана, оцениваются и усиливаются в форме своеобразной песни-плача употреблением обобщающе усилительного слова *кинабго* «все» (=и хорошее и плохое в жизни) и включением в поэтический дискурс фразеологической единицы *тIаде босизе* «быть ответственным, взять что-либо (или все) на себя» [Магомедханов, 1993: 312].

В этой же поэме Машидат Гаирбековой авторская интерпретация антонимических понятий «живой» – «мертвый» получает общефилософскую и социальную значимость: слово *вас* «сын» контекстуально интерпретируется как «достойный Сын (своей Родины)», сделавший много хороших дел:

Чагоязда гьоркъоса Хоть из [рядов] живых,
Хвалица вахъаниги, Смерть отняла его,
Хвел гьечIезуль цIарги хъван, Бессмертно имя его,

Чаго вукӀнев дир вац.

Брат мой – среди живых.

В данном поэтическом дискурсе противопоставляются понятия *чаго* (*вукӀнев*) «быть живым» – *хвезе* «умереть», *чагоял* «живые» – *хварал* «умершие». Эмоционально-оценочная интерпретация и актуализация бессмертия имени достойного человека усиливается противительными смысловыми отношениями, выраженными использованием формы уступительного наклонения глагола *хвалица вахъаниги* «смерть хоть и отняла». Кроме того, здесь использовано фразеологизированное выражение *хвел гьечӀезуль цӀарги хъван* «среди бессмертных имя высечено» (букв. «написано»), усиливающее эмоционально-оценочный фон стихотворения, посвященного памяти руководителя Республики Дагестан.

Понятия *жизнь* и *смерть* в этой поэме противопоставляются не раз, акцентируя внимание на «жестокой» (*гӀасияб*) границе между ними, отделяющей один мир от другого:

Гумругун хвел бикъулеб

Жизнь и смерть разделяющая

ГӀасияб гӀорхъи...

Жестокая граница...

Стилистически нейтральные лексические антонимы (например, *гьитӀинаб – кӀудияб* «маленький – большой») в поэме Машидат Гаирбековой приобретают возвышенный, стилистически окрашенный характер в силу значимости, актуальности описываемых событий, имеющих отношение к родной республике Дагестан и к смерти ее руководителя. В этом случае становится значимой валентность адъективных определительных компонентов: стилистическая окраска создается употреблением в сочетании с указанными прилагательными социально значимых по содержанию существительных *улка* «страна», *гьунар* «большие дела, подвиги» и т.д.:

ГьитӀинаб улкаялъул

Кто на маленькой страны

КӀудияб гьунаралде

Большие подвиги

РагӀадал рехулезде

Тени бросает,

Бакъ щвараб къо щвеларо.

У тех спокойной жизни не будет.

В этом плане оценочно интерпретируемые как значимые прилагательные *гьитИнаб* – *кИудияб* «маленький – большой» можно сопоставить с их употреблением в поэме Тубхат Зургаловой «*Инсул дарсал*» – «Уроки отца», в которой затрагиваются не общественные, а личные переживания и воспоминания, связанные со смертью отца:

*ГьитИнаб гIеретIгун годекIан кьотIун,
КИудияб иццухъа юссаницинахъе,
Дир ясаль цIураб лълъехъ кьечон вукIанин,
Дандего цолаан гъев больоухъе.*

С маленьким кувшином через годекан
От большого родника когда возвращалась,
Жаждал воды, набранной моей дочерью, говоря,
Он [отец] к ступенькам лестницы приближался.

Философскую интерпретацию получают иногда и использованные в стилистических целях конверсивы, пограничные с антонимическими противопоставлениями. В таком контексте использованы, например, глаголы-причастия *бихъизе* «порвать» – *букъизе* «сшить» в стихотворении Тубхат Зургаловой «*Эмен вачIун вуго дихъе гьоболлъухъ*» – «Отец пришел ко мне в гости»:

*Бихъараз букъулеб кьохъол дуниял
Дун гьитИнаб мехаль бихъун букIинчIо.*

Кто рвет, тот и шьет из шкуры [сотканный] мир,
Но в моем детстве он не был порванным.

Автор стихотворения противопоставляет два мира – старый мир (советского времени) и новый мир (постсоветский мир нового времени). Компаративная деактуализация нового мира, которого «рвут на части», как шкуру, способствует эмоционально-оценочной актуализации значимости доброго старого и справедливого (по понятиям поэтессы) мира. Адъективно-субстантивный негативно-оценочный компонент *кьохъол дуниял* «шкурный (=плохой, недостойный) мир» имеет как фразеологизм национально-

специфический характер на денотативном уровне, что в свою очередь способствует выражению национально-культурных негативных коннотаций.

В лирических стихотворениях антонимические лексико-синтаксические противопоставления могут быть усилены использованием компаративных структур (=сравнительных оборотов), формирующих соответствующие коннотации:

Дуца ххун букIараб хирияб баргъич

Бахъулей йиго дун, налъи киниги.

Надетое тобою дорогое кольцо

Снимаю я, словно долг мой [перед тобой].

(Т. Зургалова. «Къо-мех лъикI» – «Прощай»)

Тадйуссун йачIарай эбелаль дихъе

Хазина гIадинан, къуна инсул дарс:

Кваранаб рахъалда эмен вукIайин,

КвегIаб рахъалдаса вацал рихъайин.

Возвратившаяся мать мне,

Как сокровище, преподнесла урок,

Чтобы с правой стороны был отец [в жизни],

А с левой стороны видела я братьев своих.

(Т. Зургалова «Инсул дарсал» – «Уроки отца»)

Понятия *кваранаб рахъ* «правая сторона» и *квегIаб рахъ* «левая сторона» здесь символизируют несомненную значимость отца (=правая сторона) перед братьями, которые согласно дагестанскому менталитету должны быть как бы «в тени отца». В принципе, на денотативном уровне значимыми представляются и отец, и родные братья как две руки (правая и левая) одного человека: они неотделимы друг от друга.

В современной женской аварской поэзии в усилительно-оценочной функции используются не только узуальные и контекстуальные лексико-семантические и лексико-синтаксические противопоставления, но и

логически несовместимые сочетания, создающие определенного рода семантические «конфликты», на что иногда указывают даже названия стихотворений (ср. стихотворения Т. Зургаловой «*Дир Ғолохъанаб херлы*» – «Моя молодая старость» и М. Гаирбековой «*Халалаб хАрамлы*» – «Дозволенная недозволенность»).

Такие сочетания в художественной речи «возникают в результате действия законов связывания идей в стихотворении не по логической, а по эмоциональной нити [Быдина, 2003:109]. Использование в лирической поэзии коммуникативно-прагматического и образно-ассоциативного подходов к развертыванию валентностных свойств слов приводит к формированию логически несовместимых сочетаний, как например, в стихотворении Тубхат Зургаловой «*Асклов вукIун рикIкладав*» – «Далекий вблизи» (букв. «Рядом будучи, далекий»), где эмоционально-чувственная сторона языковых средств в синтагматике не согласуется с рационально-логической, что особенно характерно для женской поэзии:

<i>ВокъанаҒан рихунев,</i>	Любя ненавижу,
<i>РиханаҒан вокъулев,</i>	Ненавидя люблю,
<i>Ле, дир хирияв инсан,</i>	Дорогой мой человек,
<i>Абе дун йокъуларин.</i>	Скажи же, что меня не любишь.

На конкретном эмоционально-оценочном фоне индивидуально-авторские коннотации усиливаются не только использованием контекстуальных противопоставлений лексико-синтаксического характера, но и противительными-уступительными отношениями, выражающими логическое несоответствие одному другому, как например, в стихотворении Тубхат Зургаловой «*Нахъойги базаралда*» – «И снова на базаре»:

*Ғьал Ғадамаз Ғарац бухъулеб бакI щиб?!
БутIрул ҒечIониги, чунтби цIун руго.*

Где же эти люди копают деньги?!

Хоть не имеют головы, деньгами карманы полны.

Логическое противоречие между отсутствием интеллектуальных способностей людей и их незаслуженным материальным состоянием эмоционально и иронически усиливается использованием фразеологизмов *бутIрул гьечIел* «неумные, глупые» (букв. «головы не имеющие») и *чванта цIезе* «стать богатым» (букв. «наполнить карманы»), выражающих негативные коннотации.

И узуальные, и контекстуальные антонимы в современной аварской женской поэзии используются как в собственно лирических произведениях, так и в стихотворениях и поэмах, в которых поднимаются и интерпретируются общественно значимые явления, о чем свидетельствуют приводимые ниже примеры:

Дир бищун талихIаб кечI –

Гьал карачелал рукIун,

Дир бищун нашманаб кечI

Гьолъул каранда хутIун.

Моя самая счастливая песня –

Волны эти морские,

Моя самая грустная песня

В сердце любви осталась.

(Т. Зургалова «Рокъул магIу» – «Слезы любви»)

Мунищ гIедегIарав, дунищ кватIарай, –

Дур гьасда квалулей йиго батIияй.

Ты ли поторопился, я ли опоздала, –

В очаге твоём возится другая.

(Т. Зургалова «Мунищ гIедегIарав, дунищ кватIарай» – «Ты ли поторопился, я ли опоздала»)

Сордо гьечIо, къо гьечIо,

Къваридай эбелалъе.

Ни ночи нет, ни дня нет

Для переживающей матери.

(Т. Зургалова «Эбелалъул урхъи» – «Переживания матери»)

МагIарул росуль бесдал

ХутIарав ятимасул

Халатаб сапар жакъа

Гъаниб къокълъулеб буго.

В горском селе

Оставшегося сиротой человека

Длинный путь сегодня

Здесь стал коротким.

(М. Гаирбекова. «Дагъистаниязул Вас» – «Сын Дагестана»)

Антонимические противопоставления в формах разных частей речи используются в четверостишиях Фазу Алиевой. Такие противопоставления могут быть использованы как в прямых значениях, так и в переносных, символических:

Квешлъиги лъикIлъиги кIуго гIор буго,

Нилъер гIасруялда цоцаль журурал.

Зло и добро – это две реки,

Слившиеся друг с другом в нашей жизни.

В этом дискурсе использован способ метафорической идентификации *добра* и *зла* с рекой [жизни], для чего используется компонент прямого уподобления – вспомогательный глагол *буго* «есть».

Ср. другой пример:

ГъитIинал, кIудиял гIадамал гъечIю,

ГъитIинал, кIудиял гIамалал руго.

Маленьких, больших людей не бывает,

Есть маленькие [мелкие] и большие [широкие] характеры.

В приведенном примере антонимические противопоставления использованы для актуализированного утверждения [*руго* «есть»] одного явления путем деактуализации [*гьечло* «нет, не бывает»] другого.

Антонимические противопоставления Фазу Алиева использует и в лирических стихотворениях, посвященных любви:

*Кликъого сон бана клиязго цадахъ,
Гьеб дагъаб батана нильер рокъуе.
Анлъго сон тлубана мун хваралдаса,
Гьеб глемер батана дур рухлелалъе.*

Сорок лет мы вместе прожили,
Этого оказалось мало для нашей любви.
Шесть лет прошло, как тебя не стало,
Этого оказалось много для нашей разлуки.

Цепочка антонимических противопоставлений *мало* (времени для любви) – *много* (времени для разлуки) поддерживается и количественным противопоставлением *кликъого* «сорок» и *анлъго* «шесть», алогично характеризуемых, на первый взгляд, соответственно как мало (сорок лет для любви) и много (шесть лет для разлуки). Такой алогизм в собственно количественном противопоставлении снимется существительными «любовь» и «разлука».

Антонимические противопоставления иногда носят характер скрытого сравнения, имплицированного уподобления, что особенно характерно для поэтических произведений Фазу Алиевой:

*Дир глемерал руго гунгутлабиги,
Гунгутлаби руго глусинал чимхал.*

У меня много недостатков,
Недостатки мои – [словно] мелкие камни.

(Из четверостиший)

Такие антонимические противопоставления компаративного характера могут быть контекстуальными:

*Вай, гъизараб ретIел чурулеб гIадин,
Чуризе анищ цо гьал мацIуIихъаби.*

Ох, как грязную одежду стирают,
Постирать бы этих сплетников [всех].

(Из четверостиший)

Контекстуальные антонимы в четверостишиях Фазу Алиевой могут носить символически-метафорический характер (символически используются названия животных, олицетворяющих достойных и недостойных, хитрых и наивных людей; соответственно такие противопоставления выражают положительные и отрицательные авторские коннотации). Образно-усилительные функции таких антонимических противопоставлений могут содержать контекстуальную мотивацию, причинное обоснование:

<i>Цараца цебе бахъун,</i>	Лиса, выйдя вперед,
<i>ВагIза гьабулеб мехаль,</i>	Проповедь, когда читает,
<i>ГIанкIуял хIелкал ругеб</i>	В гнезда куриц и петухов
<i>РукIнибе нуцIа рахай.</i>	Двери закрывайте.

(Ф. Алиева. Из четверостиший)

На тIогъода буго, тIутI хIарцуль буго.

Пчела – на цветке, муха – в грязи.

(Ф. Алиева. «*КIуго кваркьи*» – «Два крыла»)

<i>КигIан гьугъуданиги,</i>	Сколько бы ни каркал,
<i>Гьадил цIум лъугъунаро:</i>	<u>Ворон</u> не станет <u>орлом</u> ,
<i>Гьедульун бижун бугин</i>	Что родился он вороном,
<i>БукIине лъазе ккола.</i>	Знать должен и остаться таким.

(Ф. Алиева. Из четверостиший)

В приведенных поэтических дискурсах антонимическое противопоставление построено на символическом (переносном)

употреблении слов *гъеду* «ворон» и *цIум* «орел», *цер* «лиса» и *гIанкIуял* «курицы» с негативной и позитивной коннотацией, символизирующей людей недостойных и достойных, лицемерно-хитрых и наивных. Символика носит гендерный характер (зоонимы переносно характеризуют лиц мужского пола).

Или же:

<i>Бечельяль мехтарал</i>	От опьяневших <u>богатых</u>
<i>НахъегIан тезе ккола:</i>	Нужно далеко держаться:
<i>Мискинзаби гьитIинлъун</i>	<u>Бедные</u> [люди] маленькими
<i>ТIутIлъун рихъула гъезда.</i>	Мухами им кажутся.

<i>Мискинзаби рокъула</i>	<u>Бедных</u> любят
<i>Киналго гIадамазе:</i>	Все люди:
<i>Бечедазде бахчараб</i>	Против <u>богатых</u> скрытые
<i>Ццим, тушманлъи букIуна.</i>	Гнев и ненависть бывают.

Для создания антитезы символически могут быть противопоставлены также слова с природным кодом культуры, олицетворяющие достойных и недостойных людей. В таких противопоставлениях, построенных по принципу алогизма, выражается критическое отношение автора к тому, что происходит в жизни, к тому, что не должно иметь места в жизни:

<i>Зобал рикIкIалъун руго,</i>	Небеса отдалились
<i>НакIкIал гьарзалъун руго.</i>	Туч стало много.

(Ф. Алиева. «*КIуго кваркъи*» – «Два крыла»)

В этом поэтическом дискурсе в образно-символической форме контекстуально противопоставляются слова с природным кодом культуры *зобал* «небеса» (о достойных людях) и *накIкIал* «тучи» (о недостойных людях), а употребление количественного сочетания *гIемерлъун руго* «стало много (туч)» способствует выражению отрицательной коннотации, так как слово *накIкIал* «тучи» в переносном значении символизирует хмурых, недовольных и не способных на достойные поступки людей. В связи с этим текст в целом носит характер пословичного выражения.

Причинно аргументирующая употребление антонимов часть поэтического дискурса может быть препозитивной (1). В этом случае значение причины может быть осложненной семантикой условия, что приводит к усилению модально-оценочной базы контекста (2):

(1) *БитIараб бугилан чIола тIекъавги,
ВуцIцIухIун вукIине ккола ритIухъав.*

Правдой неправду называя, могут упорствовать,
Молчать приходится тому, кто прав.

*БахIарчилъи чорхолъ гъечIеб рагIалда
Рокъиги лъаларо, къалги лъаларо.*

У кого в крови нет мужества,
У того и любви нет, и ненависти нет.

(2) *Къо бачIиндал, бакъ цвейдал, Днем, когда взошло солнце,
Бакъуца хинлъичIелги Кто не смог согреться,
Хинлъуларо сардилъги, Не согреются и ночью,
Сорон, квачан гурони. Им дрожать от холода.*

В отдельных примерах контекстуально антонимически противопоставляются лексические и образно-оценочные фразеологические единицы:

<i>ГIолохъанго рукIаго,</i>	Кто, будучи <u>молодым</u> ,
<i>ГIумру бокъизе лъачIел,</i>	Жизнь не смог полюбить,
<i>ГIумру рагIалде цведеал,</i>	<u>На краю жизни</u> [в старости]
<i>Щиб гъезухъе бачIинеб?</i>	На что они способны?

Контекстуально-антонимические отношения могут быть осложнены противительно-уступительными отношениями, что приводит не только к усилению модальной базы дискурса, но и к усилению оценочной функции антонимов, построенных на «столкновении» положительных и отрицательных коннотаций:

БитIараб бицунел гIемерал руго,

БитIараб бичIунел ратулел гьечIо.

Говорящих правду [людей] много,

Понимающих правду невозможно найти.

Еще одной из особенностей использования антонимических противопоставлений в поэзии Фазу Алиевой является компаративная основа контраста:

Гьерсал рицунел руго,

Говорят неправду,

БитIаралда рельеьларал.

[Как бы] похожую на правду.

ГьитIинаб лъар, кIудияб

Маленькую речку,

ГIор гIадин, бахизе лъай.

Как большую реку, умей переходить.

Все отмеченное выше относительно семантико-стилистического использования антонимических противопоставлений в современной аварской женской поэзии позволяет отметить следующее.

В реализации семантико-стилистических свойств антонимов и их коннотативных возможностей определенную роль играют гендерный фактор и переносно-символическое использование компонентов лексико-семантической оппозиции в поэтическом дискурсе. В формировании образно-ассоциативной оценочности и стилистической интерпретации антонимов достаточно значима коммуникативная стратегия автора поэтического произведения, связанная с субъективно-личными или общественно значимыми факторами.

В ряде случаев компоненты лексико-семантических оппозиций имеют символический характер, обусловленный менталитетом и культурными традициями носителей языка. В таких ситуациях переносно употребленные компоненты антонимических противопоставлений интерпретируются в качестве культурных знаков языка.

В усилении эмоционально-образных и индивидуально-ассоциативных возможностей антонимов, являющихся микрофрагментами авторской

языковой картины мира, определенную роль играют такие факторы, как противительные-уступительные смысловые отношения и семантические «конфликты» в рамках различных синтагм поэтического дискурса.

1.4. Метафора и персонификация как средства создания художественной образности в современной аварской женской поэзии

Как сравнения, так и метафоры достаточно характерны для женской поэзии, имеют гендерный характер и общие свойства как явления, лежащие в одной семантической плоскости, поэтому часто используются в качестве средств создания экспрессии и оценки в поэтических произведениях.

Важно обратить внимание на возможности семантико-стилистического использования метафоры в поэтическом дискурсе, так как «коммуникативная стратегия поэта формируется с учетом возможных разных вариантов реагирования читателя на представленный в тексте возможный мир» [Быдина, 2003: 109].

Отмечая близость метафоры и сравнения, исследователи все же считают, что это явления разного порядка. В собственно лингвистическом аспекте сравнение – это синтаксически или морфологически членимая структура, метафора же – это не конструкция и даже не слово, а его новая семантическая функция [Черкасова, 1968: 35]. При собственно лингвистических различиях метафору и сравнение объединяет то, что они выступают в качестве национально-культурных фрагментов языковой картины мира. А. Квятковский отмечает: «В основе метафоры лежит не названное сравнение предмета с каким-либо другим предметом на основании признака, общего для сопоставляемых членов [Квятковский, 1966].

Роль метафоры важна в поэтическом произведении и в связи с тем, что концептуальное содержание метафоры получает эмоционально-интеллектуальное осмысление в дискурсе в зависимости от коммуникативной стратегии поэта, а такое свойство метафоры, как

двуплановость, обуславливает его экспрессивно-оценочные возможности в конкретном поэтическом дискурсе.

Как известно, метафоры реализуются в разных грамматических моделях. Анализ нашего материала свидетельствует о том, что для разных современных аварских поэтов характерны те или иные модели реализации поэтических метафор.

Многие субстантивные метафоры в поэзии Марижат Абдулазизовой строятся по модели «Р.п. существительного + И.п. существительного» (используется так называемая генитивная метафора). В приводимых ниже примерах в метафорическом значении употреблены слова *улка* «страна» (усилительно-количественная метафора), *меседил кесек* «золотой кусок» (оценочно-коннотативная метафора), *ралъад* «море» (усилительно-количественная метафора), *устар* «мастер» (оценочная метафора):

ШигIрул улкаялъул борхатаб мегIер.

Страны любви высокая гора.

(«*Цар арав шагIур*» – «Прославленный поэт»)

ГьитIинаб Гъозтала, меседил кесек,

Кидаго дун дуге налъулай йиге.

Маленькое [село] Гозтала, золота кусок,

Я всегда в долгу перед тобой.

(«*Лъабго росуялъе налъулай йиге*» – «В долгу перед тремя селами»)

КIалзул каламалъул камилай устар,

Устного словесного творчествамастер,

(«*Машидат-СагIидатие*»)

Дир гIумрудул гьалмагъ, дир хIасратаб кечI,

Дица мун ахIана, ахIулеб буге.

Спутник моей жизни, моя страстная песня,
Я тебя пела, я тебя пою.

(«*Дир хIасратаб кечI*» – «Моя страстная песня»)

Субстантивные номинативные метафоры, реализуемые употреблением в функции грамматического субъекта и предиката форм именительного падежа, могут носить идентифицирующий характер.

Дир гIумрудул кини – гIагараб мактаб.

Моей жизни колыбель – родная школа.

(«*Учителзабазде*» – «Учителям»)

Идентифицирующий характер субстантивной номинативной метафоры в поэзии М. Абдулазизовой может быть усилен употреблением глагола-связки *буго* (*й-уго*) «есть» с утверждающей функцией:

ХIасратав шагIуласул

ШигIру йуго, мун Савдат.

Страстного поэта

Стихи есть ты, Савдат.

(«*Гъайбатай Савдатие*» – «Прекрасной Савдат»)

Дир, калам гьуинай, ихдалил гагу,

Моя сладкоречивая весенняя кукушка,

(«*Мун тIокIайги йихьун, дун йоххиларо*» –

«Больше я тебя с радостью не встречаю»)

МагIарул ияхIалъул

Тину лъалареб ралъад.

Горской чести

Бездонное море [ты]

(«*Гъайбатай Савдатие*» – «Прекрасной Савдат»)

Такие метафоры идентифицирующего характера с вспомогательным глагольным идентификатором *буго* «есть» встречаются в поэзии Ф. Алиевой и других современных аварских поэтесс:

Гьаб бигъараб гЮмо дир гЮмру буго,

Гьелда рарал гарцIал дир магIу буго.

Этот размотанный клубок – моя жизнь[есть],

Узелки на нем – это мои слезы.

(Ф. Алиева. «Галхул чу» – «Дикая лошадь»)

Достаточно часто в анализируемых поэтических произведениях современных аварских поэтесс используется глагольная (и причастная) метафора. В метафорической функции употребляются глаголы определенных семантических групп, например, глаголы и причастия, обозначающие эмоциональные состояния человека, глаголы со значением движения. В отдельных случаях в одном и том же дискурсе в усилительной функции употребляются метафора и сравнительная конструкция:

Зобалги гЮодана, гЮорлъун магIу тIун,

Ракъги зигардана заманаялъул.

И небеса плакали, рекой проливая слезы,

И земля времени стонала.

Генекке мугIрул кечIчваххулеб буго,

Хехаб Авар-гъойсу ральдалъе ГIадин.

Послушайте, горская песня течет,

Словно река Аварское-койсу, спешит в море.

(М. Абдулазизова «АхIе, «МагIарулал» – «Пойте «Горцы»)

Ахираб сапараль тIовитIулелъул,

ТIабигIатцин буго зигара балеб.

Провожая [тебя] в последний путь,

Даже природа соболезнует.

(М. Гаирбекова. «*Дагъистаналъул Вас*» – «Сын Дагестана»)

Дур килщикъ гIодула магIарул тIамур.

Под твоими пальцами тамур [муз.инстр] плачет [=поет].

(М. Абдулазизова «*Мутай Хадулаевасде*» – «Мутаю Хадулаеву»)

Дир раКалде швейл рагъулел руго,

Рагъ гIасияб буго кIиябго рахъаль.

Мои воспоминания раздирают меня,

Война с обеих сторон беспощадная.

(Ф. Алиева. Из четверостиший)

Рорхатал мугIрузул тIогъазда хъвараб

ХъахIилаб зоб буго диль басандулеб [прич.].

Вершин высоких гор касающееся

Голубое небо во мне танцует.

(Ф. Алиева. «*Дун рогъалил хIинчI*» – «Я утренняя птичка»)

Дида къили чIвазе, чIолохъжо базе,

ГIемерал рахъана, рахънуре ккана.

Чтоб меня оседлать, обуздать меня,

Многие пытались, [но] упали в канаву.

(Ф. Алиева. «*ГIалхул чу*» – «Дикая лошадь»)

Метафорически употребляются и имена прилагательные. В этом плане представляют интерес производные от названий драгоценных металлов образно-оценочные прилагательные, демонстрирующие особенности авторского образно-ассоциативного осмысления окружающего мира и способствующие выражению индивидуально-авторских коннотаций. В таких примерах используются традиции аварского устного народного творчества:

МагІна меседилал, рагІи гІарцулал,

ВагІзаби хутІила халкъальул рекІель.

Смысла золотого и слов серебряных

Проповеди останутся в сердцах людей.

Меседил чІвабзазда гІарцул килщаца

Гашикъал магІарул макънал рачуна.

На золотых струнах серебряными пальцами

Страстные горские мелодии [ты] исполняешь.

(М. Абдулазизова «*Мутай Хадулаевасде*» – «Мутаю Хадулаеву»)

Имеют место единичные случаи, когда метафора в печально-эмоциональных стихотворениях-посвящениях (жанра плачей) причинно обосновывается, подчеркивая общественную значимость того, о ком идет речь. Такое явление, например, представлено в стихотворении, посвященном памяти крупного религиозного деятеля Дагестана Саиду-афанди.

Дагъистан гІодана, гІалам угъдана:

Рогъалиль бачІана чІегІераб хабар.

Дагестан плакал, все переживали:

Утром получили черную весть.

Причинная мотивация при таких метафорах может быть препозитивной:

Огъ, мун хваралдаса, хирияв гъудул,

Их рештІунеб мехаль щола пашманлъи.

Ох, как ты умер, дорогой друг,

Как наступает весна – приходит печаль.

(Ф. Алиева. «*Хирияв гъудул*» – «Дорогой друг»)

Использование слов разных частей речи в переносных метафорических значениях характерно также для аварских поэтесс М. Гаирбековой, Ф. Алиевой, М. Абдулазизовой и т.д.

В поэзии Ф. Алиевой часто используется идентифицирующий тип метафоры, реализуемый в модели «И.п. сущ. + И.п. сущ.». В такой модели как своеобразный идентификатор используется глагол *буго* «есть, является», объединяющий идентифицируемые по ассоциативному подобию предметы и явления, обозначенные существительными. Ниже приводятся примеры, взятые из сборника стихов Фазу Алиевой «Корзина с плодами от дерева жизни» (2007):

Дун рогьелалъул хIинчI, чIороло йиго.

Я птичка утренняя, сорока [есть] я.

В отдельных примерах метафоры обосновываются, причинно аргументируются:

Бицатаб квар буго нилъер гIакъиллы,

ГIодор рортулелъул квер базе цолеб.

Толстая веревка [есть] наша мудрость,

Цепляться рукой можно, когда падаешь.

Субстантивные метафоры гендерного (маскулинного) характера используются часто в поэмах Машидат Гаирбековой, посвященных видным политическим и религиозным деятелям, например, в поэме «*Дагъистаниязул Вас*» – «Сын Дагестана», посвященной ушедшему из жизни руководителю республики А. Даниялову. В этой поэме используются метафоры разных моделей и, прежде всего, идентифицирующие метафоры номинативной модели, которые также могут быть мотивированы с точки зрения оценочных функций и коммуникативных намерений автора:

КъвекIаб цIум – Даниялов,

Дуца, чIаго вукIаго,

ТIалаб гъабичIеб рецц-бакъ

Зоноте бахун буго.

Отважный орел – Даниялов,

Ты, пока был живой,

Не ждал почета и похвал,

Они высечены на надгробии твоём.

Гъунисезул кьурул гIус,

БуцIуцIун, кьотIун гьабураб.

Утес [ты] скал гунибских,

Высеченный и [мастерски] обработанный.

Наслабазе насибаб

Чанги намусалъул си.

Пример, достойный для поколений,

Совести и чести опора ты.

Поэма носит характер жанра народных плачей, поэтому здесь используются символические гендерные (маскулинные) слова высокого стиля: *кьурул гIус* «утес», *намусалъул си* «опора-башня чести», *къвекIаб цIум* «отважный орел» и др.

В поэме описываются общественно значимые действия и поступки Абдурахмана Даниялова, в связи с чем используются не только определительно-оценочные субстантивные метафоры, но и глагольные, обозначающие переживания и страдания людей и персонифицированной окружающей природы. Такие описания характерны для историко-героических аварских народных песен и баллад.

ХъахIал махигъутIбузул

Гъалазулъан рухIарал

Гарал тIинкIулел руго.

Из кос белых берез

Горькие слезы текут.

Ракъалда инсанасул

У человека на земле

Бищун кIудияб рохел,

Самая большая радость,

Рокъул таж хисичIого,

Корону любви бессменно

Тад лъезе лъана дуда. Ты на голове носил [о жене]

Рокьул чу къолон, лъади Оседлав коня любви,
Ячине кIвана дуда. Ты взял достойную жену.

Метафоры используются М. Гаирбековой для сравнения того, что сделал для республики мудрый и честный руководитель А. Даниялов, с тем, что происходит в современном обществе постсоветского периода:

Ришватазул цIад бараз [Те] на кого дождем взятки падают,
Бугьил гIадин лъльарги ккун, Взяв, как быка, за рога,
Дагъистан къасабалъе Дагестан для убоя
Хъвезе бачунеб буго. Ведут [не стыдись] сегодня.

Как и у М. Гаирбековой, специфика метафор Тубхат Зургаловой определяется тематикой стихотворений и поэм, а также ее коммуникативно-эмоциональными намерениями, связанными с событиями в ее личной жизни. Для описания внутренних переживаний и эмоциональных состояний в поэтических произведениях Тубхат Зургаловой часто используются стилистически окрашенные глагольные метафоры, выражающие как положительные, так и негативные коннотации:

Рокьул хIанчIил милъир, макьиль гIадинан,
Гумруялъул нухда дидаги хъвана.

Крыло птицы любви, как во сне,
И меня коснулось на дороге жизни.

(«Дир баргъич» – «Твое кольцо»)

Къижа гьитIинаб къегIер, -
Гурда тIугьдул къижана.

Спи маленький ягненок [о ребенке],
На лугу цветы уснули.

(«Кинидахъ кечI» – «Колыбельная песня»)

Дир кIиябго бакъалъул

Нураль къалъун йиго дун.

Обоих моих солнц [=дочерей]

Светом я освещена.

(«Ясазе» – «Дочерям»)

Къижса, цIорораб хасел,

Хинлъизе дий цвана бакъ.

Спите, холодная зима,

Взошло солнце согреть меня.

(«Кинидахъ кечI» – «Колыбельная песня»)

Характерные для устного народного творчества (точнее – для народных аварских песен) номинативные идентифицирующие сравнения в сочетании с глагольными метафорами также используются в поэзии Т. Зургаловой.

Къижса бабал ясикIо,

Спи мамина кукла,

Къижса гъитIинаб къегIер,

Спи маленький ягненок,

ГIурда тIугъдул къижсана,

На лугу цветы уснули,

Къурда маккал къижсана.

В скалах голуби уснули.

(«Кинидахъ кечI» – «Колыбельная песня»)

РекIель их даимлъизе

Для вечной весны в сердце

Дир каранда кIуго тIегъ!

У меня в груди – два цветка!

Гъал – дие, дун – гъазие

Они – для меня, я – для них

(«Дир яс» – «Моя дочь»)

Такие метафоры чаще употребляются для оценочной характеристики детей (дочерей) и известных по своей морально-нравственной и исторической значимости людей (мужчин). По этой причине метафорически используются слова с растительным и зооморфным кодами культуры, ставшие в силу народной исторической интерпретации символическими (в

такой символической функции используются названия сильных, отважных животных): *бацI* «волк» (символ бесстрашия, отваги), *кьегIер* «ягненок» (символизирует детей колыбельного возраста), *гьалбацI* «лев» (символ силы, мужества), *хьиргьу* «сокол» (символ мужества, отваги), *цIум* «орел» (символ свободы, мужской отваги), *тIегь* «цветок» (символ любви, красоты, отношения):

Аваристаналъул бацI –

Дудаса чIухIула дун.

Аваристана волк –

Я тобой горжусь.

ХIажимурад паркъарал

Парсазде щевезе анищ,

Тушман бахилаб гьалбацI

Багъулеб куц бихъизе.

В горах бы побывать,

Где сверкал Хаджимурат,

На льва, которому завидовал враг,

Посмотреть бы, как воюет.

Шагьидат битIун хвалде

Унеб хьиргьу бихъизе.

Увидеть, как на смерть шахидом

Отправляется сокол [бесстрашный]

(«ХIажимурадил ахир...» – «Конец Хаджимурата»)

Тухумалда бижараб цIум...

Рожденный в тухуме орел.

(«Атланталъул чемпион» – «Чемпион Атланты»)

Реже в поэзии Тубхат Зургаловой используется генитивный тип метафоры, в котором определительно-оценочную функцию выполняют формы генитива существительного, выполняющие в аварском языке функции относительных прилагательных или качественных прилагательных (при переносном употреблении): ср. *ургъалил гъансито* «очаг печали», *махсарабазул къвачІа* «мешок [из овчины] шуток/веселий», *ургъалил гъоко* «арба забот/печалей» и др.

Как свидетельствуют приведенные примеры, метафорические существительные в данной модели обозначают места (вместилища) локализации того, что обозначено генитивной определительной формой:

Махсарабазул къвачІа

Чехъезе хІадурана.

Мешок шуток

Открыть собралась.

(«Дир къо» – «Мой день»)

Огъ, дир эбелалъул рукъ,

Дир ургъалил гъансито,

Цинги дунялалъул рукъ –

Ургъалил цІураб гъоко.

Ох, дом моей матери,

Моих переживаний очаг,

Затем дом мира сего –

Переживаний моих арба.

(«Дир ургъалил гъансито» – «Очаг моих переживаний»)

У Фазу Алиевой генитивная метафора чаще формируется на основе слов с природным и растительным кодами культуры (при выражении внутренних эмоциональных состояний):

Гъаб хасалил гъуразул

Это осенних ветров

Ахираб гІоди буго.

Последний плач.

(Из четверостиший)

Квешал пикрабазул кьалбалги ракъван,

Рокьул пихъ тIад балеб гъветIги баккаги!

Плохих мыслей пусть высохнут корни,

И пусть зацветет плодовое дерево любви!

Эбел хведал,рокьул тIугьдул ракъвана,

ТIокIаб их щолареб хасел рештIана.

Умерла мама, высохли цветы любви,

И несменяемая весной зима наступила.

(Ф. Алиева. «Кинал тIогъздаса тIаде бакъ щвараб...»)

В произведениях Фазу Алиевой в одном поэтическом дискурсе могут «сталкиваться» номинативная (идентифицирующая) и генитивная метафоры. При этом отрицание (деактуализация) номинативной метафоры может привести к усилительному утверждению (=актуализации) генитивной метафоры с компаративной семантикой:

Дун чIараб хIор гуро, дун хIавуз гуро,

ХIалкIолеб гъалагаб мугIрул гIор йиго.

Я не стоячий пруд, не бассейн я,

Я – прекрасная горная река.

(Из четверостиший)

Генитивная метафора у Фазу Алиевой может быть основана на переносном употреблении названий конкретных предметов, указывающих на количественный признак или на предметы длительного пользования (так формируется семантика интенсивности):

Ракъальги рагъула дие бальгольи,

Бальгольидал гьирал чIехьола дилъе.

Земля открывает мне тайны,

Тяжести тайн вливает в меня.

(Ф. Алиева. «Дун рогьелалъул хIинчI» – «Я утренняя птичка»)

Мусацаги тана дун ригь гьечIода,

ЧалгIеналъул сакъис чIамизеги тун.

И Муса оставил меня быстротечно,

Оставил, чтоб я от тоски страдала

(букв. «тоски жвачку жевала)

(Ф. Алиева. «Пашманаб сухъмахъ» – «Печальные просторы»)

БукIараб гъайбатаб гъалагаб рокъул

РакIалде цвезулу къандалъаби цIун,

АскIов вугеб мехалъ къимат гъабичIо.

Прекрасной страстной любви

Воспоминаний мешок заполнив,

Не ценила его, когда был рядом.

(Ф. Алиева. «Пашманаб сухъмахъ» – «Печальные просторы»)

Такие метафоры выполняют не только оценочные функции, но и выражают количественные значения, формируя семантику интенсивности и компаративности, поддерживаемую значениями определяемых метафорических существительных.

Отмеченное выше свидетельствует о том, что различные виды метафор в современной аварской женской поэзии являются одними из основных лексико-синтаксических и семантических средств создания экспрессивности и оценочности. Метафоры, имея типологически общую для разных языков основу, могут отличаться национально-культурной и авторской спецификой. Как было видно из примеров, метафоры способны совмещать абстрактное и конкретное, что особенно характерно для современной русской и дагестанской поэзии. Такие, не совсем стандартные ассоциации, как уподобление конкретного и абстрактного, соединение в одном авторском ассоциативном поле отдаленных друг от друга конкретных

образов и отвлеченных понятий способствует созданию некоторой языковой игры, основанной на ассоциативном восприятии конкретного и абстрактного, эмоционального и интеллектуального.

Все это свидетельствует об особенностях авторского мировосприятия и субъективной интерпретации фрагментов окружающего мира, формированию культурных знаков языка в качестве компонентов авторской (поэтической) языковой картины мира. Именно ассоциативная основа метафор формирует в современной аварской женской поэзии их экспрессивный потенциал.

Прием персонификации в лингвистической литературе характеризуется как наделение животного и растительного мира, отвлеченных понятий, неодушевленных предметов и явлений природы человеческими свойствами, как их представление в лицах. Персонификация представляет собой разновидность метафоры. Особенности персонификации на материале аварской женской поэзии не изучены, чем определяется актуальность обсуждаемой в данном разделе проблемы.

Проанализированный нами материал свидетельствует о следующих особенностях персонификации предметов, животного мира, явлений природы и отвлеченных понятий.

1. Для персонификации отвлеченных понятий часто используются глагольные лексемы (финитные формы глагола, деепричастия и реже причастия). В сочетании с глаголами используются существительные, обозначающие внутренние эмоциональные состояния и чувства человека; слова, актуализирующие концепты «время» и «судьба»: *ургъелал* «переживания», *къисмат* «судьба», *замана* «время», *рокъи* «любовь», *талихI* «счастье» и т.д. Особенно часто такие примеры используются в поэзии Т. Зургаловой.

Пагараб гъастIе къулун

Эбелалъул ургъелал.

Над домашним очагом склонились

Думы матери [родной].

(Т. Зургалова «*Дир эбелалъул гъанситIо*» – «Очаг моей матери»)

КигIан гъараниги нахъ буссунареб

Сапаралда буго даим замана.

Сколько ни проси, назад не возвращается,

Время находится вечно в пути.

(М. Абдулазизова «Замана» – «Время»)

Дие гвангъичIеб талихI

Гъимана цогиялъе.

Не сверкнувшее мнесчастье

Улыбнулось другой [женщине].

(Т. Зургалова «*Рокъул магIу*» – «Слезы любви»)

Замана тIурула, бартичу гIадин,-

БачIаницинаб къоялъ цониги лъалкI те.

Время бежит, словно конь молодой, -

Оставь свой след в каждом пришедшем дне.

(Т. Зургалова «*Замана тIурула...*» – «Время бежит...»)

Мун гъечIого гIодулеб

БукIана бабал къисмат.

Без тебя [=одиного] плакала

Судьба матери твоей.

(Т. Зургалова «*Мун гъечIого...*» – «Без тебя...»)

Гадамал тIутIал ругин

АхIула заманаялъ.

Люди – [что] мухи,

Кричит время.

(Т. Зургалова «*Заман хисун гьечЮ, ниль хисун руго*» – «Не время изменилось, изменились мы»)

Голохъанлъиялдаго

Годана диль дир рокьи.

В молодости еще

Плакала во мне моя любовь.

(Т. Зургалова «*Рокьул магЮ*» – «Слезы любви»)

Подобные приведенным отвлеченные существительные в ряде случаев используются Тубхат Зургаловой в диалогах: автор как бы беседует с обозначаемыми реалиями, представляя их в лицах:

Къисмат, белъанхъуге дир рокьуда тIад.

Судьба, не смейся над моей любовью.

(«*Дир гурев гьудул*» – «Не мой друг»)

Щакдарияз гьикъула,

Дирищ мун, чиярищан.

Сомнения спрашивают,

Мой ли ты или чужой.

(«*Къурул нухда*» – «На скалистой дороге»)

Гургинаб дунялгун

Харбида йиго.

С земным круглым шаром

Беседую тихо.

(«*Маржанал*» – «Ожерелье»)

В таких поэтических дискурсах нередко используются обращения и императивные формы глаголов, способствующие актуализации адресата:

Дир кечI, ахIуге дихъе

Довги досул гъимиги.

Песня моя, не зови ко мне

Его и его улыбку.

(Т. Зургалова «Дир кечI, ахIуге дихъе...» – «Моя песня, не зови ко мне...»)

Хирияв, кIалъай дихъе,

Телефон! БуцIуун чIоге!

Родной, позвони мне,

Телефон! Не молчи!

(Т. Зургалова «Хирияв, кIалъай дихъе» – «Родной, позвони мне»)

Имеют место случаи, когда персонификация и метафора сливаются, образуя единое образно-ассоциативное целое.

Полеб буго чваххунцIад,

ГIодулел руго зобал.

Идет проливной дождь,

Плачут небеса.

(Т. Зургалова «Эбелалъул васигат» – «Завещание матери»)

В целях персонификации объектов неживого мира и отвлеченных понятий в поэтических произведениях Ф. Алиевой, Т. Зургаловой нередко используются глаголы речи, обозначающие свойства человека:

Къуркъизе къасд гъечIел магIарулазул

ГIурччинаб байрахъаль буго бицунеб.

О не собирающихся покоряться аварцам

Зеленое знамя говорит...

(Т. Зургалова «Шамилл хIакъальгуль кечI» – «Песня о Шамиле»)

Дов [Шамил] кIусараб гамачI кIалъалей буго,

РагIабиги дунги руцIуунел руго.

Камень, на котором сидел он [Шамил], говорит,
Слова мои и я молча слушаем.

(Т. Зургалова «Гъуниб мегIер» – «Гунибская гора»)

*Дур гIадинай якъад дийги анищан,
БахIаралъе дица бераз бищана.*

Мне бы такую, как твою, свекровь,
Невесте мои глаза сказали.

(Т. Зургалова «Кутишдерил берталъ» – «На кутишинской свадьбе»)

*РакIалъ мун йокъулев цо магIарулас
Бераз бищанаан дуе гIишкъудул.*

Сердцем тебя любящий один горец
Глазами говорил о любви к тебе.

(Т. Зургалова «Цо гъудулалъе» – «Одной подруге»)

*Дуда хадуб ана нахъойги дир ракI,
Дир лъалкIал цIеххезе лъугъана хиял.*

За тобой ушло опять мое сердце,
И думы [мои] спрашивают твои следы.

(Т. Зургалова. «Нух битIаги!» – «Счастливого пути!»)

У Фазу Алиевой глаголы говорения часто используются при персонификации природы, земли, объектов растительного мира. Например, в разных четверостишиях:

*Рогъалилъ кIалъала дида тIабигIат,
Памах, хералъул мацI бичIчула дида.*

Утром со мной говорит природа,
Цветов и трав понимаю я язык.

*Дун гъаб тІалъиялде тІаде яхиндал,
Тегъ-хераль абуна урхъун рукІанин.*

Когда я поднялась в горы,
Цветы-травы сказали, что скучали.

*Маххуца, чармица черх тІутІураб ракъ
 Тіолаго магІугин кІалъала дида.*

Разорванная железом и сталью земля
 Проливая слезы, говорит со мной.

(Ф. Алиева. «Дун рогъелалъул хІинчІ» – «Я утренняя птичка»)

Как и в ряде других примеров, в данном случае использование метафоры *магІу тІезе* «проливать слезы» способствует персонификации земли при помощи глагола говорения *кІалъала* «разговаривает».

В части примеров (из поэтических произведений Т. Зургаловой), в которых используется прием персонификации, употребляются глаголы, актуализирующие различные эмоциональные состояния человека: *гІодизе* «плакать», *рельанхъизе* «смеяться», *угъдизе* «переживать, страдать», *гъимизе* «улыбаться» и т.д.:

*ГІабдулмажид Хачалов,
 Дир кечІ гІодулеб буго.*

Абдулмажид Хачалов,
Песня моя плачет.

(«Дир кечІ гІодулеб буго» – «Песня моя плачет»)

*Бельулеб буго гІарац,
ГІодулел руго занал.*

Смеются деньги,
Плачут надгробные камни.

(«Бельулеб буго гІарац» – «Смеются деньги»)

Нижер щивасул каранлъ

Гюдула гъебго пикру.

В груди каждого из нас

Плачет та же дума.

(«Эбелалъул васигат» – «Завещание матери»)

Кючон тела кинабго,

Горду духъ угъдиларо.

Забуду все, что было,

Окно[мое]по тебе не будет вздыхать.

(«Лъалищ, дудаса дие щибниги хлажат гъечло» – «Знаешь, от тебя мне ничего не нужно»)

Вокъулев вукIарав васасул рагъи

Жакъа батIиялъе гъимулеб буго.

Веранда моего любимого

Сегодня другой улыбается.

(«Дир росу» – «Мое село»)

Гъейшиха шагIурилан

Шагъаби релъанхъила.

Монеты будут смеяться:

Это она поэтесса?

(«АхIуге дун гъоболлъухъ» – «Не зовите меня в гости»)

Гъедин дир гIумруялъуль

Гюдула цохIо сурат.

Так по моей жизни

Плачет лишь одна фотография.

(«ХъахIаб къурди» – «Белый танец»)

Глаголы типа *гIодизе* «плакать», *угьдизе* «страдать» в целях персонификации часто употребляются в поэме Т. Зургаловой «Черный платок», посвященной памяти матери:

Хабалалъе щолелъул

ГIоданин ккана занал.

Когда дошли до кладбища,

Показалось, что заплакали надгробия.

В сочетании с такими глаголами, как свидетельствуют приведенные выше примеры, используются существительные, обозначающие как конкретные предметы (*рагъи* «веранда», *горду* «окно», *шагъаби* «монеты», *занал* «надгробные камни», *сурат* «портрет, фотография»), так и отвлеченные понятия (*тикру* «мысль», *кечI* «песня»).

В целом, в таких поэтических дискурсах актуализируются внутренние состояния влюбленной женщины или предметный мир, окружающий ее. Глазами и чувствами влюбленной женщины объекты окружающего мира, ее предметное пространство наделяются человеческими свойствами: происходит своего рода эмоциональная идентификация женщины и окружающего мира, в котором она живет, испытывая искренние чувства любви.

Прием персонификации конкретных предметов используется и в поэзии Фазу Алиевой. Такая персонификация может носить символический и национально-культурный характер:

КIухIи бекун унеб куракалъ дида

Гага цIунейилан абулеб буго.

Курага, трескаясь пополам,

Просит меня сохранить косточку.

В таких примерах персонификация построена на метафорическом символическом употреблении слов (ср. в данном контексте употреблено слово *гага* «косточка», символически олицетворяющее наследственность, традиции).

Такое метафорически персонифицированное употребление существительных разных лексико-семантических групп (в том числе слов, обозначающих природные явления) в сочетании с метафорическими глаголами, характерно не только для Фазу Алиевой, но и для других современных аварских поэтесс:

*Апрелаль хъахИлал куркъбал хъвагІана,
«Гурччинлъе авлахъ», - ян буюрухъ къуна.*

*Апрель голубыми крыльями взмахнула,
Стать зеленой равнине приказал.*

(Ф. Алиева. Из четверостиший)

*Гемераб жо лъала гъал къурабазда,
Лъараб бицунаро, гІенеккун чІола.*

*О многом [что произошло] знают эти скалы,
О том, что знают, не говорят, молчат.*

(Ф. Алиева. Из четверостиший)

Часто персонифицируются «горы» и «реки», они представляются способными чувствовать и страдать, как человек, как влюбленная женщина:

*КъурбангІали унев вуго,
ЧегІергІор гІодулеб буго.*

*Курбанали уходит,
Черная река плачет*

(Т. Зургалова «ЧегІергІораль чегІер бана» – «Черная река в трауре»)

*Чиякъго ралагъун
Рихъула мугІрул.*

*Сиротливо смотрящие
Вижу горы [родные].*

(Т. Зургалова «Заман хисун гъечІо...» – «Время не

изменилось...»)»)

Иццазул магIу чвахун,

МузIрул гIодилел руго.

Слезамн родников

Горы плачут.

(М. Гаирбекова. «*Дагъистаниязул Вас*» – «Сын Дагестана»)

В современной аварской женской поэзии персонифицируются не только природные явления, отвлеченные понятия, части тела человека, но и физически конкретные предметы специального назначения:

Нахъойги ахIдолеб рагIула чайник.

Слышу, как опять кричит чайник.

(Т. Зургалова «*Нахъойги ахIдолеб рагIула чайник*» – «Слышу, как опять кричит чайник»)

Дур каранда кенчIарал

Орденал кьижун руго.

На груди моей сверкающие

Ордена спят.

(М. Гаирбекова. «*Дагъистаниязул Вас*» – «Сын Дагестана»)

Приведенные и другие такого типа примеры свидетельствуют о том, что в современной аварской женской поэзии персонифицируются реалии материального и духовного мира, связанные с внутренними эмоциональными состояниями людей (=женщин), поэтому часто употребляются глагольные и субстантивные компоненты определенных семантических групп, позволяющие актуализировать связь между человеком и объектами и явлениями окружающего мира [Маслова, 2003: 102]. Некоторые особенности персонификации объектов неживого мира и отвлеченных понятий определяются гендерным фактором и спецификой авторской языковой

картины мира. Такая проблема имеет перспективу стать предметом специального исследования.

Выводы по первой главе

1. В системе лексико-семантических средств создания художественной образности в текстах современной аварской женской поэзии важную роль играют эпитеты-прилагательные, различные антонимические противопоставления, метафоры индивидуально-авторского и национально-культурного характера, персонификация объектов неживого мира и (что особенно интересно) отвлеченных понятий. Эти средства выполняют различные семантико-стилистические функции: передают эмоциональные состояния и чувства, используются как символические культурные знаки языка, выражают отношение к близким и достойным в морально-нравственном отношении людям.

2. Использование сочетаний прилагательных-эпитетов с концептуально и культурно значимыми словами типа «мать», «родное село», «радость и горе», «честь» и «достоинство» способствует расширению валентностной структуры определительно-оценочных компонентов. Эпитеты-прилагательные, характеризующие женщин (особенно – матерей) и соотносительные в основном с антропными и телесными кодами культуры, актуализируют мудрость и терпение женщин-матерей, их страдания и заботы о детях. Характерно использование цветowych прилагательных в прямом и переносном значениях, антонимическое использование прилагательных, способствующее формированию антитезы, подчеркивающей негативное и позитивное в жизни людей. Используются разные способы включения эпитетов-прилагательных в поэтические дискурсы, что нередко зависит от коммуникативных намерений авторов поэм и стихотворений.

3. Антонимические противопоставления носят как узуальный, так и контекстуальный характер. Антонимические оппозиции могут носить также оксюморонный характер, что приводит к формированию лексической и

синтаксической экспрессии, различных оттенков коннотативных значений, оценочно-символическому противопоставлению лиц мужского и женского пола в гендерно детерминированном аспекте. Через повторяющиеся антонимические противопоставления философски обобщаются и оцениваются *жизнь и смерть, добро и зло, достоинство и честь, плохое и хорошее* в жизни, морально-нравственные ценности. Характерен алогизм противопоставляемых слов, семантическая несовместимость сочетаний, построенных на символических зооморфных (при оценке мужчин) и телесных и растительных (при характеристике женщин) метафорах.

4. Важную роль играют субстантивные, глагольные и адъективные метафоры, носящие национально-культурный, индивидуально-авторский и гендерный характер и соотносительные чаще с зооморфным и растительным кодами культуры. Метафоры выступают как одно из ярких средств формирования авторской языковой картины мира. Компаративный компонент метафоры может стать идентифицирующим, усиливающим образно-оценочную функцию. Используются традиционные для аварского песенного фольклора мотивы, имеющие фемининный характер (например, традиции плачей, народных эпических песен).

5. При персонификации объектов неживой природы и отвлеченных понятий (например, в диалогах авторов с окружающим миром) особенно часто используются глаголы речи, эмоциональных состояний (*плакать, смеяться страдать*) в сочетании с существительными, обозначающими эмоции и чувства, а также с такими концептуально важными понятиями, как «время», «судьба», «жизнь и смерть», «любовь». В усилительной роли в диалогах-беседах авторов поэтических произведений с окружающим миром используются обращения, конкретизирующие адресата; происходит слияние метафоры и персонификации, что способствует формированию одного целостного образно-ассоциативного поля.

ГЛАВА 2. ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ АВАРСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

2.1. Способы и средства гиперболизации в современной аварской женской поэзии

Гипербола является одним из поэтических приемов чрезмерного преувеличения, используемых с целью усиления впечатления [Ожегов, 1983: 117]. Способы гиперболизации используются в текстах разных жанров – в художественных произведениях, в которых на семантику гиперболизации могут наслаиваться оттенки гротеска [Ахмедова, 2014: 52], в эпосе [Войтенко, 2010], фольклоре [Самедов, Мусаева, 2015], паремиологических единицах [Гасанова, 2013: 30-34], в тостах, проклятиях и благопожеланиях и т.д.

В лингвистической литературе по аварскому языку явление гиперболизации почти не изучено, между тем средства и способы гиперболизации представляют интерес не только в собственно лингвистическом, но и литературоведческом и лингвокультурологическом аспектах. Частично проблема использования сравнений как средств гиперболизации в аварских народных песнях рассматривается в диссертации А.А. Абдусаламовой (2016). Отмеченные факторы определяют актуальность исследования способов и языковых средств гиперболизации в аварской поэзии.

Приемы гиперболизации обычно заведомо используются в конкретных семантико-стилистических целях, поэтому имеют коммуникативно-прагматическую направленность, реализуясь не только на собственно языковом (=системном), но и на функциональном уровне [Савенкова, 2003: 119]. Намеренное преувеличение при использовании гиперболы состоит в том, что здесь имеет место подчеркнуто усилительное отступление обозначаемого денотата от привычной нормы.

Гипербола формируется не только на лексико-семантическом (метафорическом и метонимическом), но и фразеологическом [Мисиева, 2014: 120-125] и лексико-синтаксическом уровнях, являясь компонентом экспрессивного синтаксиса. В литературе отмечается также, что особый интерес в плане гиперболизации представляют зложелания в дагестанских языках [Гаджиалиева, Рамазанова, 2013: 181-185].

В плане исследования особенностей языковой картины мира особый интерес представляют метафорические гиперболы (=гиперболические метафоры), которые основываются на метафорическом употреблении слов и выражений с явным преувеличением качества или признака.

Интерес в разных языках представляет количественная гипербола, которая реализуется путем указания на чрезмерное (=неправдоподобное) количество предметов или лиц, на «неограниченность протяженности действия или проявления признака» [Савенкова, 2003: 120]. Использование лексико-синтаксических средств количественной семантики, например, характерно для русских былин в целях актуализации богатырской силы и выдержки героев русских былин [Самедов, Мусаева, 2015: 195-203].

Анализ нашего материала показывает, что в современной аварской женской поэзии для гиперболизации прежде всего используются сравнительные конструкции уподобительно-усилительного характера. В таких структурах употребляются слова, выражающие экспрессивно-оценочную семантику и соответствующие коннотации. Часто такие способы гиперболизации используются в поэмах Фазу Алиевой:

Лавиной орда беспощадная шла,
Сады и селенья сжигая.

Ф. Алиева. «Баллада о прекрасной Захрат»)

В долинах кровь ручьями текла,
Дымилаься пожарищ седая зола.

(Ф. Алиева. «Баллада о прекрасной Захрат»)

Молнии взор ее гневный метал,
А голос звенел, как острый металл.

(Ф. Алиева. «Баллада о прекрасной Захрат»)

И сразу слышался тяжкий гул –
Хлынули недруги черной рекой.

(Ф. Алиева. «Баллада о прекрасной Захрат»)

Гнев, полыхающий в ее глазах,
Молний небесных был горячей.

(Ф. Алиева. «Баллада о прекрасной Захрат»)

И чувствую: сердце мое превратилось
В стремительную огневую струю,
Как из вулкана, мой жгучий голос,
Бьет, достает до весенних высот.

(Ф. Алиева. «Красные жаворонки»)

Как свидетельствуют приведенные примеры, в таких случаях могут быть обозначены последствия конкретных физических действий (например, при описании военных событий). Кроме того, сравнительно-сопоставительное преувеличение может быть усилено употреблением экспрессивных определительных компонентов в прямом или переносном метафорическом значении: ср. *орда беспощадная; седая зола пожарищ; голос звенел, как острый металл; тяжкий гул; гнев, полыхающий в глазах; небесные молнии, огневая струя, жгучий голос* и т.д.

Обращают на себя внимание и глаголы, обозначающие, разрушительные последствия военных сражений или действия участников сражений: *орда шла...сады и селенья сжигая; хлынули недруги черной рекой; кровь ручьями текла; голос звенел; гнев [в глазах] полыхал, [голос] бьет, достает до весенних высот* и т.д.

Преувеличенные последствия действий в ряде примеров обозначаются посредством использования глагольно-адвербиальной лексики:

Тут, речь прервав глупца-чужеземца,
 Поэт не выдержал – захохотал
Так громко, что с криком орлы взлетели,
 Загрохотал в ущелье обвал,
 Семь старых чинар в лесу повалилось,
 Семь расколось громадных скал.
 (Ф. Алиева. «Красные жаворонки»)

Использование большого количества гиперболических оборотов в вышеназванных поэмах Фаизы Алиевой объясняется военной тематикой поэмы, описанием подвига героини поэмы Захрат и соответственно эмоционально-коммуникативными намерениями автора. В данном случае также обозначены разрушительные последствия гиперболизированных военных событий: *с криком орлы взлетели, загрохотал в ущелье обвал, семь расколось скал.*

В ряде произведений для обозначения большого количества чего- или кого-либо (например, лиц, участвующих в сражениях) используются гиперболизированные сравнения:

<u>Ихдал хергИан гНемерал</u>	Слов, прислушиваться к которым,
<u>ГинтIаме рагIабазухъ.</u>	<u>Столько, сколько весенней травы.</u>

(Ф. Алиева. «Борхалъи»/ «Высота»)

<u>МугIрузде цIакъ гIасияв</u>	В горы очень страшный
<u>Тушман вачIун вукIана,</u>	Враг приходил,
<u>Зодиб цIвагIан гНемераб</u>	<u>Столько, сколько звезд в небе,</u>
<u>Солдатги цадахъ бачун.</u>	<u>Солдат</u> было у него.

(Ф. Алиева. Баллада о прекрасной Захрат)

В данном случае интерес представляет употребление форм единственного числа субстантивов *тушман* «враг» и *солдат* «солдат» в

значении множественного усиления. Обычно такой прием усиления характерен для аварских историко-героических народных песен.

Имеет место употребление слов количественной семантики (числительных или существительных в прямом или метафорическом значении), обозначающих количество предметов или лиц при номинации неправдоподобных по силе действий, совершаемых ими (=последствий действий):

<i>Жакъа <u>микъго</u> бихьинчи –</i>	Сегодня <u>восемь</u> мужчин –
<i>Бийалаб къуват буго.</i>	Великая сила.
<i><u>Анцила анлъго</u> квераль</i>	<u>Шестнадцать</u> рук [их]
<i>МегIер кодоб босила.</i>	Гору могут сдвинуть (букв. «в руки взять»)

(Ф. Алиева «Борхалъи» – «Высота»)

То голос правды освобожденной,
Свалившей глыбу в тысячу тонн.

(Ф. Алиева «Колокол скорби»)

*Дие хIажат гъечIо лъан гIемер мацIал,
Дир рокьидаль буго микъазарго мацI.*

Мне не нужно знать много языков,
У моей любви – восемь тысяч языков.

(Из четверостиший Ф. Алиевой)

Недолг был этот неравный бой:
Горстка защитников – туча врагов.

(Ф. Алиева. «Баллада о прекрасной Захрат»)

Нашим победам не будет числа,
Сто городов мы сожжем дотла.
С тобой же вдвоем весь мир покорим.

(Ф. Алиева. «Баллада о прекрасной Захрат»)

Сулил ей дворец, алмазный венец,
Полцарства отдать обещал наконец.

(Ф. Алиева. «Баллада о прекрасной Захрат»)

Один мужчина – это очень много,
 А если восемь собралось мужчин,
 То – раз!
 И мы скалу взметнем на плечи,
 Два! – передвинем горы без труда.
 Три! – переменим русла рек и речек...

(Ф. Алиева. «Восхождение»)

Выплеснуть горе ее
 Означало бы
Выплеснуть море.

(Ф. Алиева. «Красные жаворонки»)

В отдельных примерах четверостиший использование количественных слов (числительных) в функции гиперболизации может быть причинно обосновано контекстом:

*Херлъизе бокъилин, хвезе бокъилин,
 Абулев чи дида жеги данд чІвачІо:
Азарго соналъул гІумру кьуниги,
 ГІумрудахъ кьечараб кьеч буссунаро.*

Стареть желающих, умереть желающих
 Людей я еще не встречала:
Хоть тысячу лет проживешь,
 Жажда к жизни не иссякает.

Количественные слова как средства сопоставительно-противопоставительной гиперболизации используются и в составе, заимствованных их аварских паремиологических единиц примеров, где деактуализация какого-либо отрицательного качества лица используется для актуализации положительного качества:

Бихьинчи цоцІул хола, Храбрец один раз умирает,
ХІалихъат нусцІул хола. Трус сто раз умирает.

(Ф. Алиева. «*Борхалъи*» – «Высота»)

Специфика использования отдельных гипербол в четверостишиях Фазу Алиевой заключается и в деактуализации (=отрицании) гиперболизированного признака для имплицированного усиления утверждения обычного (не преувеличенного) признака обозначаемого, когда это касается морально-нравственной оценки положительных поступков человека, которые как бы не нуждаются в излишнем преувеличении: не количественно должны оцениваться поступки человека, а их бескорыстностью:

БукІине кколаро гъабулеб лъикІлъи,
МезІергІан борхатаб, гІоргІан халатаб.

Не должно быть сделанное [человеком] добро,
Как гора, высоким, как река, длинным.

В нашем материале представлены примеры использования гипербол, указывающих на «неограниченность протяженности действия или проявления признака» [Савенкова, 2003: 120], на отсутствие предела, бесконечность:

ГІорхъи гъечІеб хІалимлъи Беспредельно был мягким
ХІажат ккаралъуб къвакІи. И где необходимо, был твердым.

(М. Гаирбекова. «*Дагъистаниязул Вас*» – «Сын Дагестана»)

РикІкІани лъугІуларел Не сосчитать [хороших] дел,
ЛъикІлъаби нахъе тана. Совершенных и оставленных [людям].

(М. Гаирбекова. «*Дагъистаниязул Вас*» – «Сын Дагестана»)

Цар-цIарккун дур ишазул Поименно твоих дел
Загыраб накъищ хъвазе Чтобы изобразить узоры,
ХъахIул зобал гIоларо. Голубого неба будет мало.

(М. Гаирбекова. «*Дагъистаниязул Вас*» – «Сын Дагестана»)

ГIорхьи гъечIеб адабгун С беспредельным уважением
РакIаль кIодо гъавила. Сердцами возвеличим.

(М. Гаирбекова. «*Дагъистаниязул Вас*» – «Сын Дагестана»)

Идет, надвигаясь, толпа изваяний,

И нет им конца, и нет им числа.

(Ф. Алиева. «Красные жаворонки»)

Шамил хъвадарал нухал Дороги, по которым ездил Шамиль,
Накабаз рорцинаан. Коленьями бы измерила.
РагIаби гIезе гъечIо [Но] не хватит слов,
Гъезул лъалкIал ричIчIизе. Дойти до смысла их следов.

(«*Шамил хъвадарал нухал накабаз рорцинаан*» – «Дороги Шамиля коленьями бы измерила»)

Значимость личности имама Шамиля для автора произведения настолько велика и священна, что совершенно не унизительно пасть на колени, измеряя и оценивая его путь жизненный.

Встречаются также случаи использования приема преувеличенного обозначения предельности, невозможной в обычной реальной действительности:

Дие кьурал тIугьдул тIатIала лъуни,
ТIогь зобалада цураб мегIер борхила.

Если сложить цветы, подаренные мне,

Получится гора, достающая вершиной неба.

(Ф. Алиева. Из четверостиший)

В таких гиперболах Ф. Алиева использует метафоры, фигуральные обозначения, создающие образность и эмоциональность преувеличения. Так, например, обиды, нанесенные разными людьми, Фазу Алиева называет брошенными в неё камнями, из которых можно было бы построить целый город:

Дида речІицинал ганІал раІарун,

КІудияб цо шагъар гъабизе гІела.

Собрав все камни, брошенные в меня,

Можно было бы построить большой город.

Значение намеренного и эмоционально актуализированного преувеличения в данном контексте поддерживается употреблением причастия *речІицинал* «все брошенные» со значением всеобщности, усилительной целостности, выраженного формантом *-цинал* (все, что есть).

В поэме Машидат Гаирбековой «*Дагъистаниязул Вас*» – «Сын Дагестана» слово Дагестан часто используется в усилительном метонимическом значении для эмоционального усиления переживаний всего дагестанского народа по поводу смерти уважаемого руководителя республики Абдурахмана Даниялова, названного в поэме Сыном Дагестана:

Дагъистан данделъараб

Где Дагестан собрался,

КІудияб магІирокъ.

Комната плача.

Загъираб гъунаралъул

Известных дел совершенных

Дагъистаналъул вас,

Сын Дагестана,

Дуе лъураб зонохъе

К твоему надгробному камню

Дагъистан бачІун буго.

Дагестан [весь] собрался.

В ряде примеров имеет место гиперболическое использование фразеологических единиц и фразеологизированных выражений со значением интенсивности:

А люди кричали, пускались в пляс,

Будто от счастья сошли с ума.

(Ф. Алиева. «Баллада о прекрасной Захрат»)

Глодоб хIетI хъваларедухъ

Ногами земли не касаясь,

Айзанат йортанхъана.

Засуетилась Айзанат.

(Ф. Алиева. «Борхалъи» – «Высота»)

Еще одной особенностью поэтических гипербола в аварской женской поэзии является использование приема сравнительно-сопоставительного отрицания, выполняющего образно-усилительную функцию:

РагIиги каламги камила в шайих,

Мун рехсезе кIолеб къаламцин гъечIо.

И словом, и речью красноречивый шейх,

Нет [такой] ручки, чтобы тебя восхвалить.

(Т. Зургалова «Мун рехсезе кIолеб къаламцин гъечIо»)

Иголка меж снопами не пролезет,

Червяк сквозь ту скирду не проползет.

(Ф. Алиева. «Восхождение»)

Повтор отрицаний при этом усиливает эмоциональное воздействие на читателя и актуализирует путем отрицания имплицитированную утвердительную семантику.

В отдельных поэтических дискурсах гиперболизация носит характер актуализации результатов преувеличенных действий, утверждения невозможного в реальной действительности:

Квераз мугъ ххенонги батула тIагIам,

МагIу бакIарунги балагъула льим.

Даже руками зерна перемолов, находит еду,

И собрав слезу даже, находит воду.

(Т. Зургалова «Яцалъул сарин» – «Песня сестры»)

Проведенный выше анализ языковых средств гиперболизации, использованных в современной аварской женской поэзии в разных семантико-стилистических целях, свидетельствует о том, что здесь в основном используются лексико-семантические, фразеологические и морфолого-синтаксические средства, имеющие ярко выраженный образно-оценочный и экспрессивно-усилительный характер.

Сопоставительный анализ приемов и средств гиперболизации в современной аварской мужской и женской поэзии может выявить такие особенности, которые имеют типологически общий и национально-культурный гендерный характер.

2.2. Повторы как образно-усилительные средства

В современной женской аварской поэзии в разных семантико-стилистических целях используются повторы различных типов. Прежде всего, следует отметить образно-оценочную усилительную функцию лексических, лексико-морфологических и лексико-синтаксических повторов, выражающих субъективно-авторское отношение к человеку, его эмоциональным состояниям и чувствам. Такие повторы нередко отличаются индивидуально-авторскими и национально-культурными коннотациями.

Анализ материала свидетельствует о том, что в поэтических произведениях современных аварских поэтесс используются повторы одних и тех же существительных, образующих эмоционально-усилительную цепочку:

<i>Рос-рукъальул ургъел,</i>	<u>Заботы</u> о муже-доме,
<i>Анлъго лъимадул ургъел,</i>	<u>Заботы</u> о шестерых детях,
<i>Дунялалъул ургъел,</i>	<u>Заботы</u> все земные,
<i>Ахираталъул ургъел.</i>	<u>Переживания</u> о загробной жизни.

В данном стихотворении Тубхат Зургаловой «*Дир ургъалил гъансито*» – «Очаг моих переживаний» используется повтор полисемантического существительного *ургъел* «заботы; переживания». Конечная позиция

повторяющегося существительного усиливает его экспрессивные возможности как компонента актуального членения предложения в приведенном поэтическом дискурсе. Пропуск вспомогательного глагольного компонента *буго* «есть» (ср. *ургьел буго*) делает данное существительное предикативно значимым, семантически и эмоционально ключевым, так как центр предикативной значимости переносится именно на повторяющееся существительное.

Такие особо значимые эмоционально-смысловые усилительные функции выполняют повторяющиеся существительные в поэтических произведениях Тубхат Зургаловой, посвященных матери: после смерти любимой матери дочь вспоминает о ее жизни, заботах о благополучии семьи и вечных переживаниях, связанных с мужем и детьми.

В лексических повторах могут быть использованы и существительные, относящиеся к одному семантическому полю, к одной лексико-семантической группе слов. Цепочечная структура таких повторов с нарастающим количественным значением используется как эмоционально-усилительное средство, как, например, в стихотворении Марижат Абдулазизовой «Замана» – «Время»:

Мун борцуна сагIтаз, сардаз, кьоця,

Анкьица, моцIица, лъагIалабаца.

Тебя измеряют часами, ночами, днями,

Неделями, месяцами, годами.

Каждый предыдущий компонент цепочечного повтора существительных в данном случае выступает в качестве семантического составляющего последующего за ним повтора: из часов составляются сутки (ночи и дни), из суток – недели, из недель – месяцы, а из месяцев – годы. Такой повтор в рассматриваемом дискурсе символизирует вечность времени, его бесконечное движение.

Эмоционально-усилительную функцию выполняют и повторы синонимических существительных. Такой повтор, к примеру, встречается в

стихотворении Тубхат Зургаловой «*Рокьуго, рокьийин кIалъалаан дун*» – «О любви, о любви говорила я»:

*Рокьуго, рокьийин кIалъалаан дун,
Рокьи ккаразда гъорлъ дунгоги рикIкIун.
ГIишкъуго гIишкъуйин йикIунаан дун,
ГIаишкъазда гъоркьой дунгоги рехсон.
О любви, о любви говорила я,
Включая себя в круг влюбленных,
О страсти, о страсти говорила я,
Считая себя влюбленной.*

Усилительно-оценочные функции в поэзии Тубхат Зургаловой выполняют утвердительно-отрицательные повторы, когда актуализация одного (=утверждаемого) из повторяющихся компонентов используется для деактуализации другого (=отрицаемого). Такие повторы для поэзии Тубхат Зургаловой достаточно характерны:

*Дир талихIлъун бугеб гIагараб росу
ТалихI балагъизе арай гуру дун.
Моим счастьем являющееся родное село,
Не счастье искать уехала я [в город].
(«Дир росу» – «Мое село»)*

*ТалихIайин кканиги,
ТалихIай йикIинчIо дун.
Хоть и казалась счастливой,
Не была счастливой я.
(«Ругъунлъун йиго дун – «Я привыкла»)*

Утвердительно-отрицательные лексико-синтаксические повторы указанного типа характерны и для поэзии Машидат Гаирбековой. Особенно часто такие повторы используются в ее поэме «*Дагъистанальул Вас*» – «Сын

Дагестана», представляющей собой по жанру своеобразную песню-плач по случаю смерти руководителя Республика Дагестан Абдурахмана Даниялова.

Автор поэмы сравнивает его качества с качествами исторического деятеля Имама Шамиля, утверждая и усиливая при помощи субстантивных повторов положительные качества и отрицая повторяющимися глаголами в предикативно значимой для аварского языка конечной позиции негативные качества. Повторяющееся отрицание негативного приводит в таких дискурсах к актуализации положительных свойств руководителя республики:

Дур чIухIилъун, талитхIлъун

ВукIана ГIабдурахIман.

Твоей [Дагестана] гордостью, счастьем

Был Абдурахман.

Такие семантически значимые повторы, актуализирующие личные качества руководителя республики повторяются в конце каждой строфы:

ср. *къвакIилъун вукIана гъев* «стойкостью (=стойким) был он», *намуслъун вукIана гъев* «совестью [народа] был он», *гьудуллъун вукIана гъев* «другом [народа] был он», *гIебулъун вукIана гъев* «шилом [=символ отваги] был он» и т.д.

Дальнейшие глагольные повторы-отрицания, используемые в конце каждой строфы, делают актуальными и положительные общественно и ментально значимые качества героя поэмы:

бахIарчилъи дулъа батIалъичIо «смелость тебя не покинула», *нехъегIанлъи [дур] букIинчIо* «подлости [в тебе] не было», *дур халкъалъул бадиве, гьумер бахчун, вуссинчIо* «в лицо твоего народа, закрыв лицо [от стыда], не смотрел», *бахIарчилъи досул гуреб босичIо* (смелость, кроме как подобное Шамилю, не взял», *досда гурев рельеъарав лъугъине разилъичIо* «быть похожим на другого [не на Шамиля], не согласился» и т.д.

Повторы существительных могут сопровождаться повторами синонимических глагольных лексем, актуализирующих единое смысловое и эмоциональное пространство, в связи с чем повторы собственных имен

существительных используются в роли обращений, как например, в стихотворении Тубхат Зургаловой «*Дур кечI гIодулеб буго*» – «Твоя песня плачет»:

<i>Габдулмажид Хачалов!</i>	Абдулмажид Хачалов!
<i>Дур кечI гIодулеб буго,</i>	Твоя песня <u>плачет</u> ,
<i>Габдулмажид Хачалов!</i>	Абдулмажид Хачалов!
<i>Дур кечI угьдулеб буго,</i>	Твоя песня <u>страдает</u> .

Чаще всего глагольные повторы используются в поэтических произведениях, посвященных теме любви, эмоциональных состояний влюбленной женщины, изображению её внутренних переживаний. В таких произведениях, наполненных печалью, нередко изображаются чувства и эмоциональные состояния, связанные с воспоминаниями о родной матери, о любимом человеке:

<i>Хъваницинал рокьул кучIдул</i>	Все песни о любви
<i>Дуе дица ургъана.</i>	Я для тебя <u>написала</u> ,
<i>Гъезуль дун щакдарана,</i>	В них [тебя] я <u>ревновала</u> ,
<i>Барщарана, рекъана.</i>	<u>Обижалась, мирилась</u> .

(Т. Зургалова. «*Дица ургъун вахъарав*» – «Мною придуманный»)

Абизе бокьун буго дуда вокьиларилан,
Амма ракIаль ахIула гьереси бицугеян.
Гьикъизе бокьун буго дир нухда ватугеян,
Амма берал кIальала ниж кIочон тогейшлан.

Хотела бы сказать, что не люблю тебя,
 Но сердце кричит, что это не правда.
Хотела бы просить, чтобы не встречался в пути,
 Но глаза просят, чтобы о них я не забыла.

(Т. Зургалова. «*Абизе бокьун буго...*» – «Хочу сказать...»)

ЛъагIел ана. Амма дий

Къойил холей йиго дой.

Дунги хачадулей тун,

Уней, уней йиго дой.

(Т. Зургалова «Эбелалъул васигат» – «Завещание матери»)

Прошел год. Но для меня

Каждый день умирает она.

Оставив страдающую меня,

Уходит, уходит она.

ЯчIана, цвана духъе,

Щвараб гIор гIадинан, гъей.

Пришла, явилась к тебе

Она, словно наводнившаяся
река.

(Т. Зургалова «Эбелалъул васигат» – «Завещание матери»)

В таких поэтических произведениях, как свидетельствуют приведенные примеры, используются определенно-личные предложения или местоимение *дун* «я», эмоционально выражающее личные внутренние состояния женщины и усиливающее то, что составляет суть внутренних переживаний влюбленной женщины.

Дун гъаб гIасруялъул гIазизай шагIур,

ГIодула, угъдула, кагътиде къулун.

Я современного мира поэтесса ранимая,

Плачу, страдаю, наклонившись на бумагу.

(Ф. Алиева. «РитIухълъи» – «Справедливость»)

Местоименные повторы, выражающие личные чувства, переживания и отношение автора к чему- или к кому-либо, встречаются и в поэзии Фазу Алиевой. При этом существительные, обозначающие объекты речи, могут сопровождаться повторяющимися прилагательными эмоционально-оценочного характера или компаративными структурами:

Дир гъитIинаб росу, дир хъахIаб рагъи

ХъахIилаб зобалде тIаде рахъана.

Мое маленькое село, моя белая веранда

Поднялись в голубые небеса.

(«Борхалъи» – «Высота»)

*Дѹца гѹеб паѹманлѹи, хазина гІадин,
ТутІун бикѹила гѹеб, кваѹІаби гѹарун,
Квер бегѹун дѹхѹа гѹеб босе, гІадамал.*

Я эту печаль, словно сокровище,
Раздам, сделав букеты.

Протянув руки, возьмите у меня, люди, цветы.

(«Борхалѹи» – «Высота»)

<i>Гѹаб дѹр хундерил тІалѹи,</i>	Это <u>мое</u> хунзахское плато,
<i>Тюгѹолаб дѹр расалѹи</i>	Цветущая <u>моя</u> долина,
<i>Тюолабго дѹр ВатІаналѹул</i>	Всей Родины <u>моей</u>
<i>ТІанкІ буго ѹІакѹ гѹитІунаб.</i>	Точечка очень маленькая.

(Ф. Алиева. «Хундерил тІалѹи» – «Хунзахское плато»)

Повторяющаяся местоименная форма *дѹр* «мой» в сочетании с соответствующими оценочными существительными в разных поэтических дискурсах выражает душевные переживания автора, ее эмоционально-оценочное отношение ко всему, что для нее имеет ценность. Такой художественно-поэтический прием в поэзии Фазу Алиевой используется достаточно широко, о чем свидетельствуют следующие местоименно-субстантивные синтагмы:

дѹр ракІ гІодулеб буго «мое сердце плачет», *дѹр каранзул кунал* «нити моего сердца», *тІолалго дѹр кѹасдал* «все мои мечты», *дѹри рекІел тІуно* «дно моего сердца», *дѹр магІарул маѹІ* «мой родной язык», *дѹр умумул* «мои предки», *дѹр пѹкраби* «мои переживания» («Борхалѹи» – «Высота»), *дѹр халкѹ* «мой народ», *дѹр кІудада* «мой дедушка», *дѹрго магІарул росу* «мое горное село», *дѹр эбел* «моя мать», *дѹр чІухІи* «моя гордость», *дѹр васал* «мои сыновья» («Смольниядда» – «В Смольном»).

Эмоционально-оценочными ключевыми компонентами в таких повторах выступают такие составляющие, как «семья – родная земля/родина – родной язык – родной народ – сердце».

Возвращаясь к глагольным повторам, следует отметить, что они могут иметь синонимический характер или относиться к одной лексико-семантической группе: ср. *абизе* «сказать», *гыкыize* «спросить», *кIалъазе* «говорить», *ахIуize* «кричать», *бицине* «сказать» и т.д.

В ряде стихотворений современных аварских поэтесс используются повторы императивных форм глаголов, причинно мотивируемые глагольными формами с целевым значением (=назначением):

ВачIунге, ахIуге, гымуге дие,
Дида мун лъаларин, дунго гуккизе.

Не приходи, не зови, не улыбайся мне,

Я тебя не знаю, меня не обмани.

(Т. Зургалова. «ВачIунге...» – «Не приходи...»)

Гаргазабе аргъан, гIодизабе, Заирбег,
Зобалъги ракъалъги гIин тIамиледухъ.

Заставь гармонь говорить, заставь плакать, Заирбег,

Чтобы небо и земля внимали.

(М. Абдулазизова. «Арабаиш»-ансамбль» – «Арабаиш»-ансамбль»)

Прием мотивации повторяющихся глаголов используется и в случаях употребления индикативных глагольных форм:

Огъ, унтун буго ракI, унтун буго ракI,
Унтиялъ кIвекIулеб улкаги бихъун.

Ох, и болит сердце, сердце болит,

Видя страну, болезнью измученную.

(Ф. Алиева. Из четверостиший)

Лъаларо, лъаларо, лъугІана базар...

Бизарлъиялъ къвал бан, къокъана рокъой.

Не знаю, не знаю, закрылся базар,

Тоска [меня] охватила, вернулась домой.

(Т. Зургалова. «Нахъойги базаралда» – «Снова на базаре»)

В стихотворениях с повторами разных типов, как показывают приведенные примеры, в эмоционально-усилительной функции используется прием персонификации:

берал кІалъала «глаза говорят», *кечІ гІодулеб буго* «песня плачет», *кечІ угъдилеб буго* «песня страдает», *ракІ ахІдола* «сердце кричит», *гаргарзабе аръан* «заставь говорить гармонию», *зобалъги ракъалъги гІин тІамиледухъ* «чтобы небо и земля внимали» и др.

При повторе глагольных компонентов может быть использован также прием парцелляции, когда каждый из последовательно повторяющихся компонентов нарастающе усиливается как в смысловом, так и в эмоциональном плане:

ГъечІо мун. ВукІана. Ана. Терхъана.

Нухго лъачІо духъе дир рокъиялда.

Нет тебя. Был. Ушел. Потерялся.

Дорогу не нашла к тебе моя любовь.

(Т. Зургалова. «Дирго мекъльи сабаблъун» – «Из-за своего же упрямства»)

С точки зрения авторской языковой картины мира и эмоционально-образной основы поэтических произведений представляют интерес и усилительные повторы адъективных компонентов. Повторяющимися могут быть параллельно используемые ряды (=цепочки) адъективных компонентов, относящихся к разным субстантивам, как, например, в стихотворении Тубхат Зургаловой «ЦІорорал, цІорорал пикрабазул цІад» – «Холодных, холодных мыслей дождь»:

ЦІорорал, цІорорал пикрабазул цІад

Цорол гордуялда кIетIолеб буго.

Гъваридаб, гъваридаб дир рекIел тIинде

РикIкIалъулев дур цIар бортулеб буго.

Холодных, холодных мыслей дождь

На стекла окон стучит.

На глубокое, глубокое моего сердца дно

Отдаляющегося тебя падает имя.

Адъективные повторы могут быть семантически сближенными и эмоционально и оценочно характеризующими одно лицо, один предмет, как, например, в поэме Фазу Алиевой «Смолниялда» – «В Смольном»:

Дир хириял лъимал, дир гIолел васал...

Мои дорогие дети, мои взрослеющие сыновья...

Эмоционально-усилительная функция повторов здесь поддерживается и местоименным компонентом *дир* «мой», выражающим личные чувства матери по отношению к детям.

Повторы местоименно-субстантивных сочетаний особенно характерны для поэзии Фазу Алиевой. Позиция субстантивных компонентов при этом часто замещается существительными оценочного характера, формирующими концепты «семья» (*дир лъимал* «мои дети», *дир эбел* «моя мать»), «дом, село» (*дир росу* «мое село»), «родина, родная земля» (*дир ракъ* «мой край», *дир гIазизаб ватIан* «моя милая родина», *дир шагъар* «мой город»), «любовь/отношения, переживания» (*мои мысли, мои боли; мой тост, мои печали, моя душа, мой зов [души], мои глаза*):

Берал, берал, берал, дида тIад лъурал,

ТIаса росичIого дун цIалел берал.

Глаза, глаза, глаза, на меня направленные глаза,

Не отрываясь меня влекущие глаза.

(Ф. Алиева. Из четверостиший)

Определяемые местоименным компонентом *дир* «мой» субстантивные компоненты могут быть использованы и в переносно-символическом

значении. Приводимые ниже примеры из поэм Ф. Алиевой «Восхождение», «В Смольном» и «Красные жаворонки» свидетельствуют об этом:

- *хьулаз лъурал дир куркъбал* «мечтами поднимаемые мои крылья»;
- *бихьула гьениб дида дирго магIарул росу* «вижу я там мое родное село»;
- *тIегь гIадиной дир эбел* «цветку подобная моя мать»;
- *доба рикIада росуль расандулел дир лъимал* «там далеко в селе играющие мои дети»;
- *дир хирияб рагIи* «мои дорогие слова»;
- *дир тикраби* «мои мысли [=печали]»;
- мой тост за милых женщин.

В поэме Фазу Алиевой «Восхождение» (в другом варианте – «Высота») часто используется повторяющееся в начальной и конечной позиции слово *гьаниб* «здесь» (в значении «на земле отцов»), имеющее целью формирование коннотативных значений, поддерживаемых контекстом, в котором используются слова, выражающие оценку и авторское отношение (ниже приводятся примеры в авторской интерпретации и в русских переводах):

- *Гьаниб ганчил ракъалда, Ракьул гIадинаб къимат Къиматай ясалъулги Меседилги букIинчIо* «Здесь среди камней Горсть земли ценней Прекрасной девушки и Золота тоже».
- *КъамартIго чу къолорав Чильун рикIкIуна гьанив* «Хорошо оседлавшего коня Здесь мужчиной настоящим считают».
- *ТуркIичIеб рекIел къвакIи Къиматаб буго гьаниб* «Не дрогнувшего сердца стойкость достоинством считают здесь».
- Здесь, где ручьи щебечут беззаботно, Где брызги волн чаруют и слепят.
- Здесь я могу и днями и ночами Стоять в восторге, в радости, в слезах.
- Здесь, где позорней всех людских пороков Считают люди трусости порок, Где труса обойдут дорогой, Где труса не допустят на порог.

- *Гъанир накIкIал кьурдула, КъагIрил расIан тамахал* «Здесь облака танцуют, мягкие. Как шерсть ягненка».
- *Гъаниб гIетI чапун щвараб Чодол кьимат гьабула* «Здесь в поте лица выращенному хлебу цену [хорошо] знают».
- *Гъаниб гIадамазе ракъ Бокьула, улбул гIадин* «Здесь люди землю любят, как родителей».
- *Гъаниб ботIрода лъураб Бечедаб тIагърил гуро, ТIаргъида гъоркъ хIалтIулеб БотIрол кьимат гьабула* «Здесь не богатую на голове папаху ценят, а умную под папхой ценят голову».

Как видно из лексико-грамматического состава приведенных примеров, коннотативный фон формируется с участием глаголов и существительных положительной или отрицательной оценочной семантики, нередко сопровождающихся соответствующими эпитетами: *чи* «настоящий мужчина», *къимат* «цена, достоинство», *месед* «золото», *хIалтIулеб бетIер* «умная (букв. «работающая») голова», *тIуркIичIеб ракI* «не дрогнувшее сердце», *ракъ бокьула, улбул гIадин* «землю любят, как родителей» и т.д.

Глагольные повторы в произведениях Ф. Алиевой могут сопровождаться причинной мотивацией:

*Огь, унтун буго ракI, унтун буго ракI,
Унтиялъ кIвекIулеб улкаги биххун.*

Ох, болит сердце, болит сердце,

Увидев, как от болезни мучается страна.

(Ф. Алиева. Из четверостиший)

Таким образом, ключевой функцией собственно лексических, лексико-морфологических и лексико-синтаксических повторов, использованных в современной аварской женской поэзии, является образно-оценочная усилительная функция. В разных поэтических произведениях такие повторы характеризуются индивидуально-авторскими или национально-культурными коннотациями.

Особенности использования повторов в разных семантико-стилистических целях определяются разными факторами – переносными значениями компонентов повторов, задачами актуального членения, синтаксическими условиями парцелляции, позволяющими актуализировать экспрессивные возможности оценочных повторов, персонификацией предметов неживого мира, тематикой поэтических произведений и т.д.

Повторяющиеся компоненты разных частей речи могут быть относящимися к одной лексико-семантической группе слов или синонимическими. Некоторые лексико-синтаксические повторы носят утвердительно-отрицательный характер: повторяющееся отрицание используется для актуализации утверждения на денотативном и коннотативном уровнях.

Для выражения авторских чувств и индивидуально-авторских коннотаций часто используются повторы местоименного компонента *дир* «мой» в сочетании с концептуально важными словами оценочного характера. Такие и подобные им повторы могут носить причинно мотивированный характер.

2.3. Сравнительные конструкции как художественно-изобразительные средства

Использование сравнений в художественных произведениях связано с двумя важными факторами. Во-первых, это средство создания стилистического эффекта. Во-вторых, сравнения, как и фразеологические и паремиологические единицы, являются фрагментами языковой картины мира. В-третьих, расширение художественно-изобразительных возможностей сравнений связано с индивидуально-авторскими особенностями их структурной и лексико-семантической организации в поэтическом дискурсе.

Для выявления типологически общих и различительных признаков в организации сравнений в современной женской аварской поэзии рассмотрим сравнения, использованные в поэзии Фазу Алиевой.

Особенности формальной и лексико-семантической организации сравнений в поэзии Фазу Алиевой изучены недостаточно. Из опубликованных работ следует обратить внимание на две статьи С.М. Магомедовой, посвященные собственно лингвистической и лингвокультурологической характеристике сравнений, использованных для описания образа женщины в поэзии Фазу Алиевой [Магомедова, 2009а: 84-87; Магомедова, 2009б: 148-149].

Основное внимание обращается на развернутые сравнения, так как они представляют интерес как в плане формальной организации сравнений, так и с точки зрения их лексико-семантического состава. Именно такие сравнения становятся не только семантически емкими, но и стилистически окрашенными, экспрессивными, так как в составе сравнительных конструкций могут быть употреблены эмоционально-оценочные эпитеты-прилагательные и другие образно-оценочные стилистически окрашенные слова.

Исследователи отмечают, что писатели и поэты прибегают к развернутым сравнениям в целях более глубокого раскрытия сути сопоставляемых явлений. В таких сравнениях можно передать и переживания поэта, и характеристики героев путем их сравнения, а также отношение автора к изображаемым явлениям и т.д. [Литературный энциклопедический словарь, 1987: 371].

В поэтической речи достаточно употребительны сравнения, относящиеся к прилагательным, главным образом к качественным. Употребление при качественных прилагательных сравнений способствует уточнению заложенных в них качественных признаков.

Приадективные сравнительные конструкции, грамматически и семантически связанные как с полными, так и краткими прилагательными, встречаются в поэтических произведениях Ф. Алиевой:

Здесь, среди гор, где облака нежны, Как шерсть ягненка («Здесь, в горном Хунзахе»).

У любви моей корни крепкие, Словно у орехового дерева («У любви моей корни крепкие»).

Пестреют внизу, аккуратные, чистые, Будто игрушечные, дома («Дуб Гете»).

Неотразима, как правда, поэзия, Неистребима, как жизнь сама («Дуб Гете»).

Нередко в поэтических произведениях Фазу Алиевой в распространенных сравнениях используются прилагательные-эпитеты, выполняющие различные семантико-стилистические функции:

А перед нею, как сытый кабан, Сидит, усмехается гордый хан («Баллада о прекрасной Захрат»).

Сверкала звезда, Как волшебный алмаз («Баллада о прекрасной Захрат»).

А поясок с серебряной чеканкой Вокруг стана, Как серебряный ручей («Девочке, идущей по тропинке»).

Тропа таинственная вьется, Как серебристая спираль («Тропинка ангелов»).

Как горный снег, бела голова («Колокол скорби»).

Чиста, бесстрашна и молода, Как самая маленькая звезда («Баллада о прекрасной Захрат»).

Анализ сравнений, использованных в поэтических произведениях Ф. Алиевой, с точки зрения их лексико-семантической организации показал, что в их составе употребляются слова различных лексико-семантических групп:

1. Слова с растительным кодом культуры:

Я фиалкой цвела На твоём пути («Фиалка»).

Я любовь свою принимаю, Словно первый в жизни букет («Ни о чем я не помышляю»).

И месяц бывает в году... Один из двенадцати, Как яблоня в летнем саду («И месяц бывает в году...»).

Гъунар бижуларо, гурдада хергІан, Пемегазе кьолѣб давла гуро гьѣб «Подвиги не растут, как на лугу трава, Не всем такой подарок [от судьбы] достается» (Из четверостиший).

*Дир гъалал чарлъун руго ГъутІбузул гІаркьѣл гІадин «Мои волосы стали седыми, Как ветка дерева» («ГІалхул чу» – «Дикая лошадь»): интересно использование глагольного компонента с признаковым значением *чарлъун руго* «стали пестрыми» для обозначения седеющих волос.*

2. Слова с зооморфным кодом культуры:

Мой Дагестан С курчавыми садами, С беспечными, как овцы, Родниками... («Камешки жизни»).

И в пляске кувшин, Как лебедь, Выгнуться готов («Барабанщик нашего аула»).

Мысль моя подстреленною птицей Упадет с небес («Мысль моя»).

Все меня боятся, Как будто я хищный зверь («Любовь и смерть»).

Дидани эбелалъ бицун букІинчІо, БацІалгІан гІасиял гІадамал ругин «Мне мама не рассказывала, Что есть люди, свирепые как волки» (Из четверостиший).

Хъурмалилан ккола дида гІадамал, КвачІ данде кьабгІизе тІаде гьѣсарал «Мне люди кажутся волками, готовые лапой ударить» («Куркьбал» – «Крылья»).

*Пугьдузуль, хурдузуль, мокьокь гІадинан, Къвалакъ лъималги ккун, дун хъвадилаан «В цветах, травах, словно куропатка, Держа в руках детей, я бы ходила» (использован фемининный символ *мокьокь* «куропатка», олицетворяющий изящество походки женщины). – стих. «Дица рецц гьабулеб буго улбузе» – «Я воспеваю родителей».*

3. Слова с природным кодом культуры:

Теперь голова моя даже летом Была, словно снег декабрьский
(«Колокола скорби»).

Слово аварское, гортанное, словно наша река («Родной язык»).

Как это облачко в вышине, Зависть моя светла («Скачущему на коне»).

Как тучи, несущие град и грозу, Клубилась пыль, поднимался дым
(«Баллада о прекрасной Захрат»).

4. Характерно употребление слов, обозначающих небо и небесные светила:

Глаза мои, Как звезды в небесах («Ищу тебя»).

Портреты ясны, Словно летнее небо («Два лета»).

Чиста, бесстрашна и молода, Как самая пламенная звезда («Баллада о прекрасной Захрат»).

Скажу лишь, что она носила косы, как будто солнце на спине несла
(«Баллада о красоте и мастерстве»).

НакIица бахчулеб багIар бакъ гIадин,

Батизе бегъула жакъа ритIухъльи.

Как красное солнце, затмеваемое облаками,

Оказалась сегодня справедливость.

5. Слова с телесным кодом культуры:

Солнце в небе – небо голубое, Как твои глаза, лучами теплится («Твои глаза»).

А по стволу березы, Как по моей щеке, Текут беззвучно слезы («На смерть друга»).

Горяча [тропинка] словно луч, Как ладонь широка («Первая тропинка»).

6. Слова, обозначающие драгоценные металлы, минералы:

Так пусть этот пепел сердец погибших Алмазами вспыхнет в песне
моей («Колокола скорби»).

На березах... мелким Бисером – мороз («Вот иду я русским лесом»).

Расту быстрее, девочка моя, Ты будешь, словно бусинка коралла
(«Восхождение»).

А дождик, словно жемчуг, На нитке разрывается («Радугу раздаю»).
Сверкала звезда, Как волшебный алмаз. («Баллада о прекрасной Захрат»).

7. Непродуктивно используются в сравнительных конструкциях отвлеченные понятия:

О, стихи мои, – радость и горе, За потоком летящий поток («О, стихи мои»).

Я думаю о счастье Как о чуде («Струна») *Неотразима, как правда, поэзия...* («Дуб Гете»).

8. Характерно использование сравнений антропоцентрического характера, в которых употребляются слова, обозначающие людей по их разным признакам:

Голубоглазый цветок, как ребенок, Прильнул к груди горы Гуниб
(«Орлы слетают с гор»).

Семь прозрачных родников, Как будто семь подруг... («Предание о моем ауле»).

Первый снег, как гость, идет («Первый снег»).

Листья твои щебетали тогда, Как дети малые («Осеннее»).

Словно мать – Земля, В космос провожающая сына («Мысль моя»).

9. Индивидуально-авторский характер придает характеризваемым сравнениям употребление в их составе вещественных существительных:

Здесь, среди гор, где облака нежны, Как шерсть ягненка... («Здесь, в горном Хунзахе»).

А к сироте, как комья глины, Вмиг прилипнут сплетни и дурные слухи
(«Барабанщик нашего аула»).

Земля, как шерсть, Стелилась мягко для посева («Как молотили зерно»).

10. По частотности употребления в сравнительных конструкциях отличается слово «стрела». В основном данное слово символически

употребляется в стихах о любви. Оно может сопровождаться определительными компонентами в мотивирующей функции:

Первым же взглядом его прожгла, Будто пылающая стрела («Баллада о прекрасной Захрат»).

Горькие мысли, жгучие мысли, Злые, как стаи отравленных стрел («Каждому свое»).

Слова твои – Стрелы разящие («Пугает тебя неумение со мной говорить о любви»).

В отдельных случаях образ стрелы заменяется образом луча: *Зависть моя горяча, Как луч, прилипавший к твоим кудрям* («Скачущему на коне»).

11. В группе сравнительных конструкций употребляются названия конкретных предметов, ассоциативно связанных со вторым объектом сравнения (ср. *сердце, как ларец раскрытый*; *боль, как вечный колокол*; *жена всегда была необходима, как второе колесо арбе* и др.):

Тропа таинственно вьется, Как серебристая спираль («Тропинка ангелов»).

Жизнь, как камешек, Что выпал из оправы («Вдова»).

Коль за отцовскою спиною дочь, К ней сплетня не пристаёт, а мгновенно, Как мяч резиновый, отскочит прочь («Барабанщик нашего аула»).

А люлька, как лодка, плывет («Железная люлька»).

12. В небольшой группе сравнительных оборотов используются названия географических объектов, которые распространяются прилагательными-эпитетами:

И горячими, Как летние долины, Ледяные ему кажутся вершины («Жаворонок»).

Лучистое утро, Как ярко альпийский склон луговой («Колокол скорби»).

Вынослив [дом], как наши горы («Я вижу»).

13. Разными ассоциативно-образными ассоциациями у Ф. Алиевой характеризуется концепт «любовь». Компаративность в этом случае

создается употреблением отвлеченных смыслообразующих понятий типа *мука* (переживания), *счастье*, *защита* или ассоциативно связанных с темой любви лексико-семантических компонентов, формирующих образно-семантическую и экспрессивно-стилистическую основу концепта «Любовь»:

Имя любимого человека – Пуля моя и броня («Имя любимого человека»).

Имя любимого – это хрустальный сосуд («Книгу мою прочитав»).

Моя любовь к тебе, – как дом Без окон, без дверей («Моя любовь к тебе»).

Вокьулесул гыми сверухъльиялда Сунареб канльильун тIибитIун ана «Улыбка любимого вокруг Неугасающим светом озарилась» («Вокьулесул гыми» – «Улыбка любимого»).

В последнем примере употребление пояснительных предложно-падежных сочетаний *без окон, без дверей* связано с тем, что автор хочет подчеркнуть полную открытость сердца для любви.

14. Одним из смыслообразующих и ключевых символов в сравнениях, используемых в поэзии Ф.Алиевой, является образ крыльев:

Как желтое крыло, Лоснилась медь кувшинов («Выбор»).

Она бинтовала, а тонкие руки летали, как два волшебных крыла («Любовь и смерть»).

Застыла рука, будто выкинутое крыло («Колокол скорби»).

В основном образ крыльев связан с описанием рук, для чего используются распространенные эпитетами-прилагательными сравнения: ср. *тонкие руки* – [как] *волшебные крылья*.

15. Для поэзии Фазу Алиевой характерно употребление так называемых антропоморфических сравнений, связанных с уподоблением человека объектам окружающего мира. Сравнения такого типа обычно соотносятся с антропным, растительным и природным кодами культуры:

Голубоглазый цветок как ребенок («Орлы слетают с гор»).

Семь прозрачных родников, Как будто семь подруг («Предание о моем ауле»).

А росла ведь на свете травя, И наивна была, как ребенок («Лето придет»).

Уходят цветы возвышенно скорбно, Как добрые люди, с земли («Гибнут цветы»).

Листья твои щебетали тогда, Как малые дети («Осеннее»).

И как ребенок, цветок смеется («Цветок»).

16. Некоторые сравнения, использованные в поэтических произведениях Фазу Алиевой, имеют национально-культурный характер. Такая особенность сравнений создается использованием в их составе специфической для дагестанской действительности лексики, слов, обозначающих национально-культурные реалии:

Слово аварское гортанное, словно наша река («Родной язык»).

Мой Дагестан с курчавыми садами, С беспечными, как овцы, родниками («Камешки жизни»).

А серебряный поясок вокруг стана, Как серебряный ручей («Девочке, идущей по тропинке»).

Здесь, среди гор, где облака нежны, Как шерсть ягненка («Здесь, в горном Хунзахе»).

Голубоглазый цветок, как ребенок, Он благодарно и влюбленно Прильнул к груди горы Гуниб («Орлы слетают с гор»).

ЛъугъинчIеб чIагIа гIадал, рагIабазухъ гIенекун, ГIунун уна чорхоль би «Слушая речи, подобные не созревшей бузе, в жилах [моих] кров стынет» (из четверостиший).

Ряд сравнений в поэзии Фазу Алиевой носит авторский характер, определяемый особенностями их лексико-семантической организации и образно-ассоциативной авторской интерпретации. Такие сравнения, например, использованы в сборнике стихов «Корзина с плодами от дерева

жизни» (2007). В таких конструкциях неожиданно, на первый взгляд, сравниваются *зерна и звезды, колосья и колыбели, люди и ягнята,*

Мугьал, цIваби гIадин, кенчIолел руго.

Зерна, как звезды, сверкают.

ХIеренаб гьороца парпалел тIорал

ТIад лымал руцарал киналин ккола.

Колыхающие от нежного ветра колосья

Колыбельками кажутся со спящими детьми.

БацIазул тIелалде гьоркьоре ккарал

КьагIи гIадин руго жакъа гIадамал.

Люди сегодня похожи на ягнят,

Попавших в стадо волков.

Лъабго тIадегIанлъи Аллагъас кьураб,

Лъабго бриллиантлъун цIунана дица.

Три возложенных Аллахом обязанности,

Как три бриллианта, сохранила я.

Дур балъголъабазул багIараб месед

Бичула учузго гьез, курак гIадин.

Красное золото твоих [священных] тайн

Продают они дешево, словно курагу.

Эбелалъ гьарурал лымал гIадинан,

Лъаралги рижула цIорода гьоркъан.

Как дети, рожденные матерью [одной],

Рождаются ручейки из-под холодного льда.

Авторский характер приведенных сравнений создается не только неожиданными образными ассоциациями, создающими компаративность, но и употреблением в их составе названий национально-культурных реалий (ср. курак «курага» («сорт кислых абрикос», кини «люлька»), предназначенными аргументировать, обосновывать сравнительный образ. Сравнения, использованные в поэзии Ф. Алиевой, в лингвокультурном аспекте изучены недостаточно. В этом плане они могут стать предметом специального исследования.

Сравнения как изобразительно-выразительное средство используются широко и в поэтических произведениях других современных аварских поэтов. Например, в поэзии Тубхат Зургаловой. Так, определительно-оценочную функцию выполняет ряд сравнений, использованных в сборнике поэтических произведений Тубхат Зургаловой «Эбелалъухъ чIвараб чIегIераб дир кIаз» – «Черный платок» [как траур по матери] [Зургалова, 1997].

Дур гьумер рагъиде бакълъун баккула.

Твое лицо на веранду светит солнцем.

Къижа дир бакъилан шурулеб буго

Цин цIадал къатIра лъун, цингиги гIорлъун.

Спи, мое солнышко, шепчешь ты

То капелькой дождя, то рекой [полноводной].

Данное сравнение, соотносительное с природным кодом культуры, представляет интерес тем, что здесь использован прием персонификации природных явлений (цIадал къатIра «капелька дождя», гIор «река»): природа как бы ласково шепчет словами матери. Кроме того, использована метафора дир бакъ «мое солнце», характерная для аварских народных детских песен и усиительно подчеркивающая отношение матери к своему ребенку.

Прием персонификации с оттенком компаративности использован и при описании переживаний дочери, потерявшей любимую мать: гIодулел руго тIохал «плачут крыши домов» («Эбел, дун йуссун йиго» – «Мама, я

вернулась»). В приведенном примере, не случайно использована форма множественного числа *тIохал* «крыши (домов)»: здесь форма множественного числа существительного выполняет эмоционально-усилительную функцию: *крыши всех домов села плачут* [а не только родного дома]. Эмоциональный накал стихов усиливается и обозначением внутреннего состояния, горя дочери, которая, может быть, не все успела сделать для матери (выражается чувство вины, долга перед матерью):

ГъабичIого хутIараль Чувствуя все не сделанное,
ТутIун рехулеб керен! Раздирается на части сердце!

Прием персонификации окружающего мира (природных явлений, конкретных предметов быта, родного дома и села и т.д.) в силу конкретной проблематики анализируемого сборника (смерть родной матери поэтессы и изображение переживаний дочери, потерявшей мать) для многих стихотворений стало достаточно характерным. Компаративный признак здесь выражается чаще в имплицитированной форме: *плачет кувшин* [как женщина в горе], *небо печалится* [как дочь, потерявшая мать], *небеса, веранда дома плачут* [как испытывавшая горе дочь] и т.д.:

ГIодулеб буго гIеретI,

Дур мугъаль жиб баччараб.

Плачет кувшин [для воды],

Что ты на спине носила.

Къваридал зобалги дунгун хутIана.

И печальные небеса со мною остались.

Хабалазде щолелъул гIоданин ккана зобал.

Когда приближались к кладбищу, казалось, небеса плачут.

ГIодулеб буго нильер рагъи...

Плачет наша веранда...

Гьедин байбихъараб гюдана кагъат...

Так начатое письмо заплакало...

Таким образом, в поэтических произведениях Т. Зургаловой в сравнениях сливаются как собственно компаративные признаки, так и признаки персонификации, что в принципе, логически оправдано: персонификация основана на уподоблении, на приписывании человеческих свойств, умения говорить и мыслить предметам и явлениям окружающего мира.

В поэзии Машидат Гаирбековой чаще затрагиваются проблемы, имеющие общественную значимость, касающиеся достоинства известных в республике религиозных и общественных деятелей, соответственно сравнительные конструкции здесь отличаются спецификой лексико-семантического наполнения, формирующего компаративные образы, соотносимые с разными кодами культуры – предметным, природным, зооморфным, растительным. Поэтические произведения Машидат Гаирбековой последних лет посвящены общественным и религиозным деятелям, в связи с чем в сравнениях нередко используются слова с мужской символикой:

гьерекъ «камень» (символ твердости), *ханжар* «кинжал» (символ отваги, готовности защищать кого- или что-либо), *чу* «лошадь» (мужской зооморфный символ), *цIум* «орел» (символ свободы, гордости, отваги), *лебаллы* «отвага, проворство» (обычно употребляется как оценка мужского достоинства), *си* «столб» (символ стойкости, опоры), *хIуби* «опорный столб» (символ защиты, опоры).

Такие сравнения, например, часто используются в поэмах М. Гаирбековой «*Дагъистаниязул Вас*» – «Сын Дагестана» и «*Черкесиязул имам шайих МухIамад-Амин*» – «Имам Черкесии шейх Мухамад-Амин»:

Гьерекъ лъугъун къвакIараб Отвердевшие как камень

Ургъел бахчараб керен. Заботы держал в груди

Чангит чучун биччараб Как у отпущенного на волю
Чулъун араб лъимерлъи. Жеребенка, прошло твое детство.

БегЕраб хвалчен гIадаб, Подобная красному кинжалу
ГIакъилаб лебалъи дур. Мудрость твоя.

Къолболъа тIун рахъарал Как вырванные с корнями
ЧинаригъутIби гIадин, Чинары деревья,
МузIруздаса тIезарун, Оторвав с гор [родных]
РитIичIо магIарулал. Горцев не дал выслать ты

Лъалиниб ханжар гIадин, Как в ножнах кинжал,
Дуде жахIда бахчараз Злобу против тебя пряча, люди
Бадиб гъабулеб рецаль Лицемерные речи произносили,
ХIеккинавизе чIечIо. [Но] обмануть себя ты не дал.

ЦIвабазул борхалъуде К высотам звезд
Роржунел цIумал гIадал, Словно летящие орлы,
ГIолохъабазул гъунар Мастерство молодости
Бихъизабилеб дIца. [Миру] покажу я.

В ряде сравнений Машидат Гаирбековой используются мотивы устного народного творчества, аварских народных историко-героических песен. Такие сравнения с мужской символикой используются также как пожелания в колыбельных песнях, исполняемых для мальчиков:

Зоб кколеб хIуби гIадав.

Подобный столбу-опоре неба.

ЯхIалъул хIавуз гIадав,

Намусалъул си гIадав.

Подобный столбу чести,
Совести опоре подобный.

Поэма Машидат Гаирбековой «*Дагъистаниязул Вас*» – «Сын Дагестана» носит характер жанра плачей (она посвящена ушедшему из жизни известному политическому деятелю, руководителю республики Абдурахману Даниялову), поэтому одним из ключевых и символических компонентов в сравнениях является слово *магIу* «плач; слезы»:

*ЦIад гIадин, магIу чвахун,
 Хадур ниж гIоданиги,
 ГурхIел гьабун, мун тезе,
 Итулеб гьечIо гIажал.*

Подобно льющемуся дождю,
 Мы сколько бы ни проливали слез,
 Пощадить и оставить тебя
 Никак не уговоришь смерть.

С точки зрения лексико-семантической и функционально-стилистической представляют интерес также сравнения, использованные в поэзии известной исполнительницы аварских песен и поэтессы Марижат Абдулазизовой.

Общеизвестно, что как сравнения, так и метафоры достаточно характерны для женской поэзии, имеют гендерный характер и общие свойства как явления, лежащие в одной семантической плоскости, поэтому часто используются в качестве средств создания экспрессии и оценки в поэтических произведениях в качестве основного лексического средства создания индивидуально-авторской языковой картины мира.

В связи с этим Л.В. Олифиренко отмечает: «Будучи своеобразной образно-ассоциативной формой осмысления действительности, образ в поэзии является средством, характеризующим отношение поэта к действительности, способом ее восприятия и истолкования. В этом смысле сравнения, используемые в художественной речи, могут быть рассмотрены в

качестве своеобразных фрагментов авторской языковой картины мира» [Олифиренко, 2014: 145].

Нередко метафоры и сравнения сливаются, образуя образно-ассоциативный поэтический компонент. В связи с этим важно обратить внимание на возможности семантико-стилистического использования метафоры и сравнения в поэтическом дискурсе, так как «коммуникативная стратегия поэта формируется с учетом возможных разных вариантов реагирования читателя на представленный в тексте возможный мир» [Быдина, 2003: 109]. При собственно лингвистических различиях метафору и сравнение объединяет то, что они выступают в качестве национально-культурных фрагментов языковой картины мира, что еще раз подтверждает актуальность рассматриваемой проблемы.

Рассматриваемый в данном разделе иллюстративный материал был нами собран из сборника стихов Марижат Абдулазизовой «*PuxIiyab asarги рекIел xIасратги*» (2014). Для сохранения национально-культурной специфики сравнений и демонстрации их индивидуально-авторских особенностей переводы на русский язык в основном даются в форме, близкой к буквальному (=дословному) переводу. Лексико-семантический и отчасти стилистический анализ сравнений, использованных в поэтических произведениях М. Абдулазизовой, позволяет отметить ряд особенностей.

Некоторые лексико-семантические свойства сравнений (например, их лексический состав) определяются тематикой стихотворений, в которых поднимаются проблемы общего и частного (личного) характера. К проблемам общего характера, например, можно отнести темы поэта и поэзии, времени и жизни. В таких поэтических произведениях используются сравнения, соотносительные с антропным кодом культуры, так как человека невозможно отделить от жизни и времени, поэтому здесь используются соответственно наименования людей по их разным признакам, номинации частей тела человека, обозначения его эмоциональных и физических состояний и т.д.

Къваридго, паиманго йигеб мехалда

РачІана гьалбаллъун гьал кучІдул дихъе.

Когда была в печали и раздумьях,

Явились, как гости, эти стихи ко мне.

(«*ЛъикІал гьечІониги, дирго кучІдузде...*» – «Хоть и плохим, но собственным стихам...»)

РакІазе гьабулеб даимаб асар,

Даимаб цІа гІадин, ссвине теларо.

Сердцем испытываемому вечному чувству,

Как вечному огню, не дам погаснуть.

Гъира ссун унеб буго,

Гъанситухъ цІа кинигни.

Желания затухают,

Как в очаге огонь.

(«*Херлъи*» – «Старость»)

При характеристике течения (=движения) времени используется природный код культуры, для чего время сравнивается с рекой, с ее течением:

Дир гІумру чвахана, хехаб гІор гІадин.

Моя жизнь текла, словно быстрая река.

(«*Дир гІумру*» – «Моя жизнь»)

Имеют место и такие сравнения, которые соотносятся с предметным кодом культуры. Так, быстротечность времени сравнивается с часами. Такая компаративная семантика в соответствующем дискурсе находит лексическую поддержку:

Унеб буго гІумру. ГІедегІи гьелъул,

ЛъагІелал сверула, сагІтал киниги.

Уходит время. Как оно быстротечно.

Годы проходят, как часы.

(«Дир гIумру» – «Моя жизнь»)

Для усиления количества прожитых лет употребляются имеющие символическую значимость слова типа *чIумал* «четки», *рахас* «цепь»:

РикIкIун лъугIулел руго,

ЧIумал киниги, сонал.

Ушедшие считаешь годы,

Словно четки [времени]

(«Замана» – «Время»)

Жавгъар-якъуталъул гарал гIадинал,

ГIумрудул къоязул къиматаб рахас.

Словно из яхонта и жемчуга сделанных,

Времени дней дорогая цепь.

(«Музеялде щведал» – «В музее»)

В сравнениях, актуализирующих внешние и внутренние качества близких, родных людей, Марижат Абдулазизова использует названия символических предметов, создающих компаративный положительный образ: *хIуби* «столб-опора» (символ стойкости, выносливости), *хъахIаб кагъат* «белый лист бумаги» (символ морально-нравственной чистоты), *ритIучI* «олень» (символизирует изящество, красоту женщины), *хазина* «драгоценность, сокровище» (символ дорогого сердцу человека) и т.д.:

ЯхIалъул хIуби гIадай,

ХIеренай дир Лайла.

ХъахIаб кагъат гIадинаб,

БацIадаб намусалъул.

Подобная опоре чести,

Нежная моя Лейла.

Словно белая бумага,

Совесть [твоя] чиста.

(«Игъалиса Лайлае» – «Лейле из Игали»)

*Нахъе лъун цIунараб хазина гIадин,
Херав инсуй цохIо хIалихъе щварав.*

Словно отложив сбереженное сокровище,
Для старого отца родился [ты].

(«Вацасде» – «Брату»)

РитIучIил гIадинаб, чIурканаб лага...

Словно у оленя, изящное тело.

В отдельных случаях метафора и сравнение накладываются друг на друга, формируя национально-культурные коннотации и многослойный оценочный образ:

*ТалихIалъ роххелалъ мехтизе гъавун,
Мунги гъаб ракъалда, хан гIадин, тайги.*

Пьянея от счастья и радости,
Пусть, как хану, живется [тебе].

(«МустахIикъав дури» – «Достойный зять»)

На усилительную функцию глагольной метафоры *талихIалъ мехтизе гъаризе* «пьянеть от счастья» в этом поэтическом дискурсе накладывается компаративный образ *хан гIадин* «как хан», совмещающий в себе и усиление, и оценочную образность национально-культурного характера. Более того, здесь употреблена глагольная форма *тайги* «пусть [так] живется», выражающая значение пожелания. Такие формы, образующиеся от инфинитива при помощи форманта *-ги*, вносящего значение пожелания, обычно используются в тостах, благопожеланиях и молитвах, обращенных ко Всевышнему.

Использование таких глагольных форм вносит в поэтический дискурс песенно-молитвенный характер, свойственный аварским народным песням, которые. Это достаточно важно, так как именно и в горе, и в радости,

окружающие высказывают человеку соответствующие благопожелания: *талихI кьей-ги* «пусть будет счастливым», *гIумру халалъа-ги* «пусть жизнь будет долгой», *рохалида тай-ги* «пусть [живется] в радости» и т.д.

Такие синтаксические структуры отличаются поэтичностью, особой внутренней напевностью и экспрессивностью. В этих дискурсах может быть использована цепочечная форма благожелательных форм глаголов, что усиливает эмоциональное восприятие и определенную приподнятость стиха, как народного (например, такие формы часто употребляются в аварских народных колыбельных песнях для мальчиков и девочек), так и авторского поэтического.

2.4. Фразеологические единицы как экспрессивно-усилительные и образно-оценочные средства

Использование фразеологических единиц в поэтическом дискурсе имеет значение не только в связи с их лингвистической сущностью и выполняемыми ими функциями, но и в связи с тем, что они, являясь фрагментами национальной языковой картины мира, отличаются лингвокультурологическим содержанием и различными коннотациями, особо важными для поэтического дискурса.

Важными признаками фразеологических единиц является их образность и оценочные возможности. В связи с этим В.Н. Телия отмечает: «Благодаря всегда образному основанию фразеологизмов, отображающему мировидение народа – носители языка, запечатленному во внутренней форме или в форме содержания, «буквальность» их значения, которое просвечивает через материальную (звуковую или графическую) оболочку фразеологизмов и служит для них обозначающим знаком, языковая память фразеологизмов не только хранит, но и традиционно воспроизводит от поколения к поколению живое наследие культуры» [Телия, 2006: 6].

Использование фразеологических единиц в поэзии приобретает особый смысл и значимость в связи с тем, что автор поэтического произведения через фразеологизмы выражает осознание своего «Я» как личности и автора произведения, переживающей на эмоциональном уровне все, что его окружает, волнует. В зависимости от тематики поэтических произведений фразеологические единицы выполняют различные функции. Наблюдения над нашим поэтическим материалом свидетельствует о том, что фразеологизмы в основном употребляются в произведениях, в которых актуализируются концепты «любовь», «эмоции», «переживания», «горе и страдания», а также в стихотворениях, негативно оценивающих недостатки и морально-нравственные «ценности» нашего времени.

Фразеологические единицы употребляются в произведениях всех рассматриваемых в настоящей диссертации современных аварских поэтесс – Ф. Алиевой, Т. Зургаловой, М. Гаирбековой и М. Абдулазизовой. Частотность их употребления и семантико-стилистические функции фразеологических единиц обусловлена тематикой стихотворений и поэм, а также коммуникативными намерениями автора. Так, например, в цикле стихотворений «Черный платок» и в поэме Тубхат Зургаловой «Завещание матери», посвященных матери, актуализируются переживания и страдания дочери, потерявшей родную мать, выражается признательность матери, ставшей в жизни твёрдой опорой.

В таких единицах употребляются слово *ракI* «сердце», выступающее в качестве «вместилища» переживаний, места их локализации в сочетании с глаголами, обозначающими физические состояния сердца: *ракI бекана* «сердце сломалось» (о душевных переживаниях); символически используются фразеологизмы с компонентом-цветообозначением *чIегIераб* «черный» (*чIегIераб кьо* «черный (печальный, траурный) день» и словами *кьед* «стена, опора», *цIа* «огонь» (в составе ФЕ выполняет усилительную функцию):

Баркала...

*Ракъалда тIад дие шулияб къедлъун
Музь чIвазе, гъеж цузе цадахъ чIаралъухъ.*

Спасибо...

В жизни для меня твердой стеной [опорой]

Чтобы спиной опереться, подставив плечо, ты была.

(«Эбелалъул васигат» – «Завещание матери»)

*Дун йохарал сонал ирсалъеги тун,
РакI бекарал къоял гъорлъаги чIаран...*

В наследство оставила [ты] дни, когда радовалась,

Печальные (букв. «сердце когда сломалось») дни убрав [из жизни].

(«Маржанал» – «Ожерелье»)

Ща бакараб унти, эбелалъ гIадин,

Лъимер къижизелъун, лъица бахчараб?

Нестерпимую (букв. «огнем обжигающую») боль, как мать,

Кто скрывал, чтобы заснул ребенок.

(«Эбелалъухъ бараб чIегIераб дир кIаз» – «Черный платок»)

Яцалъ дуе тараб рекIел кесеклъун

Дун йихъараб мехалъ, мун пашманлъула.

Как кусочек сердца, оставленный сестрой,

Когда видишь меня, печалишься ты.

(«Эбелалъул вац» – «Матери брат»)

БачIана чIенгIераб къо, къаникъе ана эбел,

Наступил черный день, ушла в могилу мать.

РачIунелха ругел, эбел, ниж духъе,

Къваридал ракIазда кватIи гIодизе.

Приходим к тебе мы, мама,

Печальные сердца чтобы плакали.

(«*Эбел аралдаса лъагел тубана*» – «Прошел год, как не стало мамы»)

Фразеологические единицы с соматизмами, обозначающие эмоциональные состояния, употребляются также в поэзии Ф. Алиевой, М. Гаирбековой и М. Абдулазизовой. Их стилистическая окраска и семантические оттенки формируются в зависимости от тематики произведений (любовь, дружба и предательство, преданность и надежность человека, радость и печаль и т.д.):

Мугъ чIвазе безгулеб гьудулги буго,

Гьуинлги холареб гIагарлги буго.

Есть дружба, на которую можно опереться спиной,

Есть родня, где чувства не умирают.

(М. Абдулазизова «*Дун гьайуна, гIуна, гIадамалъ йиго*» – «Я родилась, выросла, среди людей живу»)

Дур бацIадаб рекIел бухIараб асар.

Твоего чистого сердца, горячие чувства

(М. Абдулазизова «*Баркула, Абуев, дуда юбилей*» – «Поздравляют тебя, Абуев, с юбилеем»)

Тулил кесек гIадавдир гьитIунав вац.

Подобный кусочку печени (=сильно дорогой) мой младший брат.

(М. Абдулазизова. «*Вацасде*» – «Брату»)

Дир рекIел ургьел мун,

Дир роххелги мун.

Моего сердца переживания[букв. «сердца заботы»)] ты,

И моя радость тоже ты.

(М. Абдулазизова. «Вацасде» – «Брату»)

Дир бекараб ракIаль дур рокьялда

Куркъбалги гьеларо, гьежги цвиларо.

Мое сломанное сердце твою любовь

Не окрылит (букв. «не сделает крылья»),

не подставит плечо.

(Ф. Алиева. «Дир бекараб ракI» – «Мое разбитое сердце»)

В таких поэтических произведениях широк круг глаголов со значением страданий, разрушения, деформации сердца, сочетающихся со словом *ракI* «сердце», выражающих различные национально-культурные и индивидуально-авторские коннотации:

ракI «сердце» (*бухIула* «горит», *бекула* «ломается», *гIодула* «плачет», *кьватI-кьватIула* «растрескивается»/«разрывается», *пашмангьула* «печалится», *боххула* «радуется», *угьдула* «стонет» и т.д.):

МугIрузде щведалги гIодула дир ракI,

Рорхатал кьурабаль кьватI-кьватIула ракI.

Когда бываю в горах, плачет мое сердце,

Поднимаюсь на скалы, сердце разрывается [от чувств].

(Ф. Алиева. «Дица рецц гьабулеб буго улбузе»)

В части примеров фразеологические единицы употребляются не только как художественно-образительные образные средства языка, но и средства усиления обозначаемого. В таких поэтических дискурсах имеет место влияние устного народного творчества (аварских народных песен и баллад), живой экспрессивной разговорной речи, в которой обычно употребляются экспрессивные языковые единицы:

Дун хIадур йикIана хIатIалги гIицIго,

Дица ахIаралгуй хIалакун ине.

Я была готова босиком (= с радостью)

Торопиться и идти за тобой.

(Ф. Алиева. «Дун хIадур йикIана» – «Я была готова»)

*Гьаб гIаламалъ гIарац бухъулеб бакI щиб,
БутIрул гьечIониги, чунтби цIун ругин.*

Где эти люди копают деньги,

Хоть нет ума (букв. «нет голов»), карманы полны.

(Т. Зургалова. «Нахъойги базаралда» – «Снова на базаре»)

*Балагъун гIорцIичIо дун,
ГIолилалъул гьайбатлъи.*

Глаз я не отрывала (букв. «посмотрев, не насытилась»),

Как прекрасен был юноша.

(Ф. Алиева. «Цо гIолиласул рокъоб» – «В доме одного юноши»)

*Меседил хIарпаца хъвазе рекъараб
Къадруяб цIаралъе къулула бетIер.*

Золотыми буквами достойному писать

Голову пред высоким именем склоняю.

(М. Абдулазизова. «Музеялде щведал» – «В музее»)

*ГьебщIа дур чедилан,
Чехъалъ гьумер бухIана.*

Это ли на еду похоже [говоря],

Живот меня упрекал.

(Т. Зургалова. «АхIуге дун гьоболлъухъ» – «Не зови меня в гости»)

В стихотворениях, критикующих общественно-политическую ситуацию и морально-нравственные устои общества девяностых годов XX века, используются субстантивные и глагольные фразеологические единицы: первые выполняют образно-изобразительные функции, рисуя создавшиеся в обществе ситуации; вторые обозначают негативные действия недостойных в

морально-нравственном плане людей. Такие фразеологизмы носят национально-культурный характер, формируемый как использованием в их составе названий национально-культурных реалий, так и денотативной и коннотативной спецификой всего фразеологического образа:

ср. *чед бортараб таргъа* «пустой карман» (букв. «торба, из которой выпал хлеб»), *ханлъи гъабизе* «властвовать, царствовать» [Магомедханов, 1993: 335], *кIкIалал тIиналде рехизе* «бросить на дно ущелья [=уничтожить]», *таж лъезе* «коронай сделать», *цIар борхизе* «почитать, поднять авторитет», *михир бачине* «унизить, покорить, подчинить своей воле» (букв. «укатать катком» [*михир* – специальный круглый продолговатый камень для укатки крыш], *дал тIамизе* «морально растоптать» (букв. «МОЛОТЬБУ МОЛОТИТЬ»):

Дица щиб гъабилеб, гъерсилаб дунял

Техъезе жакъаги жан гIолеб гъечIо.

Чед бортараб таргъа – гъебго лъикI гурищ,

Гурун бусадагун чIарай дидаса.

Что же мне делать, этот лживый мир

Терпеть нет у меня сил сегодня.

Не лучше торба пустая без лепешки,

Чем я, бесцельно валяющаяся в постели.

(Т. Зургалова. «*Дир вацасул лъади*» – «Жена моего брата»)

Гъединал хIакимаз ханлъиги гъабун,

Россия рехана кIкIалал тIиналде.

Такие правители, облачившись властью (букв. «став ханами»),

Россию сбросили на дно ущелья.

(Ф. Алиева. Из четверостиший)

Гъерсил цIар борхун буго,

ЦIогаьалда тIад таж буго.

Ложь [сегодня] в почете (букв. «лжи имя поднялось»),
На воровство корону надели.

(Ф. Алиева. Из восьмистиший)

В последнем поэтическом дискурсе коннотативно-стилистический эффект создается сочетанием различных по коннотациям и оценочным признакам именных и глагольных компонентов: *гьереси* «ложь, обман» – *цIар борхизе* «поднять имя, авторитет»; *цIогь* «воровство» – *таж лъезе* «короновать; чествовать». Такие семантически и стилистически несовместимые компоненты создают злую иронию, насмешку, неодобрительность, осуждение.

ТIохазда чияр михир
Бачине течIел мугIрул
МагIаруллIи кIочараз
Чиназухъ ричун руго.

Покоренными быть
Не позволявшие горы,
Потерявшие честь горцев
За чины продавали.

Чилъигун тIадегIанлъи
ЦIунаразул напсазда
ТIад лал тIамизе кIварал
«БахIарзал» гIемерлъана.

На достоинство и высокую честь
Сохранивших поколениях
Молотьбу устраивающих
«Героев» стало много.

(М. Гаирбекова. «Гургинаб дунял буго дур музейлъун, Халил-Бег»)

Отдельные фразеологизированные выражения носят авторский характер, соответственно в такие структуры вложены индивидуально-авторские образные ассоциации, особенности авторского мировосприятия и индивидуально-авторские метафоры, которые сливаются с фразеологическими образами:

Чанги сордо борчIила
Рос вугей гъай къоролалъ.
«Къаси кивдай вуго», – ян
Керенги бухIулаго.

Сколько проведет ночей

«Вдова» при живом муже (букв. «вдова, имеющая мужа»).

Страдая и думая,

Где же сегодня он ночует.

(Ф. Алиева. «*Цо Голиласул рокъоб*» – «В доме одного юноши»)

Чи хадуб гьолареб сихИирлѝи Гадаб,

Гарада ракъалда батизе гьечІо.

Нет орудия на земле,

Похожего на непостижимую для человека хитрость.

(Ф. Алиева. Из четверостиший)

Зорав имам Шамилл

Сильного имама Шамиля

Наслуялъул яс Зайнаб,

Рода дочь Зайнаб,

Халил, дур рокъул къвалакъ

Халил, под крыльями твоей любви

Къоялги тІамун хвана.

Провела жизнь до смерти

(М. Гаирбекова. «*Гургинаб дунял буго дур музейлъун, Халил-Бег*»)

ХІасраталъ ахІуд вахъун,

По зову любви

Дагъистаналъе талихІ

Дагестану желая счастья,

Гъарулаго ана рухІ,

Ушла душа

Халил-Бегил чорхолъа.

Из тела Халил-Бега.

(М. Гаирбекова. «*Гургинаб дунял буго дур музейлъун, Халил-Бег*»)

ЛъугъинчІеб гьунар-махщел,

Плохие таланты

«Гъура» – ахІун бецана.

На «ура» хвалили.

Бадибе рецц гьабулезе

Лицемерной похвалой

Цере ине рес къуна.

Людей [по службе] продвигали.

(М. Гаирбекова. «*Гургинаб дунял буго дур музейлъун, Халил-Бег*»)

Как отмечалось выше, стилистический эффект использования фразеологических единиц, в том числе авторских фразеологизированных выражений, состоит в «столкновении» компонентов с положительной и отрицательной коннотацией, «поэтизацией» того, что не может быть поэтизировано в силу отсутствия в обозначаемом ценности: ср. *лъугьинчлеб гьунар-махщел* «плохой талант, отсутствующее мастерство»; *бадибе рецц* «лицемерная / лживая похвала» (букв. «похвала в глаза») и т.д.

Такие фразеологические средства выступают в качестве семантико-стилистической основы поэтических произведений, формирующих как положительные, так и негативные коннотации. Особую значимость в экспрессивно-оценочном аспекте приобретают несколько преобразованные авторами поэтических произведений и употребляемые в соответствующих контекстах фразеологические единицы. Экспрессивно-стилистическая окраска, национально-культурная и эмоционально-интеллектуальная интерпретация таких фразеологических образов не оставляет сомнений.

Для современной аварской женской поэзии во фразеологических единицах существенны как их экспрессивно-стилистическая окраска, так и наличие у них внутренних образов, создающих широкие возможности для их различного рода семантических обыгрываний в текстах стихотворений. Употребление фразеологизмов делает поэтическую речь близкой к народно-поэтической, языку аварского песенного устного народного творчества.

Такого типа фразеологические единицы, например, используются в поэзии Машидат Гаирбековой: *<лъидасаниги>канлъи бихъизе* «быть озаренным» (чьим-либо светом, аурой), *кIалухъ рахъине* «быть на устах (обсуждаемым всеми)», *рес къотIизе* «оказаться в безвыходной ситуации» (букв. «возможности закрыть»), *талихI къосизе* «быть несчастным» (букв. «счастью заблудиться»), *цIар тIобитIизе* «прославиться» (букв. «имя распространиться»), *къадру борхизе* «стать авторитетным, высоко оцененным» (букв. «авторитет/достоинство подняться»), *таж лъезе* «стать высоко почитаемым» (букв. «носить корону»), *гIодоб хIетIе хъвачIого*

«легко, быстро» (букв. «не касаясь ногами земли»), *яслъи цIунизе* «сохранить девичью честь», *ханлъи гьабизе* «царствовать» (о морально-нравственных ценностях) и др.

Использование таких стилистически окрашенных фразеологизмов, выражающих соответствующие коннотации, связано с коммуникативными намерениями автора поэтических произведений, посвященных воспеванию известных людей.

<i>Бичасдаса гьесие</i>	От Всевышнего
<i>Насиблъараб гьунараль</i>	Полученным талантом
<i>Гьенибги ракъоясул</i>	И здесь [=за границей]
<u><i>Царги тIобитIана.</i></u>	<u>Прославился</u> земляк.

<i>Рес къотIун хутIарал ниж</i>	Оказавшихся в <u>безвыходной ситуации</u> ,
<i>Рокъоре рачана гьес.</i>	Нас он пригласил домой.

<i>КъватIисел началихъаз</i>	Высоко оцененный
<i>Къадру борхизабурав,</i>	Иностранными государствами,
<i>Къадруялъул тажги лъун,</i>	С <u>коронай авторитета</u>
<i>Росулъе вуссун вуго.</i>	Ты вернулся домой.

<i>БитIахъе дунялалъул</i>	Весь свет Вселенной
<i>Канлъи дудаса буго.</i>	От тебя идет

(Из поэмы о художнике Халиле Мусаясул)

<i>Яслъи цIунизе лъарай</i>	Где <u>сохранившая девичью честь</u>
<i>Батули гIуралъуе,</i>	Батули выросла,
<i>Подоб хIетIе хъвачIого,</i>	Туда, не касаясь ногами земли,
<i>Хъетун ана тIадагъго.</i>	Поскакал [ты] легко.

(«Черкесиязул имам шайих МухIамад-Амин» – «Шейх Черкесии Мухамад-Амин»)

В большинстве случаев фразеологические единицы в современной аварской женской поэзии выполняют усилительные функции (особенно, если речь идет о морально-нравственных ценностях в современной общественной жизни и достоинстве людей).

Выводы по второй главе

1. Лексико-синтаксические и морфолого-синтаксические средства создания образности в текстах современной аварской женской поэзии в основном подчинены одной цели – актуализации коммуникативных намерений авторов поэтических произведений и формированию экспрессивно-оценочных значений.

2. К лексико-синтаксическим средствам создания художественной образности относятся гиперболы; лексические повторы, выполняющие усилительные функции; сравнительные конструкции как художественно-образительные и оценочные средства; ФЕ как экспрессивно-усилительные и образно-оценочные средства языка; эмотивные слова разных лексико-семантических групп в сочетании со словами различной коннотативной наполненности.

3. В целях гиперболизации используются сравнительные конструкции усилительно-уподобительного характера (особенно в поэмах Ф. Алиевой, актуализирующих тему исторических военных событий и подвигов), определительные распространители экспрессивно-оценочного характера, слова с количественной семантикой, ФЕ со значением интенсивности, формы единственного числа в значении усилительной множественности.

4. Образно-оценочные и усилительные функции выполняют повторы разных типов – лексические, лексико-морфологические и лексико-синтаксические. Повторы выражают субъективно-авторское отношение к изображаемому, усиливают эмоциональный фон поэтических дискурсов. Используются цепочки повторов одних и тех субстантивов; синонимических существительных, определяемых повторами оценочных синонимических

прилагательных; утвердительно-отрицательные повторы, используемые для актуализации утверждения морально-нравственных ценностей; местоименно-субстантивные повторы компаративного характера, а также адъективные повторы, являющиеся компонентами авторской языковой картины мира.

5. В сравнительных конструкциях используются слова разных ЛСГ, соотносительных с различными кодами культуры. При этом культурно-сематическую основу составляют ключевые символические слова, сопровождаемые образно-оценочными определительными компонентами. В сравнениях используются слова, обозначающие национально-культурные реалии; существительные, ставшие культурными знаками языка и формирующие у читателя образно-оценочные ассоциации. Встречаются случаи использования в сравнениях приема персонификации предметов окружающего мира, мотивов аварского фольклора и гендерных (фемининных) метафор.

6. Образно-оценочную функцию выполняют и ФЕ национально-культурного характера. Особую значимость приобретают ФЕ с компонентом *ракI* «сердце», выражающие внутренние чувства и переживания. Характерно использование в ФЕ символических цветообозначений, глаголов различных коннотаций, обозначающих состояния сердца. Важную семантико-стилистическую роль в составе ФЕ играют сочетания семантически и коннотативно несовместимых именных и глагольных лексем, что связано с выражением индивидуально-авторских образных ассоциаций.

ГЛАВА 3. МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ АВАРСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

3.1. Языковые средства актуализации проблемы «отцы и дети» в поэме Тубхат Зургаловой «*Инсул дарсал*»/«Уроки отца»

Аварская поэтесса Тубхат Зургалова в своих поэтических произведениях уделяет много внимания проблеме уважения к родителям, воспитания детей, сохранения лучших дагестанских традиций. Об этом свидетельствуют и названия её поэтических произведений «*Эбелалъухъ чIвараб чIегIераб дир кIаз*» «Черный платок» (поэма о матери), «*Инсулдарсал*» «Уроки отца», «*Эбелалъул васигат*» «Завещание матери», «*Инсул маргъа*» «Сказка отца» и т.д. В настоящем разделе использован в основном материал поэмы «*Инсул дарсал*» («Уроки отца»), имеющий как лингвистическую, так и лингвокультурологическую значимость.

Если образ матери в поэзии Т. Зургаловой актуализирован посредством изображения переживаний дочери, то образ отца вырисовывается в его уроках, наставлениях, обращенных к дочери. Соответственно в поэтических произведениях (стихотворениях и поэмах) используются языковые средства, отчасти имеющие гендерный характер.

Говоря о трудовом воспитании дочерей со стороны отца, Т. Зургалова использует лексико-синтаксические средства, актуализирующие отношение отца к поступкам подрастающей дочери, выражающие его оценку. В таких поэтических дискурсах используются слова типа *захIмат* «труд», *дарсал* «уроки» (отца), *гъимизе* «улыбаться» (выражает отношение), *куцазе* «научить», *гIеретI* «кувшин» (для воды), *балагъи* «строгий взгляд» (отца) и т.д.

Отец хвалит дочь за её работу, выражает свое отношение к тому, как она выполняет поручения матери. Такая заслуженная похвала в поэме

актуализируется как один из уроков жизни со стороны любимого отца, являющегося примером для подрастающей девочки:

*Дир ясалъул Гадаб ГеретIги гьечIо,
ГьелъулIан гьуинаб лъимги гьекъечIо.*

Нет такого кувшина, как у моей дочери,
Слаще воды, чем из такого кувшина, не пил.

*ГьитIинго гьурурал дур панкъаздаги
ГьоцIо жубан бугин, кIалъалаан гьев.*

В лепешках, испеченных тобой маленькой,
Мёд как будто замешан, – говорил также он.

Именно трудовое воспитание считает автор одним из основных для дочери, которая должна стать женой и матерью, и это согласуется с дагестанскими традициями и менталитетом. В связи с этим смысловая значимость стихов Тубхат Зургаловой, актуализирующих отношение к труду детей со стороны родителей, становится достаточно очевидной:

*Гьединан куцана дун захIматалде,
Дир инсул дарсазуль гьуинлъи букIун.*

Так меня приучили к труду,
Уроками отца со вкусом меда.

Сладость слов отца (=учителя) не в их «слащавости», а в добром, отцовском отношении, поэтому вполне естественно использование слов *гьоцIо* «мед», *чакар* «сахар», выражающих отношение, экспрессивную оценку:

*Баркала, дир эмен, инсуль – учитель,
Чакаргун жубараб дур тарбиялъухъ,
Ракъалда тIад дие цулияб къедлъун,
Мугъ чIвазе, гьеж цузе цадахъ чIаралъухъ.*

Спасибо, мой отец, отец-учитель,
За твое сладкое воспитание,

За то, что в жизни был крепкой стеной,
И стоял плечом к плечу ты рядом.

Сердечное отношение отца к дочери по традиции сочетается со строгим воспитанием: она не должна позорить семью, честь отца и братьев, в связи с чем в соответствующих поэтических дискурсах используются такие языковые средства, как *балагьи* «взгляд» [отца], *раглаби* «слова», *хлубал* «столбы-опоры» (в значении «моральная поддержка в жизни»):

*Дур балагьи глуна раглабздаса,
Нуж нижеда тIад зобги, хIатIазе ракъги
Зоб-ракъалда гьоркъор чIварал хлубалги.*

Твой взгляд был строже, чем слова [твои],
Вы [отцы] – и небо над нами, и земля под ногами,
И столбы-опоры между небом и землею.

В данном дискурсе в трансформированном виде использована фразеологическая единица *рукъальул хлуби* «столб дома» (=«опора в жизни», «моральная поддержка, защита»), что делает текст экспрессивно-эмоциональным и образным. Использование образа неба связано с образно-оценочной актуализацией защиты детей со стороны отцов.

Интересна языковая интерпретация наставлений матери, обращенных к дочери, чтобы дочь, став матерью, то же сказала бы своей дочери:

*Ясалда абейин, инсул рукъ тедал,
БитIун цебе гуреб, гали льогейин.
Инсул божалида тIад хIетIе чIчIани,
ХIанчIил гIадин тIолин гьелъул бетIерин.*

Скажи дочери, чтобы, оставив дом отца [выйдя замуж],
Она шла бы только вперед.
Если наступит ногой на доверие отца,
Как птичке, ей голову оторвут.

Мать учит уважать отца, ценить его отношение и не делать того, за что было бы отцу стыдно за свою дочь:

Дир эбелаль дие...

Хазина гIадинан, кьуна лъикIаб дарс:

Кваранаб рахъалда эмен вукIайин,

КвегIаб рахъалдаса вацал рихъайин.

Моя мать мне...

Подобный сокровищу дала хороший урок:

Пусть справа [от тебя] будет отец,

А слева родные братья пусть будут.

Говоря о матери, Тубхат Зургалова рисует эпизоды переживаний матери за своих детей. Мать трудится в поле, и на краю поля молится за детей, просит Всевышнего защитить их от бед. В связи с этим в таких поэтических дискурсах используются слова и словосочетания типа *зодой ялагъана* «посмотрела в небо» (обращаясь ко Всевышнему), *гурхIа* «пожалей», «пощади», *цIуне* «защити», *эбелальул дугIа* «молитва матери», *Аллагъ* «Аллах», *БетIергъан* «Хозяин» (=Всевышний, Хозяин всего в жизни, кому все подвластно):

БецIдерил зодое ялагъана гъай:

«Гъанив чIолев чини гъечIоха, Аллагъ,

Анлъабго тIинчIалда гурхIа, БетIергъан».

В бацадинское небо посмотрела она:

«Никто не вечен в этом мире,

[Но] пощади всех шестерых детей, Всевышний».

Эбелальул дугIа къабул гъабурав

Аллагъасде дунги гъардолей йиго,

ГурхIа дир кIиябго хIенехIалдайин.

К принявшему молитву матери

Аллагъу обращаясь, я тоже прошу

Защитить моих двух детей.

Получившая от матери уроки воспитания, дочь продолжает семейные традиции, передаваемые из поколения в поколение и являющиеся надежной основой семьи, семейного благополучия. Ключевыми языковыми средствами актуализации таких идей являются слова *дарсал* «уроки», *эбел-эмен* «родители» (букв. «мать-отец»), *лымал* «дети» (метафорически называются *цIадул хIенехIал* «пламени огня»), *хазина* «сокровище» (=уроки жизни), *дугIа* «молитва» и т.д. В ряде поэтических дискурсов используется национально-культурная языковая символика, отличающаяся национально-культурными коннотациями.

3.2. Морфолого-синтаксические средства создания экспрессивно-оценочных значений в современной аварской женской поэзии

В ряде стихотворений, посвященных детям и теме любви, одним из ключевых смысловых компонентов становятся разные формы просьбы – к любимому человеку, к Всевышнему, к детям, к природе и т.д. Естественно в таких стихотворениях и поэмах используется императивная форма выражения просьбы. Адресат при этом выражается местоименными компонентами и обращениями:

<i>Аллагь, гьарула цIуне</i>	Аллагь, прошу <u>береги</u> ,
<i>Гьал тIанчи дир кьоязе.</i>	Этих птенцов [=детей] в моей жизни.

(Т. Зургалова. «Ясазе» – «Дочерям»)

<i>БетIергьан! Милгьиргицин</i>	Всевышний! Даже ногтя
<i>Гьезул бортизе <u>тоге!</u></i>	Упасть им <u>не дай!</u>

(Т. Зургалова. «Ясазе» – «Дочерям»)

<i>Ясги дунги цIуне-йин,</i>	Береги меня и дочь,
<i>Рорхулел кверал руго.</i>	Руки [в молитве] поднимаю.

(Т. Зургалова. «Дир яс» – «Моя дочь»)

Употребление местоименных смысловых компонентов *дир* «мой», *дун* «я» способствует усилению личного начала, субъективности выражаемого. Эмоциональный компонент дискурса поддерживается употреблением двух императивов *гьарула* «прошу» и *цIуне* «береги, защиты».

Гьарула, дир хириял, Прошу, мои дорогие,
Херльарав эмен цIуне. Постаревших отцовберегите
(Т. Зургалова. «Эбелалъул васигат»)

Хириял, цоги гьари, – Дорогие, еще одна просьба –
Росу кIочене тоге. Не забывают село родное.
(Т. Зургалова. «Эбелалъул васигат»)

Употребление глагола *цIунизе* «беречь», обозначающего цель просьбы, обращенной к Всевышнему (такое обращение может быть имплицитным, адресно не обозначенным), достаточно характерно для народного песенного творчества (например, для народных колыбельных песен).

Дир кIиябго бакъалъул Я сияю от света
Нуралъ къалъун йиго дун. Моих двух солнц [дочерей]
Дие гьеб канлъи свине Если я перестану светиться
Сордо гуреб бачIунге. То пусть будет это только ночью.
(Т. Зургалова «Ясазе» – «Дочерям»)

Следует обратить внимание на еще одну морфологическую особенность стихотворений, посвященных детям, известным людям и теме любви, в которых в современной аварской женской поэзии употребляются так называемые глагольные формы со значением пожелания (обычно такие формы, выражающие благопожелания, употребляются в жанре тостов и молитвах, обращенных к Всевышнему). Такие формы глаголов, образованные присоединением к форме повелительного наклонения

форманта =*ги*, создают эмоциональный фон, и в силу форм пожеланий они выражают национально-культурные положительные коннотации:

Мун хекко гегу, бабал, Пусть ты вырастешь моя,
Дуда дур наслу лъазе. Чтоб ты знала, из какого ты рода.

(Т. Зургалова. «Дир яс» – «Моя дочь»)

Ши дандельараб хъизан Вновь образованная семья
Хвезеган цадахъ тайги, Пусть до смерти вместе живет,
Гъимидул гуронани, И кроме как от смеха,
Гподиги раггугеги. Плакать пусть не придется.

(М. Абдулазизова. «Чахъаги магIарулал» – «Да здравствуют аварцы»)

Гьудулгъи камилав, лъикIгъи гъарзаяв,
Руслан, дуй щибаб къо къалъараб щваги,

В дружбе ты предан, на добро ты щедр,
Руслан, пусть каждый день у тебя будет светлым,

(Т. Зургалова «Русланил цIар...» – «Имя Руслана...»)

В зависимости от тематики стихотворений и коммуникативных намерений поэта глагольные формы на *-ги* могут носить характер и злопожеланий:

Рихаги дуге дун, дий баккичIеб бакъ,
Мунгун къечIеб дунял дие гIадинан.
Гподаги дур рекIель дир щибаб гъими,
Мун унеб лахIзаталь дир дунял гIадин.

Пусть я буду тебе ненавистна, не для меня светившее солнце,
Как и мир этот мне ненавистен без тебя.

Пусть в сердце твоём заплачет каждая моя улыбка,
Как мой мир плакал, когда уходил ты.

(Т. Зургалова «Рихаги дуге дун» – «Пусть я буду тебе ненавистна»)

Характеризуемые глагольные формы могут быть обращенными не только к конкретному лицу или Всевышнему, но и к животному миру и природе, которые автором поэтического произведения как бы персонифицируются, вступая с ними в «беседу»:

Роол гIурччинлъуда гIурччинал гарцIал,

Даим халалъаги нужее риш!

Дунги нужсер шагIур чIаго хутIаги.

Зеленые кузнечики на зеленой природе,

Пусть долгим будет для вас лето!

И я вас воспевающая пусть в здравии (букв. «живой») буду.

(Ф. Алиева. «Даим халалъаги нужее риш!»)

Такое восприятие окружающей природы глазами поэта, в ее образно-ассоциативной интерпретации – характерное свойство поэзии Фазу Алиевой.

В современной аварской женской поэзии, наряду с лексико-фразеологическими средствами языка, морфолого-синтаксические средства играют важную роль в формировании фонда экспрессивно-оценочных значений. Такие средства могут носить как типологически общий для разных языков, так и национально-специфический характер на денотативном и коннотативном уровнях.

Анализ таких средств в нашем диссертационном материале позволяет отметить следующее.

В поэзии Т. Зургаловой представляют интерес некоторые синтаксические особенности. Так, например, здесь используются экспрессивно-оценочные синтаксические структуры со словом *куц*, напоминающем по своей функционально-стилистической нагрузке употребление в русском языке эмоционально-оценочного слова *как*:

Эбел! Мун аралдаса

Дун гьитIинлъун арай куц!

Мама! С того времени, как ты ушла,

Как же я стала маленькой [=жалкой]!

(Т. Зургалова «Эбелалъул васигатал» – «Завещание матери»)

Дур гали тIадагъльидал,

Дур яц йоххулеб куцха!

Шаги твои когда легки [когда не болеешь],

Как же радуется твоя сестра!

Такие же структуры экспрессивно-оценочного характера используются в поэзии Ф. Алиевой и М. Абдулазизовой. Дополнительными средствами выражения эмоциональности могут выступать междометные компоненты и слова с образно-переносными значениями:

Огъ, дун йортараб куц, данде йортана,

Къурдухъ хIасралъиялъ хIатIал рортана.

Ох, как я обрадовалась, навстречу побежала,

От страстного желания танцевать ноги побежали.

(Ф. Алиева. «Дун хисун йиго» – «Я изменилась»)

ГIадамал хирияй, халкъго разияй,

Мун рекIелъе жаний йортун унеб куц.

Любимая людьми, народ которой доволен,

Как ты в сердце мое впадаешь.

(М. Абдулазизова «РакI лъикIай гьудул» – «Подруга с добрым сердцем»)

Вай, дуе хирияб гъаб тIабигIаталъ

ТIолабго берцинлъи рагьун бугеб куц!

Ах, любимая тобой природа эта,

Как открыла всю красоту свою!

(Ф. Алиева. «Мун вукъулеб къоялъ» – «В день твоих похорон»)

Достаточно продуктивно в современной аварской женской поэзии используются экспрессивные вопросительно-утвердительные предложения, имеющие характер риторического вопроса:

*Ца бахъараб унти, эбелаль гIадин,
Лъимер кьижизельун, лъица бахчараб?*

Болезнь нестерпимую, как мать,
Кто скрывал, чтобы заснул ребенок?

(Т. Зургалова. «Эбелальхъ чвараб *чIегIераб дир кIаз*» – «Черный платок»)

*Чара гьечIеб чорхой нагIанаги кьун,
Макьу лъимадуе лъица гьарараб?*

Проклиная здоровье свое плохое,
Кто для детей просил сна-покоя?

(Т. Зургалова. «Эбелальхъ чвараб *чIегIераб дир кIаз*» – «Черный платок»).

*ТIадчагIаз гьулбасун наслу хвезаби,
Заманалда цебе такъсир кколариц?*

То, что верхи обещаниями «кормят» поколения,
Не это ли преступление перед временем.

(Т. Зургалова. «*Дица щиб малъльилеб дир лъималазда*»? – «Чему я научу своих детей?»)

*Дунги МахIмудида берцин йихъани,
ТалихIалъул тIогъиб дун йикIинариц?*

Если я понравлюсь Махмуду,
На вершине счастья не буду ли я?

(Т. Зургалова. «*Берцинал ясазул конкурс бихъидал*» – «Увидев конкурс красавиц»)

Как экспрессивная форма выражения утвердительного ответа в вопросительном предложении употребляется вопросительная форма *гурищ* (от *гуро* «нет, не является») в значении «не так ли», «не...ли»:

Эбел, дур надалда расарал лъалкIал

Дир микъго лъимадул нухалцин гурищ?

Мама, следы на твоём лбу, оставленные жизнью,

Не дороги ли восьмерых детей твоих?

(Т. Зургалова. «Эбел» – «Мама»)

Эбел, дур гъалазуль гъел хъахIал расал,

Нижер гъалатIазул нугIалцин гурищ?

Мама, в твоих волосах эти седые нити,

Не свидетели ли наших ошибок?

(Т. Зургалова. «Эбел» – «Мама»)

Об этой форме вопросительной частицы *гурищ* в автореферате кандидатской диссертации Л.И. Ибрагимова отмечает: «В аварском языке для отнесения вопроса к субъектно-объектным компонентам постпозитивно в роли частицы используется также вопросительное слово *гурищ* «нет ли/не...ли»? Для актуализации вопроса при этом может быть присоединена выделительная частица *-цин*. В русском языке таким предложениям соответствуют конструкции, в которых значение вопросительности выражается вопросительной частицей «не...ли»: *Гъеб чанахъабазул сихIруцингурищ?* (Р.ХІ.) «Это не хитрость ли охотников? [Ибрагимова, 2016: 11].

Модальное значение «не...ли» в поэтическом тексте может быть выражено и словами разных частей речи, к которым присоединятся формант *-дай*. Экспрессивная вопросительная конструкция, актуализирующая утверждение, как бы приглашает читателя согласиться с утверждением, они часто используются в поэме Машидат Гаирбековой «*Дагъистаниязул Вас*» – «Сын Дагестана»:

Щоб гьечІеб хІалтІиялъдай Не беспощадная работа ли,
Соназе ахир лъураб? Жизни (букв. «годам») положила конец?

Гперекъ лъугъун къвакІараб В отвердевшей, как камень,
Ургъел бахчараб каранлъ Заботы впитавшей груди,
Лъурал ругънал ригъундай Не раны ли открывшиеся
Хвалиде гІагарлъарав? Приблизили к смерти [тебя]?

Частица **-дай?**, отмечает Л.И. Ибрагимова, присоединяется не только к различным компонентам вопросительного предложения, но и к вопросительным местоименным словам, что приводит к осложнению вопроса дополнительными модально-семантическими оттенками: *Дидаса нашманаб щибго бугодай?* (Р.ХІ.) «Печальнее меня что-либо есть-интересно?» [Ибрагимова, 2016]

В ряде таких примеров утвердительная семантика вопросительных по форме предложений осложняется модальным значением долженствования:

Дагъистан дандельараб Где весь Дагестан собрался,
КІудияб магІурокъоб В доме, оплакивая тебя,
Мадиру гъабун къолеб Почему же по очереди [как бывало в старину]
МагІу щай рагІулареб? Не исполняют плачи?

(М. Гаирбекова. «*Дагъистаниязул Вас*» – «Сын Дагестана»)

Нартав цеве лъун вугин, Нарт [тело покойного]лежит перед нами,
Гъал нуж щай гІодуларел? Что же вы не плачете?

(М. Гаирбекова. «*Дагъистаниязул Вас*» – «Сын Дагестана»)

Такой же экспрессивно-оценочный характер носят и вопросительно-отрицательные предложения, выражающие соответствующие коннотации, связанные с ностальгией по матери в поэме Тубхат Зургаловой:

Бакиладай, эбел, тІокІаб дица цІа,
Щорораб дур хобгІан рукъ квачаниги?

Зажгу ли еще, мама, [в очаге] я огонь,

Если даже дом станет холодным, как твоя могила?

(Т. Зургалова. «Глазу балеб буго» – «Падает снег»)

Лъимадул кIалдибе чвахун унеб рахь,

Чвахи щиб букIинеб гьелдаса тIокIаб?

Гьесул понцIораб квер каранда лъураб

ЛъикIлъи батулебдай, гьебгIан берцинаб?

Молоко, струящееся в уста младенца,

Что может быть лучше, чем это?

Его пухлая рука, на груди лежащая,

Может ли быть что-либо красивее на свете?.

(Ф. Алиева. «Дица рецц гьабулеб буго улбузе» – «Я родителям похвалу посвящаю»)

В ряде таких примеров значение отрицания осложняется семантикой недолженствования, что приводит к формированию многослойной модальной базы рассматриваемых экспрессивно-оценочных синтаксических конструкций. В отдельных случаях семантика отрицания с оттенком недолженствования находит причинную мотивацию:

Щай гьаб матIуялда дир ццим бахъулеб,

Дирго гьумеральул гIунгутIаби тун.

Почему я злюсь на это зеркало,

Не видя на лице свои изъяны?

(Ф. Алиева. «Дун хисун йиго» – «Я изменилась»)

Бакъ моцIалде чIвалеп гIайиб щибизе,

Херлъун йигин абун мукIурлъичIого?

Зачем винить солнце и луну,

Не покоровшись старости своей?

(Ф. Алиева. «Дун хисун йиго» – «Я изменилась»)

Встречаются нерегулярные совмещения в одном поэтическом дискурсе вопросительно-утвердительных и вопросительно-отрицательных предложений, носящих экспрессивно-эмоциональный характер. Такие предложения чаще используются в любовной лирике и носят характер упрека, обращенного любимому человеку:

*Къвараб кин йигей дун гъечИлан тезе,
ТечЛебищха дица дур пикрабалъ лъалкI?*

Как смог оставить меня, будто меня нет,
Разве не оставила я в твоих мыслях след?

(Т. Зургалова. «Щай дур хабар гъечЛеб»? – «Почему ты молчишь»?)

Экспрессивность может быть усилена и актуализирована использованием ряда повторяющихся вопросов:

*Керен гIекколареб магIу щибизе,
МагIна гъечИонани, хабар щибизе,
Гадамал рекъечIеб гIамал щибизе?!*

Зачем плач, от которого сердце не болит,
Зачем разговор, у которого нет смысла,
Зачем характер, который не по душе людям?

(М. Абдулазизова «Щибизе»?! – «Зачем»?!)

Особо продуктивно такие вопросительно-отрицательные предложения используются в поэме М. Гаирбековой «Дагъистаниязул Вас» – «Сын Дагестана», построенной в жанре плачей, в которых, как известно, подобные вопросительные конструкции, обращенные к ушедшему из жизни человеку, в экспрессивной форме выражают смысл «так не должно было быть»:

*РакIал гIодулеб мажлис
Щай рагъизе хехлъарав?!
Почему поторопился [уйти из жизни]
И собрать людей, у которых сердце плачет?*

<i>Дуй кымат кьелеб, дир вац.</i>	Тебя оценят, мой брат,
<i>Руччабаз вас гьавидал,</i>	Когда женщины родят сыновей,
<i>Мун гИадинал гЕчЮни,</i>	Если не вырастут такими, как ты,
<i>Щай нильей васал жакья?</i>	<u>Зачем</u> нам сыновья сегодня?

<i>Пагьмуял кочЮохъаби,</i>	Талантливые поэты,
<i>Нуж щай нахъегИан къарал?</i>	<u>Почему</u> же вы молчите?

<i>Дардал гЕмер бакГьундай</i>	Может, от множества забот,
<i>ГТумру тун, гЕдегIарав?</i>	Из жизни уйти поторопился?

Иногда использование таких синтаксических структур приводит к выражению в экспрессивно-оценочной форме иронии, которая может быть усилена переносно-символическим (метафорическим) использованием слов, соотносительных с зоонимическим или растительным кодом культуры и характеризующих достойных и недостойных людей (или же выражающих внутренний упрек всему недостойному):

*Цум, мун гьедуялде щайха сверарав,
Зодиве вахунеб нухищ кЮочараб?*

Орел, что же ты превратился в ворону,
Забыл, как подниматься в небеса?

(Ф. Алиева. «Мун, вукIинчIеб гIадин, кЮочонги тана» – «Забыла тебя, будто и не было»)

<i>Гьал хIеренал килщазе</i>	Этим нежным пальцам
<i>Заз щайха хиральараб?</i>	Почему ты стал дорогим?
<i>Щай мун кьилбалъун ккарав?</i>	Почему ты стал молитвой?

(Т. Зургалова. «Рихун вуго мун» – «Ненавистным стал ты»)

В поэмах М. Гаирбековой, в которых восхваляются известные люди республики (*Абдурахман Даниялов* – первый секретарь Обкома партии Дагестана, *Халил-бег Мусаясул* – всемирно известный художник, живший за

границей, *МухАмад-Амин* – известный религиозный деятель своего времени, имам Черкесии) вместо форм изъявительного наклонения глагола используются причастные формы, выражающие в соответствующих поэтических дискурсах экспрессивно-оценочные коннотации. Такие причастные формы обычно используются в аварских народных героико-исторических песнях, имеющих патриотический характер:

Бихьинчилъи рекъараб настоящего мужчины
Нухмалъи букАарабдур! Руководство осуществлял ты!
 («Дагъистаниязул вас» – «Сын Дагестана»)

Руччабаз вас гъавидал, Женщины, родившие сыновей,
Мун гАдинав лъугъине Чтобы они на тебя похожими стали,
Дур цАар ахИлеб дир вац! Твоим именем их назовут, мой брат!
 («Дагъистаниязул вас» – «Сын Дагестана»)

Хвел гъечезуль цАарги хъван, Бессмертным имя станет твое,
Чаго вукИнев, дир вац! И будешь среди живых, брат мой!
 («Дагъистаниязул вас» – «Сын Дагестана»)

Редко используются такие формы в стихотворениях Т. Зургаловой. В основном это стихотворения, посвященные дочерям и имеющие некоторый пожелательный характер, присущий аварским народным колыбельным песням (ср. *милъиришо шурилалде чЛухЛун хурие уней* [вместо *ина*]) «пока ласточка проснется, в поле отправишься»; *кЛутЛун наххъе юссуней* «и быстро обратно вернешься»!) или же это стихи о любви, светлых чувствах:

Дир кИияйго ясалъул Моих двух дочерей
Квералги ккун унейдун! За руки держа, пойду я!
 («Дир ясазе» – «Моим дочерям»)

Аммаха, Хиралъарав, Но ставший Дорогим,
КватЛун дуде юссарай! Поздно к тебе повернулась!

(«Дир дугла» – «Моя молитва»)

В поэме М. Гаирбековой «Дагъистаниязул Вас» – «Сын Дагестана» вместо узуальных отрицательных форм глагола с отрицательной частицей -чио (ср. *гъабичио* «не сделал», *хъвачио* «не написал», *хлинкъичио* «не испугался») используются стилистически окрашенные формы, в которых к отрицательной частице -чио присоединяется формант -ин (такие глагольные формы носят обычно книжный характер и усиливают категоричность утверждаемого):

<i>Халкъалда машурлъизе</i>	Чтоб народ почитал,
<i>Царуега хъвадичин!</i>	Для славы [собственной] <u>не работал!</u>
<i>ЧухIараб рагIи бицун,</i>	Высокомерными словами [возгордившись]
<i>Лъидехунго кIальачин!</i>	Ни с кем <u>не разговаривал!</u>

<i>КIолареб жо гъабилин</i>	Сделать то, что невозможно,
<i>Гъодораб рагIи къечин!</i>	Пустых слов [обещаний] <u>не давал.</u>

Такие же формы глагола используются и в стихотворениях и поэмах Тубхат Зургаловой, посвященных памяти родной матери, и в стихотворениях Фазу Алиевой, в которых эмоционально актуализируются положительные качества человека (такие формы характерны для текстов аварских баллад):

<i>КигIан кIудияб мунагъ</i>	Какие бы большие грехи
<i>Лъимераль гъабуниги,</i>	Дети ни совершали,
<i>Эбел тIассальгъунин!</i>	Мать им [грехи] <u>прощает!</u>

(Т. Зургалова «Эбелалъул васигат» – «Завещание матери»)

<i>Гъес намус бичуларин,</i>	Он чести <u>не продает,</u>
<i>Чилъи хIатIикъ лъоларин.</i>	Достоинство под ноги не ставит.

(Ф. Алиева. «Сахаватлъи» – «Достоинство»)

*Хурхунгега, эбел, гъедин хIайранго,
ХIельун биунунин дир ракI тIубанго.*

Не обнимай меня, мама, так нежно,
Словно воск, плавится мое сердце.

(Т. Зургалова. «Мун йокьула» – «Люблю тебя»)

Непродуктивно используется прием двойного отрицания, усиливающий категоричность утверждения:

Реклей, гьудул, дур гьаракь

Рагличлого гюларо.

Сердце, друг, твой голос

Должно услышать.

(Т. Зургалова. «Хирияв, кIалъай дихъе» – «Дорогой, позвони мне»)

В аварском языке при помощи суффикса *-лъи* могут быть образованы отадъективные существительные, обозначающие опредмеченный признак. Такие формы, как правило, образуются от кратких форм прилагательных и в экспрессивных синтаксических конструкциях в зависимости от содержания поэтического текста и коммуникативного намерения автора выражают положительные или, напротив, негативные коннотации, актуализируя степень обозначаемого: ср. *огь, дой ясалъул берцинлъи* «ох, как красива та девушка», *огь, досул учузлъи* «ох, какой он дешевый» (о человеке).

Такого типа синтаксические конструкции аварского языка, используемые в ряде анализируемых нами поэтических произведений, на коннотативном уровне соотносятся с русскими предложениями, в которых отношения эмоционального восприятия и внутренние переживания выражаются при помощи междометий типа *ах, ох* в сочетании со словом *как*, обозначающем степень признака:

Дир ясалъул берцинлъи, Ох, как красива моя дочь,

Дир ясалъул гъайбатлъи! Как она прекрасна!

(Т. Зургалова. «Дир яс» – «Моя дочь»)

Огь, гьаб тIабитIатальул

Ох, у этой природы

Бугебщинаб гIаламат!

Сколько всего чудес!

Такие синтаксические конструкции, используемые в современной аварской поэзии, могут стать предметом специального исследования, так как представляют интерес и в лингвокультурологическом аспекте.

Выводы по третьей главе

1. Тубхат Зургалова в своих поэмах уделяет большое внимание проблемам уважения к родителям и воспитания детей в лучших дагестанских традициях, что отражается и в самих названиях поэтических произведений. При создании образа матери употребляются морфолого-синтаксические средства выражения переживаний дочери, а образ отца рисуется в его уроках, наставлениях, обращенных к дочери. Соответственно языковые средства, актуализирующие проблему трудового воспитания девочек, которые должны стать женой и матерью, имеют гендерный характер.

В связи с этим в поэзии Т. Зургаловой используются морфолого-синтаксические структуры, актуализирующие честь и достоинство дочери в глазах родителей, в том числе употребляются авторски трансформированные ФЕ эмоционально-оценочного характера.

2. Морфолого-синтаксические средства формируют фонд эмоционально-оценочных значений языковых структур. Характерно использование эмоциональных императивных форм со значением просьбы, мольбы к Всевышнему, любимому человеку, детям, природе, что способствует усилению субъективно-модальных значений. В таких дискурсах используются мотивы аварского фольклора (например, колыбельных песен-«оберегов»), в связи с чем нередко используются формы глагола *цIунизе* «оберегать (детей, любовь, жизнь), заботиться». Имеют место случаи употребления особых форм глаголов со значением пожелания,

характерных для аварских благопожеланий и молитвенных текстов. Использование таких форм является в основном спецификой аварской женской поэзии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный в диссертационной работе анализ языковых средств создания художественной образности в текстах современной аварской женской поэзии позволяет обобщенно отметить следующее.

1. Использование лексико-семантических, лексико-синтаксических и морфолого-синтаксических средств создания художественной образности зависит от тематики поэтических произведений и подчинено одной общей цели – выражению авторских коммуникативных намерений и формированию образно-ассоциативной и экспрессивно-оценочной основы поэтических произведений.

Из лексико-семантических средств создания художественной образности продуктивно используются эпитеты-прилагательные, узуальные и контекстуальные антонимические противопоставления, индивидуально-авторские и национально-культурные метафоры, средства персонификации объектов окружающего мира и отвлеченных понятий. Эпитеты-прилагательные различной коннотативной наполненности, сочетающиеся со словами разных семантических групп, выполняют различные семантико-стилистические функции: актуализируют внутренние эмоциональные состояния, отношение к близким людям (матери, любимому человеку, детям, общественно значимым и достойным в морально-нравственном отношении людям). В лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах особый интерес представляют эпитеты-прилагательные, семантически несовместимые с определяемыми субстантивами, выполняющие усилительные образно-оценочные функции и персонифицирующие явления окружающей действительности. Особенно продуктивно такие прилагательные используются в поэтических произведениях Т. Зургаловой и Ф. Алиевой, посвященных матери. Часть эпитетов-прилагательных актуализирует концепт «Любовь» и связанные с ней чувства: переживания, разлуки, страдания, чистоту любви и горечь измены. Другая группа образно-

оценочных прилагательных используется для характеристики современного времени, нравственности и морали, чести и достоинства людей. Особое место в исследуемой поэзии занимают символические цветковые прилагательные, актуализирующие *белое* (положительное) и *черное* (отрицательное) в жизни. Черный цвет символизирует скорбь, тяжелые переживания, потерю близкого человека. Характерно использование в переносных значениях параметрических прилагательных со значением превосходной степени в эмоционально-усилительных функциях. Такое необычное использование эпитетов-прилагательных приводит к расширению их валентности в новых синтаксических условиях.

2. Способы включения эпитетов-прилагательных в поэтические дискурсы разнообразны: препозиция и контактная постпозиция (определяется задачами актуального членения синтаксических структур), цепочечное употребление семантически разных и повторяющихся эпитетов, дистантное употребление образно-оценочных прилагательных (представлено единичными случаями), попарное употребление эпитетов, характеризующих один или разные предметы и лица, а также их включение в состав сравнительных конструкций, что особенно характерно для Ф. Алиевой.

3. Важные семантико-стилистические функции выполняют узуальные и контекстуальные антонимические противопоставления, являющиеся средствами выражения авторского отношения к окружающему миру, интерпретируемому в соответствии с языковой личностью автора и его коммуникативными стратегиями. Один из компонентов лексико-семантической антонимической оппозиции может быть употреблен в переносном значении, что приводит к формированию лексико-синтаксической экспрессивности и образности. Оценочное противопоставление качеств недостойных мужчин и достойных женщин с использованием соответствующей маскулинной и фемининной символики приобретает гендерно детерминированный характер. Характерно философское осмысление антонимических противопоставлений добра и зла,

любви и измены, жизни и смерти, времени и морально-нравственных ценностей. В таких случаях используются зооморфные и природные коды культуры, олицетворяющие достойных и недостойных людей, чести и бесчестия, достоинства и его отсутствия. В усилительной функции при этом используются сочетания семантически несовместимых слов.

4. В текстах аварской женской поэзии концептуальное содержание метафоры получает эмоционально-интеллектуальное осмысление и приобретает национально-культурный характер. Метафоры строятся по разным моделям в зависимости от коммуникативных стратегий авторов, среди которых наиболее употребительными являются количественно-усилительные и образно-оценочные номинативные (идентифицирующие) метафоры (И.п. + И.п.) и генитивные метафоры, нередко сливающиеся с его сравнениями. Субстантивные идентифицирующие метафоры, эмоциональное содержание которых усиливается употреблением вспомогательного глагола с утвердительным значением (ср. *мун дир шигIру й-уго* «ты моя песня») нередко имеют гендерный характер.

Глагольные метафоры обозначают эмоциональные состояния и часто сливаются со сравнениями. Продуктивно в метафорической функции используются прилагательные, образованные от названий драгоценных металлов. В печально-эмоциональных поэтических произведениях, напоминающих плачи, глагольные адъективные метафоры причинно обосновываются. Гендерный характер метафор зависит от тематики произведений и коммуникативно-коннотативных стратегий автора. При этом в метафорах, соотносительных с природным, растительным и зооморфным кодами культуры, используются компоненты, ставшие символическими культурными знаками языка. В ряде случаев имеет место намеренное «сталкивание» номинативной и генитивной метафор: актуализация содержания одной из этих метафор приводит к деактуализации другой.

5. Достаточно часто в текстах современной аварской женской поэзии (особенно во внутренних диалогах) используется прием персонификации

объектов неживой природы и отвлеченных понятий, для чего используются глаголы со значениями речи и эмоциональных состояний человека. Прием персонификации используется при актуализации на денотативном и коннотативном уровнях концептуально важных понятий «время», «судьба», «жизнь и смерть», «любовь» и т.д. Использование метафор и обращений при персонификации приводит к эмоциональному усилению значения адресатности и способствует формированию единого образно-ассоциативного поля.

б. Большую роль в создании художественной образности играют лексико-синтаксические средства, представленные в поэтических текстах гиперболами, лексическими и лексико-синтаксическими повторами в усилительной функции, художественно-изобразительные средства создания оценочной компаративности, национально-культурные и индивидуально-авторские фразеологизированные выражения, сочетания слов различной коннотативно-оценочной наполненности, создающие стилистический эффект «столкновения» положительных и отрицательных коннотаций. Стратегическая образно-оценочная направленность этих средств определяется как коммуникативными намерениями автора, так и задачами актуального членения экспрессивно-оценочных синтаксических конструкций.

Использование приема гиперболизации связано в основном с задачами выражения сильных эмоций, переживаний, оценки достойных и любимых людей в превосходной степени, для чего в поэтических произведениях в ряде случаев используются мотивы аварских народных песен и баллад. Для гиперболизации используются сравнительные конструкции усилительно-идентифицирующего характера (например, в поэмах Фазу Алиевой на героико-исторические темы), образно-оценочные определительные распространители экспрессивного характера; преувеличение достигается и употреблением в соответствующих дискурсах слов разных частей речи с количественной семантикой. Используется и известный прием экспрессивно-

оценочного употребления форм единственного числа в значении усилительной множественности (особенно в поэмах).

7. В основном образно-усилительные функции выполняют лексические, лексико-морфологические и лексико-синтаксические повторы, что, на наш взгляд, является особенностью аварской женской поэзии, в ряде случаев заимствованной из аварских баллад и героических народных песен. Формы включения повторов в поэтические тексты различны. Часто используются цепочки повторов слов одной части речи (в основном существительных и глаголов), сочетания синонимических существительных и прилагательных в образно-оценочной роли; утвердительно-отрицательные повторы имеют целью актуализацию положительного (например, традиционных морально-нравственных ценностей) путем деактуализации (отрицания) негативного, недостойного для человека. Субстантивные повторы с семантикой компаративности и адъективные повторы формируют фрагменты индивидуальной авторской картины мира и свидетельствуют об особенностях поэтического идиостиля того или иного автора.

8. Достаточно продуктивно используются компаративные структуры. Продуктивность их употребления обусловлена тематикой произведений и коммуникативно-оценочными стратегиями авторов поэтических произведений. Важными составляющими компаративных конструкций являются различные коды культуры, формируемые употреблением слов различных семантических групп, являющихся гендерно детерминированными культурными знаками языка, определяемыми образно-оценочными адъективными компонентами в качестве распространителей наименований объектов сравнения. Национально-культурный характер сравнений создается употреблением слов, обозначающих национально-культурные реалии, а также слов, ставших культурными знаками аварского языка в силу их исторической ментальной интерпретации. Можно называть заимствованным из аварского фольклора и использование в компаративных структурах приема персонификации и метафор, имеющих гендерный

(фемининный) характер. Такое сочетание различных средств создания образности приводит к формированию элементов гиперболизации, «чрезмерного эмоционально-оценочного восхваления», что свойственно в основном женской поэзии. В этой же функции используются и фразеологические единицы (ФЕ), соотносительные с соматическим кодом культуры. В образно-оценочном отношении особый интерес представляют ФЕ с компонентом *раkl* «сердце», являющиеся средствами эмоционально-интеллектуального осмысления и образной оценки лиц, предметов и явлений. Важную символическую роль в составе ФЕ играют концептуально важные цветообозначения; например, *хъахIаб* «белый» (символизирует положительное, добро, радость) и *чIегIераб* «черный» (символизирует отрицательное, зло, печаль, глубокие переживания). В усилительно-образной функции используются и индивидуально-авторские фразеологизированные выражения, построенные на принципе семантической несовместимости.

9. Важным компонентом формирования образности и оценочности являются также морфолого-синтаксические средства. Использование тех или иных морфологических форм в синтаксических конструкциях определяется их семантическими функциями и тематикой произведений. Так, например, в части стихотворений, посвященных любви, семье и близким людям, используются формы императива, характерные для аварских благопожеланий. Из фольклора заимствована и специфическая форма выражения благопожелания, приобретающая в конкретных поэтических дискурсах молитвенный характер. В стихотворениях о детях и любви часто используется инфинитив *цIунизе* «оберегать», «сохранять», формирующий авторский субъективно-оценочный эмоциональный компонент.

Перспектива исследования. Поднимаемая в настоящей диссертации проблема имеет перспективу дальнейшего изучения. Предметом специального исследования может стать гендерно обусловленная языковая картина мира, в рамках которой в сопоставительном плане может быть рассмотрена «мужская» (маскулинная) и «женская» (фемининная)

символика. Такое исследование позволит шире обозначить и усилить гендерный аспект современной аварской поэзии. Кроме того, материал исследования свидетельствует о том, что в дальнейших исследованиях было бы интересным определить особенности объективации фольклорных мотивов в аварской женской поэзии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуразакова, З.Г. К вопросу о компонентном составе компаративных ФЕ, обозначающих облик человека, в аварском языке / З.Г. Абдуразакова // Современные проблемы кавказского языкознания. Вып. 8. – Махачкала, 2008.
2. Абдуразакова, З.Г. Компаративные фразеологические единицы в аварском и русском языках: лингвистическая и лингвокультурологическая характеристика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 1.02.20 / Абдуразакова Зарема Гасановна. – Махачкала, 2014. – 26 с.
3. Абдусаламова, А.З. Формальная организация сравнения / А.З. Абдусаламова // Проблема жанра в филологии Дагестана: материалы 9-ой междунар. конф. Вып. 10. – Махачкала, 2014. – С. 143-147.
4. Абдусаламова, А.З. Сравнения с зооморфным кодом культуры в аварских народных шуточных песнях / А.З. Абдусаламова // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – Махачкала, 2015. – Т. 30, вып. 3. – С. 58-63.
5. Абдусаламова, А.З. Сравнительные конструкции в русских и аварских фольклорных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Абдусаламова Амина Зайнулабидовна. – Махачкала, 2016. – 18 с.
6. Аверинцев, С.С. Символ / С.С. Аверинцев // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энцикл., 1987. – С. 378-379.
7. Александрова, Д.И. Сравнение как способ создания художественного образа в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» / Д.И. Александрова // Русский язык в школе. – 2005. – № 3. – С. 54-57.
8. Алексеев, М.Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков / М.Е. Алексеев. – М.: Наука, 1988. – 223 с.
9. Алексеев, М.Е. Аварский язык / М.Е. Алексеев // Языки мира. Кавказские языки. – М.: Academia, 1999. – С. 203-216.

10. Алексеев, М.Е. Аварский язык / М.Е. Алексеев, Б.М. Атаев. – М.: Academia, 1998. – 143 с.
11. Алибекова, П.М. Арабские веяния в поэзии Тажудина (Чанка) из Батлаича / П.М. Алибекова // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2012. – Вып. 3. – С. 169-171.
12. Алиева, П.М. Лингвокультурология пожеланий в любви (на материале аварского языка) // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии). – Махачкала, 2010. – Вып. 9. – С. 39-50.
13. Анохина, Ю.М. Способы выражения сравнений в языках с разной грамматической структурой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Анохина Юлия Михайловна. – Омск, 2008. – 22 с.
14. Артемьева, Г.М. О речевой многозначности оценочных прилагательных / Г.М. Артемьева // Русский язык в школе. – 1985. – № 5. – С. 71-74.
15. Арутюнова, Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 147-173.
16. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: сборник / пер. под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.
17. Арутюнова, Н.Д. Национальное сознание, язык, стиль / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: = Linguistics by the end of the XXth century: achievements and perspectives : тез. Междунар. конф. – М.: Русская филология, 1995. – Т. 1. – С. 32-33.
18. Арутюнова, Н.Д. Введение / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – С. 3-10.
19. Асхабалиева, К.З. Роль повтора в выражении степени интенсивности побуждения / К.З. Асхабалиева // Вопросы типологии русского и дагестанских языков. Вып. I. – Махачкала: Изд-во Дагестан. гос. ун-та, 2006.
20. Ауссем, И.А. «Я вспомнил время золотое...» / И.А. Ауссем // Русская речь. – 2003. – № 6. – С. 22-27.

21. Ахмедова, У.С. К вопросу о своеобразии гротеска в новеллистике Ф.О' Коннор / У.С. Ахмедова // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2014. – Вып. 3. – С. 52-59.
22. Баева, И.В. Коннотация и перенос / И.В. Баева, Ю.А. Левицкий // Проблемы межкультурной коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 1999.
23. Бакина, М.А. О некоторых особенностях современного поэтического словотворчества / М.А. Бакина // Русский язык в школе. – 1975. – № 5. – С. 93-96.
24. Бакина, М.А. Фразеологизмы в поэзии / М.А. Бакина // Русская речь. – 1980. – № 2. – С. 30-34.
25. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества: сб. избр. тр. / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
26. Берков, В.П. Семантика сравнения и типы ее выражения / В.П. Берков // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / под ред. А.В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – С. 106-154.
27. Бижева, З.Х. Адыгская языковая картина мира / З.Х. Бижева. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 122 с.
28. Бондарко, А.В. Некоторые случаи переносного употребления времен / А.В. Бондарко // Русская речь. – 1967. – № 5. – С. 34-37.
29. Брагина, А.А. Ваш менталитет и наш менталитет / А.А. Брагина // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1999. – № 4. – С. 33-38.
30. Бублейник, Л.В. Синонимы в поэзии С. Есенина / Л.В. Бублейник // Русская речь. – 1978. – № 5. – С. 28-34.
31. Бутырина, Л.Н. К вопросу об изучении слова с переносным значением (на материале языка стихотворений А. Ахматовой) / Л.Н. Бутырина // Язык писателя. Текст. Смысл: сб. науч. тр. / отв. ред. Л.В. Лисоченко. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 1999.

32. Быдина, И.В. Коммуникативно-прагматический подход к законам построения поэтического текста / И.В. Быдина // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы междунар. науч. конф., 6-12 сентября 2003 г. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2003. – С. 109-110.
33. Вайгла, Э.А. Эмоциональная лексика современного русского языка и проблема ее перевода: на русско-эстонском материале: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; 10.02.02 / Вайгла Эда Александровна. – М., 1978. – 21с.
34. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Рус. слов., 1996. – 411 с.
35. Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Рус. язык, 1980. – 320 с.
36. Войтенко, Е.П. Образные языковые средства в хакасском и русском эпосе : на материале хакасского героического эпоса "Ай-Хуучин" и русских былинных текстов Сибири и Дальнего Востока: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Войтенко Екатерина Петровна. – Новосибирск, 2010. – 214 с.
37. Вольф, Е.М. Грамматика и семантика прилагательного: на примере иберо-романских языков / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1978. – 200 с.
38. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
39. Воробьев, В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 336 с.
40. Гаджиалиева, М.Г. Прототипические ситуации в зложеланиях даргинского языка / М.Г. Гаджиалиева, А.Х. Рамазанова // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2013. – Вып. 3. – С. 181-185.
41. Гаджихмедова, М.Х. Стилиевое своеобразие аварских народных героико-исторических песен о Кавказской войне / М.Х. Гаджихмедова // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2011. – Вып. 3. – С. 38-47.

42. Гаджихмедова, М.Х. Некоторые черты поэтического стиля Алигаджи из Инхо: на материале философской лирики / М.Х. Гаджихмедова // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2014. – Вып. 3. – С. 65-72.
43. Гаджиева, Д.Р. Имя прилагательное в аварском языке / Д.Р. Гаджиева. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. – 99 с.
44. Гаджиева, З.З. Аварская элегическая лирика: нац. истоки. Генезис и развитие жанров. Поэтика. XIX в. / З.З. Гаджиева. – Махачкала, 1997. – Ч. 1. – 150 с.
45. Гаджиева, М.М. Выражение отрицания при помощи глагола-связки гуро «не есть, не является кем-чем-каким-либо» в аварском языке / М.М. Гаджиева // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар, 2014. – Т. 6, № 6-2. – С. 60-63.
46. Гаджимурадова, Б.Н. Индивидуально-авторские неологизмы в современной поэзии: словообразовательная и семантико-стилистическая характеристика: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Гаджимурадова Бэла Нурмагомедовна. – Махачкала, 2003. – 187 с.
47. Гаджимурадова, Б.Н. Индивидуально-авторские неологизмы в современной поэзии: словообразовательная и семантико-стилистическая характеристика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Гаджимурадова Бэла Нурмагомедовна. – Махачкала, 2003. – 26 с.
48. Гайдаров, Р.И. Язык поэзии Стальского / Р.И. Гайдаров. – Махачкала, 1978.
49. Гамалей, Т.В. Эмоционально-оценочные экспрессивы в портретном описании / Т.В. Гамалей // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. – Махачкала, 2012. – Вып. 6. – С. 146-150.
50. Гамзатов, Г.Г. Фольклорное наследие в системе современной культуры / Г.Г. Гамзатов // Традиции и современность: актуальные вопросы истории и современного развития искусства Дагестана: сборник. – Махачкала, 1978. – С. 5-18.

51. Гасанбекова, Э.С. К вопросу об особенностях употребления сравнительных конструкций в художественной речи / Э.С. Гасанбекова // Изучение фольклора, литературы и языков народов Дагестана. Проблемы жанра в филологии Дагестана. Вып. II. – Махачкала, 2006.
52. Гасанбекова, Э.С. К вопросу о способах включения сравнительных конструкций в поэтическую речь (на материале русских переводов произведений Ф. Алиевой) / Э.С. Гасанбекова // Изучение фольклора, литературы и языков народов Дагестана. Проблемы жанра в филологии Дагестана. Вып. I. – Махачкала, 2005.
53. Гасанова, Г.А. Производные прилагательные с семантикой сравнения в лакском языке в сопоставлении с русским / Г.А. Гасанова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 12-4. – С. 59-63.
54. Гасанова, М.А. Прагматический аспект изучения паремиологических единиц табасаранского языка / М.А. Гасанова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2013. – № 1, ч. 1. – С. 30-34.
55. Гасанова, С.Н. Лингвокультурологический анализ концепта «мужчина – женщина» в агульском языке (на материале пословиц и поговорок) / С.Н. Гасанова // Вопросы языков и фольклора малочисленных народов Дагестана. Вып. II. – Махачкала, 2004.
56. Геляева, А.И. Человек в языковой картине мира / А.И. Геляева. – Нальчик: Изд-во Кабардино-Балк. гос. ун-та им. Х.М. Бербекова, 2002. – 177с.
57. Горн, В.Ф. Живой язык Василия Шукшина / В.Ф. Горн // Русская речь. – 1977. – № 2. – С. 24-31.
58. Григорьева, О.Н. Синтетическая поэзия Б. Ахмадулиной / О.Н. Григорьева, Т.В. Тевалинская // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. – 1990. – № 4. – С. 12-19.

59. Громова, В.В. Эстетичность антропонимов в художественном тексте / В.В. Громова // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы междунар. науч. конф., 6-12 сентября 2003 г. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2003. – С. 109-111.
60. Громова, Н.М. Жизнь слова в поэзии Роберта Рождественского / Н.М. Громова // Русская речь. – 1975. – № 4. – С. 43-50.
61. Гусейнов, М.А. Этнонациональное своеобразие поэзии Ирчи Казака / М.А. Гусейнов // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2013. – Вып. 3. – С. 95-98.
62. Гюльмагомедов, А.Г. Гендерная лингвистика, или лингвистическая гендерология: к проблеме исследования на материале дагестанских языков / А.Г. Гюльмагомедов // Языкознание в Дагестане. – Махачкала, 2004. – № 7. – С. 5-16.
63. Гюльмагомедов, А.Г. Женщина в лезгинском языке. Опыт составления словаря концепта «женщина» / А.Г. Гюльмагомедов, Р.Ш. Магамдаров – Махачкала, 1999. – 148 с.
64. Девлетмурзаева, У.Д. О концепте «конец» в аварской языковой картине мира / У.Д. Девлетмурзаева // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – Новосибирск, 2010. – № 2. – С. 231-234.
65. Девлетмурзаева, У.Д. Концепты «начало» и «конец» в аварской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол.наук: 10.02.02 / Девлетмурзаева Умийат Дабиевна. – Махачкала, 2011. – 23 с.
66. Демешко, Н.В. Сравнительные конструкции в поэтическом языке Б. Пастернака / Н.В. Демешко // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. – Махачкала, 2010. – Вып. IV. – С. 43-45.
67. Дубов, И.Т. Феномен менталитета: психологический анализ / И.Т. Дубов // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 20-29.

68. Женщина, гендер, культура = Woman. Gender. Culture: сб. ст. / отв. ред.: З.А. Хоткина, Н.Л. Пушкарева, Е.И. Трофимова. – М.: Изд-во РЛШГИ, 1999. – 367 с.
69. Зайнульдинов, А.А. Лексика с положительной оценкой в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Зайнульдинов Андрей Ахметович. – Л., 1987. – 16 с.
70. Захарова, В.Е. Метафора в письмах Чехова / В.Е. Захарова // Русская речь. – 1976. – № 3. – С. 40-44.
71. Золотова, Г.А. Очерки функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
72. Золотова, Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – 524 с.
73. Зубова, Л.В. Поэзия М. Цветаевой: лингвистический аспект / Л.В. Зубова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 262 с.
74. Ибрагимова, Л.И. Вопросительные и отрицательные предложения в русском и аварском языках: структурная и функционально-семантическая характеристика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ибрагимова Лаура Ибрагимовна. – Махачкала, 2016. – 26 с.
75. Ибрагимова, С.К. Сравнение в романах А.В. Амфитеатрова как средство выражения авторских интенций / С.К. Ибрагимова // Вестник ДГПУ. Актуальные вопросы науки и образования. – Махачкала, 2006. – Вып. 4. – С. 75-79.
76. Ибрагимова, С.К. Метафора в экспрессивно-семантическом поле романов А.В. Амфитеатрова / С.К. Ибрагимова // Контенсивная типология естественных языков: материалы Междунар. науч.-практ. конф. языковедов, 26-27 апреля 2007 г. – Махачкала, 2007. – С. 163-166.
77. Иванчикова, Е.А. Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического распространения / Е.А. Иванчикова // Мысли о современном русском языке. – М.: Просвещение, 1969. – С. 126-139.

78. Ильясов, Х.И. Роль метафоры в современной дагестанской русскоязычной литературе / Х.И. Ильясов // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2012. – Вып. 3. – С. 172-175.
79. Исаев, М.-Ш. А. Зооним беци «волк» как компонент структуры ФЕ даргинского языка / М.-Ш. А. Исаев // Отраслевая лексика дагестанских языков: названия животных и птиц. – Махачкала, 1988. – С. 59-67.
80. Кадырова, К.А. Этническая ментальность и проблема перевода: на материале творчества Эффенди Капиева / К.А. Кадырова // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2013. – Вып. 3. – С. 108-111.
81. Казакмурзаева, Т.М. О некоторых идиостилевых особенностях функционирования эмоционально-экспрессивного модуса в поэзии В. Вишневского / Т.М. Казакмурзаева // Контенсивная типология естественных языков: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2007. – С. 182-184.
82. Казакмурзаева, Т.М. Эмоционально-экспрессивный модус языковых единиц в современной сатирической поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Казакмурзаева Тату Мурадовна. – Махачкала, 2007. – 26 с.
83. Калинина, Е. Об одном способе выражения коммуникативного членения предложения в некоторых языках Дагестана / Е. Калинина // Вопросы кавказского языкознания. – Махачкала, 1997. – С. 141-144.
84. Калкабекова, Д.Б. Метафора персонификации как объект исследования политического дискурса / Д.Б. Калкабекова // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы междунар. науч. конф., 6-12 сентября 2003 г. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2003
85. Касторнова, О.Н. Лексико-грамматические классы слов со статусом категории оценки в современном русском языке / О.Н. Касторнова // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного

филологического знания: материалы междунар. науч. конф., 6-12 сентября 2003 г. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2003. – С. 24-26.

86. Качаева, Л.А. Может ли голубое быть зеленым и розовым? / Л.А. Качаева // Русская речь. – 1984. – № 6. – С. 20-25.

87. Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М.: Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.

88. Ковтунова, И.И. Поэтический синтаксис / И.И. Ковтунова. – М.: Наука, 1986. – 205 с.

89. Кожевникова, Н.А. Метафора в поэтическом тексте / Н.А. Кожевникова // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 145-165.

90. Кожевникова, Н.А. Словоупотребление в русской поэзии XX века / Н.А. Кожевникова. – М.: Наука, 1986. – 251 с.

91. Козакова, А.А. Образование форм степеней сравнения от имен существительных в идиолекте М. Цветаевой / А.А. Козакова // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы междунар. науч. конф., 6-12 сентября 2003 г. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2003. – С. 119-121.

92. Корников, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: монография / О.А. Корников. – М.: Черо, 2003. – 347 с.

93. Кочинова, О.К. О языковых средствах выражения сравнений, метафор, эпитетов / О.К. Кочинова // Русский язык в школе. – 1972. – № 4. – С. 58-65.

94. Крылова, М.Н. Основные грамматические разновидности сравнения в языке современной художественной литературы / М.Н. Крылова // От текста к тексту: материалы X Междунар. конф. «Русская литература в контексте мировой культуры». – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2010. – С. 134-137.

95. Крылова, М.Н. Сравнительные конструкции в тексте современной песни / М.Н. Крылова // Вопросы филологии и журналистики: сб. ст. – Омск: Изд-во НОУ ВПО ОмГА. – 2012. – Вып. 6. – С. 75-83.
96. Крылова, М.Н. Сравнительная конструкция в пространстве современного художественного текста / М.Н. Крылова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 22-2. – С. 34-41.
97. Кузнецова, Н.Н. Метафора как одно из основных средств создания экспрессивности / Н.Н. Кузнецова // Филологические науки. – 2009. – № 1. – С. 101-108.
98. Куликова, И.С. Две цветные картины мира / И.С. Куликова // Русская речь. – 1971. – № 3. – С. 10-17.
99. Курбанисмаилова, К.И. Эстетический концепт «женщина»: на материале фразеологических и паремиологических единиц даргинского и русского языков / К.И. Курбанисмаилова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. Вып. VI. – Махачкала, 2012. – С. 175-181.
100. Кутьева, М.В. "Жизнь, как подстреленная птица...": к образу птицы в русской поэзии / М.В. Кутьева // Русская речь. – 2008. – № 5. – С. 33-38.
101. Магадова, С.Ц. Образ трусливого человека в лакском языке / С.Ц. Магадова // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2014. – Вып. 3. – С. 190-194.
102. Магомедова, А.Н. Концепт «пьянство» в зеркале аварских паремиологических единиц / А.Н. Магомедова // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2014. – Вып. 3. – С. 183-189.
103. Магомедова, М.М. Вопросы гендера в лезгинском фольклоре / М.М. Магомедова // Вестник молодых ученых Дагестана. – Махачкала, 2006. – № 1. – С. 76-81.
104. Магомедова, М.М. Сопоставительное исследование гендерной лексики и фразеологии лезгинского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Магомедова Марина Маликовна. – Махачкала, 2006. – 26 с.

105. Магомедова, П.А. Функционально-семантический анализ глаголов перемещения в аварском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.09, 10.02.01 / Магомедова Патимат Ариповна. – Махачкала, 1993. – 20 с.
106. Магомедова, С.М. К вопросу об особенностях лексического состава сравнений, описывающих внешний облик женщины, в поэзии Фазу Алиевой / С.М. Магомедова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания: сб. науч. ст. преподавателей и аспирантов. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2009а. – Вып. 3. – С. 84-87.
107. Магомедова, С.М. Некоторые лингвокультурологические особенности сравнений как средства создания образа женщины в поэзии Ф. Алиевой / С.М. Магомедова // Контенсивная типология естественных языков: материалы 2-ой Междунар. конф. языковедов, 14-15 мая 2009 г. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2009б. – С. 148-149.
108. Магомедова, С.М. Языковые средства создания концепта «красота» в поэзии Расула Гамзатова / С.М. Магомедова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания: сб. науч. ст. преподавателей и аспирантов. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2009в. – Вып. 3. – С. 87-91.
109. Магомедова, С.М. Языковые средства создания образа жены в поэзии Расула Гамзатова / С.М. Магомедова // Контенсивная типология естественных языков: материалы 2-ой Междунар. конф. языковедов, 14-15 мая 2009 г. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2009г. – С. 141-143.
110. Магомедова, С.М. Глагольная лексика как средство создания образа женщины в поэзии Расула Гамзатова / С.М. Магомедова // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. – Махачкала, 2010. – Вып. 9. – С. 136-142.
111. Магомедова, С.М. Образ матери в поэзии Расула Гамзатова: лингвистический анализ / С.М. Магомедова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания: сб. науч. ст. преподавателей и аспирантов. – Махачкала, 2010. – Вып. IV. – С. 177-187.

112. Магомедова, С.М. Роль эпитетов в создании образа женщины в поэзии Расула Гамзатова / С.М. Магомедова // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. – Махачкала, 2010. – Вып. 9. – С. 132-135.
113. Магомедова, С.М. Образ матери в поэзии Фазу Алиевой: лингвистический анализ / С.М. Магомедова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания: сб. науч. ст. преподавателей и аспирантов. – Махачкала, 2011. – Вып. V. – С. 77-80.
114. Магомедова, С.М. О роли эпитетов-прилагательных в создании образа женщины в поэзии Фазу Алиевой / С.М. Магомедова // Проблема жанра в филологии Дагестана: материалы VI Межрегион. науч. конф. – Махачкала, 2011. – Вып. VII. – С. 283-286.
115. Магомедова, С.М. Образ материнской шали в поэзии Расула Гамзатова и Фазу Алиевой / С.М. Магомедова // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2012. – Вып. 3. – С. 80-84.
116. Магомедова, С.М. Цветообозначения как средство создания образа женщины в поэзии Расула Гамзатова / С.М. Магомедова // Вопросы кавказского языкознания: материалы Междунар. конф., проведенной под эгидой Евразийской Ассоциации университетов. – Махачкала, 2013. – Вып. 8. – С. 85-87.
117. Магомедова, С.М. Лексико-семантические и лингвокультурологические особенности сравнений как средства создания образа женщины в поэзии Р. Гамзатова / С.М. Магомедова // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2014. – Вып. 3. – С. 115-119.
118. Магомедова, С.М. Образ материнских рук в поэзии Расула Гамзатова и Фазу Алиевой: лингвокультурологический анализ / С.М. Магомедова // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2015. – Вып. 3. – С. 100-105.
119. Магомедова, С.М. Концепт «женщина» в поэзии Расула Гамзатова и Фазу Алиевой: лингвистический и лингвокультурологический анализ:

- автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Магомедова Саният Магомаалиевна. – Махачкала, 2016. – 21 с.
120. Магомедова, Х.И. Проза Расула Гамзатова: жанровые особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Магомедова Халимат Исламуудиновна. – Махачкала, 2010. – 22 с.
121. Магомедханов, М.М. Очерки по фразеологии аварского языка / М.М. Магомедханов. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. – 160 с.
122. Мадиева, Г.И. Морфология аварского литературного языка / Г.И. Мадиева. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1981. – 160 с.
123. Маллаева, З.М. Видо-временная система аварского языка: монография / З.М. Маллаева. – Махачкала, 1998. – 154 с.
124. Маллаева, З.М. Грамматические категории аварского языка: модальность, залоговость / З.М. Маллаева. – Махачкала: Юпитер, 2002. – 1932 с.
125. Маниева, Н.С. Семантически несовместимые сочетания в современной поэтической речи / Н.С. Маниева // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. – Махачкала, 2005.
126. Маниева, Н.С. Прилагательные-эпитеты в поэтическом дискурсе второй половины XX века: лингвистический анализ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Маниева Нина Сергеевна. – Махачкала, 2007. – 154 с.
127. Мартынов, В.В. Язык в пространстве и времени: к проблеме глоттогенеза славян / В.В. Мартынов. – 2-е изд. – М.: УРСС, 2004. – 106 с.
128. Масик, В.И. О поэтической фразеологии И. Исаковского / В.И. Масик // Русская речь. – 1975. – № 5. – С. 63-67.
129. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Academia, 2004. – 202 с.
130. Маслова, В.А. Экспериментальное изучение национально-культурной специфики внешних и внутренних качеств человека (на материале киргизского языка) / В.А. Маслова // Этнопсихоллингвистика. — М.: Наука, 1988. – С. 116-120.

131. Маслова, Д.Н. Ассоциации и психология в лингвистике / Д.Н. Маслова // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Междунар. науч. конф., 6-12 сент. 2003 г. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. ун-та, 2003.
132. Мастерство Расула Гамзатова: сб. ст. / сост. и отв. ред. С.М. Хайбулаев. – Махачкала: Даг. фил. АН СССР, 1986. – 164 с.
133. Меджидов, М.Г. Категория множественности в аварском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Меджидов Магомед Гаджиевич. – Махачкала, 2004. – 20 с.
134. Менон, Р.И. Атрибутивные прилагательные характеристики внешности человека / Р.И. Менон // Русский язык за рубежом. – 1991. – № 6. – С. 84-88.
135. Менон, Р.И. Человек и его внешность / Р.И. Менон // Русский язык за рубежом. – 1985. – № 2. – С. 79-83.
136. Мисиева, Л.А. Гендерная фразеология аварского языка в сопоставлении с английской: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Мисиева Луиза Ахмедовна. – М., 2009. – 25 с.
137. Мисиева, Л.А. Структурно-грамматическая характеристика гендерных фразеологических единиц в аварском языке / Л.А. Мисиева // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2011. – Вып. 3. – С. 66-69.
138. Мисиева, Л.А. Национально-культурная гендерная фразеология в аварском и английском языках / Л.А. Мисиева // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2014. – Вып. 3. – С. 120-125.
139. Михеев, М.Ю. Портрет человека у Андрея Платонова / М.Ю. Михеев // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – С. 356-366.
140. Мудунова, Г.А. Фольклорные мотивы в творчестве Щазы Курклинской / Г.А. Мудунова // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2014. – Вып. 3. – С. 65-72.

141. Некрасова, Е.А. Языковые процессы в современной поэзии / Е.А. Некрасова, М.А. Бакина. – М.: Наука, 1982. – 312 с.
142. Никитина, С.Е. Устная народная культура и языковое сознание / С.Е. Никитина. – М.: Наука, 1993. – 187 с.
143. Николаев, Т.М. Качественные прилагательные и отражение "картины мира" / Т.М. Николаев // Славянское и балканское языкознание: проблемы лексикологии: сб. ст. – М.: Наука, 1983. – 235-244.
144. Никонов, В.М. Экспрессивная стилистика: итоги и перспективы развития (теоретико-эмпирические аспекты) / В.М. Никонов // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Междунар. науч. конф., 6-12 сент. 2003 г. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. ун-та, 2003.
145. Ндьай, И. Адресация как средство коммуникативного контакта в текстах молодежной прессы / И. Ндьай // Русский язык за рубежом. – 1987. – № 4. – С. 67-70.
146. Образцова, В.В. Сравнения в поэзии С. Есенина / В.В. Образцова // Русская речь. – 1973. – № 5. – С. 45-51.
147. Огольцев, В.М. Устойчивые сравнения русского языка: пособие для учащихся нац. шк. / В.М. Огольцев. – СПб.: Просвещение, 1992. – 175 с.
148. Олифиренко, Л.В. О некоторых особенностях использования адъективной метафоры в поэзии А. Дементьева / Л.В. Олифиренко // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. – Махачкала, 2012. – Вып. 6. – С. 151-156.
149. Олифиренко, Л.В. Особенности употребления сравнительных конструкций в поэзии А. Дементьева / Л.В. Олифиренко // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. – Махачкала, 2012. – Вып. 6. – С. 156-168.
150. Олифиренко, Л.В. Конструкции с семантически несовместимыми словами в поэзии А. Дементьева / Л.В. Олифиренко // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2013. – Вып. 3. – С. 200-203.

151. Олифиренко, Л.В. Функционально-семантическая характеристика сравнений в поэтической речи А. Дементьева / Л.В. Олифиренко // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2014. – Вып. 3. – С. 145-149.
152. Опарина, Е.О. Лексика, фразеология, текст. Лингвокультурологические компоненты [Электронный ресурс] / Е.О. Опарина // Язык и культура. Вып.2. – М., 1999. – Режим доступа: https://classes.ru/grammar/140.Oparina/source/worddocuments/_2.htm (дата обращения: 23.10.2020).
153. Падучева, Е.В. О семантике синтаксиса: материалы к трансформационной грамматике русского языка / Е.В. Падучева; Российская акад. наук, Всероссийский ин-т науч. и техн. информ. – 3-е изд. – М.: URSS, 2009. – 293 с.
154. Пайзулаева, З.Х. Компаративные фразеологические единицы аварского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Пайзулаева Зарема Халимбековна. – Махачкала, 2010. – 25 с.
155. Панасенко, Е.Г. Язык любви как орудие власти / Е.Г. Панасенко // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Междунар. науч. конф., 6-12 сент. 2003 г. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. ун-та, 2003.
156. Панькин, В.М. Слова-символы в русской поэзии / В.М. Панькин, А.В. Филиппов // Русская речь. – 1978. – № 2. – С. 33-39.
157. Прохорова, С.М. Национально-культурный компонент в тексте: доклад на VIII Конгрессе МАПРЯЛ / С.М. Прохорова. – Минск, 1994. – 22 с.
158. Радина, Л.Б. Контактные, смежные, дистантные повторы в произведениях А. Кольцова / Л.Б. Радина // Язык и стиль произведений фольклора и литературы: межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во Воронеж гос. ун-та, 1986. – С. 110-115.
159. Расул Гамзатов – поэт и гражданин: сб. ст. – Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1976. – 271 с.

160. Расул Гамзатов: сб. статей к 70-летию. – Махачкала, 1995.
161. Розина, Р.И. Человек и личность в языке / Р.И. Розина // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н.Д.Арутюнова. – М.: Индрик, 2003. – С. 369-374.
162. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебрянников. – М.: Наука, 1988. – 212 с.
163. Русский язык: учебник для вузов / под ред. Л.Л. Касаткиной. – М.: Academia, 2001. – 768 с.
164. Савенкова, Л.Б. Способы гиперболизации в русских поговорках / Л.Б. Савенкова // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Междунар. науч. конф., 6-12 сент. 2003 г. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. ун-та, 2003. – С. 119-120.
165. Самедов, М.Д. Фразеологические единицы, обозначающие эмоциональные и интеллектуальные состояния человека, в английском и даргинском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Самедов Махач Джалилович. – Махачкала, 2006. – 23 с.
166. Самедов, Д.С. Арц «серебро» как символ женской красоты во фразеологических единицах даргинского языка / Д.С. Самедов // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. Вып. IV. – Махачкала, 2010. – С. 170-173.
167. Самедов, Д.С. К проблеме образа человека в даргинском языке: «смелый» и «трусливый» мужчина в зеркале фразеологических единиц / Д.С. Самедов // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. Вып. IV. – Махачкала, 2010. – С. 173-176.
168. Самедов, Д.С. Субстантивная метафора в аварских колыбельных песнях / Д.С. Самедов // Вопросы кавказского языкознания: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 1-2 июля 2013 г. – Махачкала, 2013.
169. Самедов, Д.С. Бессоюзные сравнительные конструкции и распространители союзных сравнений в русских переводах произведений

- Шекспира / Д.С. Самедов, Р.Т. Гамзаева // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. Вып. IV. – Махачкала, 2010. – С. 54-59.
170. Самедов, Д.С. Глагольная метафора в поэзии А. Дементьева: лингвистический анализ / Д.С. Самедов, Н.Э. Гаджихмедов, Л.В. Олифиренко // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2013. – Вып. 3. – С. 121-125.
171. Самедов, Д.С. Способы гиперболизации в русских былинах (лингвистический аспект) / Д.С. Самедов, Т.М. Мусаева, М.Д. Самедов // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – Махачкала, 2015. – Т. 30, Вып. 3. – С. 195-203.
172. Самедов, Д.С. Концепт «Мужчина» в русских переводах поэтических произведений Расула Гамзатова / Д.С. Самедов, Х.А. Хирамагомедова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. Вып. 6. – Махачкала, 2012. – С. 168-171.
173. Сорокин, Ю.А. Национально-культурная специфика художественного текста / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина. – М.: Наука, 1989. – 87 с.
174. Сулейманова, С.К. Определение и определительные словосочетания в аварском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.К. Сулеймановна. – Махачкала, 1967. – 23 с.
175. Султанов, К.Д. Расул Гамзатов. Очерк творчества / К.Д. Султанов. – Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1973. – 222 с.
176. Тарланов, З.К. Поэтика слова: сб. ст. / З.К. Тарланов. – Петрозаводск: Карелия, 1983. – 128 с.
177. Тарланов, З.К. Этнический язык и этническое видение мира / З.К. Тарланов // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1995. – С. 5-12.
178. Телия, В.Н. Предисловие / В.Н. Телия // Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический коммент. / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС Кн., 2006.

179. Трипольская, Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты / Т.А. Трипольская. – Новосибирск, 1999. – 165 с.
180. Троценко, И.А. Гипербола как средство выражения некоторых эмоциональных состояний: на материале повестей М. Булгакова «Собачье сердце» и «Роковые яйца» / И.А. Троценко // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Междунар. науч. конф., 6-12 сент. 2003 г. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. ун-та, 2003.
181. Ушакова, Ю.Ю. Субстантивная метафора и сравнение: к вопросу об обратимости тропов / Ю.Ю. Ушакова // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Междунар. науч. конф., 6-12 сент. 2003 г. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. ун-та, 2003.
182. Хайбулаев, М.Х. Фразеология в поэзии Гамзата Цадасы: монография / М.Х. Хайбулаев. – Махачкала, 2006. – 116 с.
183. Хайбулаев, С.М. Народные истоки аварской поэзии / С.М. Хайбулаев. – Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1966. – 60 с.
184. Хайбулаев, С.М. Поэтика аварской народной лирики: литературная критика / С.М. Хайбулаев. – Махачкала, 1967. – 84 с.
185. Халиков, М.М. Основы стилистики современного аварского языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.09 / Халиков Магомед Магомедович. – Махачкала, 1997. – 391 с.
186. Халилов, Х.М. Фольклор в художественной системе Эфенди Капиева / Х.М. Халилов // Эфенди Капиев и его роль в развитии дагестанской советской литературы народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1981. – С. 142-155.
187. Хангереев, М.Д. Сравнительный анализ соматических фразеологических единиц аваро-андийских языков: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.09 / Хангереев Магомедбек Давудгаджиевич. – Махачкала, 1993. – 18 с.

188. Харченкова, Л.И. Облик человека в зеркале русского и испанского языков / Л.И. Харченкова, Ю.А. Шашков // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке: сб. ст. – М.: Индрик, 1999. – 312-319.
189. Хахалова, С.А. Категория метафоричности: формы, средства выражения, функции: автореф. дис ... д-ра филол. наук: 10.02.19, 10.02.04 / Хахалова Светлана Алексеевна. – М., 1997. – 32 с.
190. Хутова, Э.Р. Лексикографический анализ концепта «любовь»: на материал английского, русского и кабардино-черкесского языков / Э.Р. Хутова // Сборник научных трудов молодых ученых. – Нальчик, 2005. – С. 28-31.
191. Черемисина, М.И. Сравнительные конструкции русского языка / М.И. Черемисина. – Новосибирск: Наука, 1976. – 270 с.
192. Черемисина, М.И. Сравнительные конструкции русского языка / М.И. Черемисина. – 2-е изд., стер. – М.: КомКнига, 2006. – 272 с.
193. Черкасова, Е.Т. Опыт лингвистической интерпретации тропов (метафора) / Е.Т. Черкасова // Вопросы языкознания. – 1968. – № 2. – С. 28-38.
194. Чернышев, В.И. Язык и стиль стихотворений А.В. Кольцова / В.И. Чернышев // Русская речь. – 1967. – № 5. – С. 12-28.
195. Шаззо, Ш.С. Художественное своеобразие адыгской поэзии: эволюция, поэтика, стилевые искания / Ш.С. Шаззо. – Майкоп: Качество, 2003. – 380 с.
196. Шакирова, Ф.С. Сочетаемость прилагательных и существительных как основа метафоры: на материале современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Шакирова Фания Сафовна. – М., 1974. – 170 с.
197. Шахманова, Б.Г. Концепт «совесть» в паремиологическом и фразеологическом фондах языка как источник изучения менталитета народа (на материале русского и кумыкского языков) / Б.Г. Шахманова // Вопросы филологии. – 2006. – № 5. – С. 43-47.

198. Шахманова, Б.Г. Языковая картина мира как отражение менталитета народа / Б.Г. Шахманова // Проблемы общего и дагестанского языкознания. Вып. V. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2007. – С. 313-317.
199. Шахова, М.Х. Вопросительно-побудительные предложения в аварском литературном языке / М.Х. Шахова // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Вып. 2. – Махачкала, 2000.
200. Шелестюк, Е.В. О лингвистическом исследовании символа / Е.В. Шелестюк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 125-143.
201. Юдина, Ю.И. Модели образов сравнений в языке русской художественной литературы конца XX – начала XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Юдина Юлия Игоревна. – Волгоград, 2012. – 21с.
202. Язык – культура – этнос / С.А. Арутюнов, А.Р. Багдасаров, В.Н. Белоусов [и др.]. – М.: Наука, 1994. – 234 с.
203. Языкова, Ю.С. Особенности поэтического слова / Ю.С. Языкова // Вестник Ленинградского университета. – 1963. – № 8.
204. Ярбилова, Д.М. Средства выражения степени качества предмета в аварском языке / Д.М. Ярбилова // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии: сб. ст. – Махачкала, 2002. – Вып. 4-5. – С. 401-405.
205. Ярбилова, Д.М. Имя существительное в роли атрибутива в аварском языке / Д.М. Ярбилова // Вопросы типологии русского и дагестанских языков. – Махачкала, 2006. – Вып. 2. – С. 219-221.
206. Ярбилова, Д.М. Языковые средства актуализации проблемы «отцы и дети» в поэме Тубхат Зургаловой «*Инсул дарсал*» - «Уроки отца» / Д.М. Ярбилова // Вопросы русского и кавказского языкознания. – Вып. VII. Махачкала, 2017. – С. 124-127.
- 207.
208. Ярбилова, Д.М. Семантико-стилистические функции антонимов в современной аварской женской поэзии / Д.М. Ярбилова // Филологические

науки. Вопросы теории и практики. – №11 (77). Часть 3. – Тамбов, 2017. – С. 201-206.

209. Ярбилова, Д.М. Способы и средства гиперболизации в современной аварской женской поэзии / Д.М. Ярбилова // Мир Науки, Культуры, Образования. – № 6 (67). – Горно-Алтайск, 2017. – С. 628 - 631.

210. Ярбилова, Д.М. Фразеологические единицы как экспрессивно-усилительные и образно-оценочные средства в современной аварской женской поэзии / Д.М. Ярбилова // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – №15. – Махачкала, 2018. – С. 39 - 44.

211. Ярбилова, Д.М. Повторы как образно-усилительные средства в современной аварской женской поэзии / Д.М. Ярбилова // Мир Науки, Культуры, Образования. – № 5 (72). – Горно-Алтайск, 2018. – С. 572 - 574.

212. Ярбилова, Д.М. К вопросу об особенностях употребления фразеологизмов в современной аварской женской поэзии / Д.М. Ярбилова // Языки и культуры народов России и Мира: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции «Языки и культуры народов России и Мира». – Махачкала, 19-21 сентября 2019 г. – С. 502-507.

213. Ярбилова, Д.М. Особенности семантико-стилистического функционирования инфинитивных конструкций в современной аварской женской поэзии / Д.М. Ярбилова // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.2. Гуманитарные науки. – Махачкала, 2022. – Т. 37. – Вып. I. – С. 63-69.

214. Габдулаев, М. Авар литературияб мацІ. Лексикология, Фонетика. Морфология. Синтаксис: педучилищеялье учебник / М. Габдулаев, Я. Сулейманов. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1965. – 261 с.

215. Казиев, Г.К. Авар мацІалъул лексика / Г.К. Казиев. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1969.

Словари, справочники, энциклопедии

216. Богуславский, В.М. Словарь оценок внешности человека / В.М. Богуславский. – М.: Космополис, 1994. – 333 с.

217. Квятковский, А.П. Поэтический словарь / А.П. Квятковский. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 375 с.
218. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
219. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энцикл., 1987. – 750 с.
220. Магомедханов, М.М. Аварско-русский фразеологический словарь / М.М. Магомедханов. – М.: Рус. яз., 1993. – 409 с.
221. Магомедханов, М.М. Словарь устойчивых словосочетаний языка Расула Гамзатова: свыше 2000 фразеологических единиц / М.М. Магомедханов. – Махачкала: Эпоха, 2012.
222. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – С. : Рус. яз., 1983. – 816 с.
223. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Караулов. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Большая рос. энцикл.: Дрофа, 1997. – 703 с.
224. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 513 с.

Материалы языкового исследования

225. Алиева, Ф.Г. Высота (Борхалъи): поэма / Ф.Г. Алиева. – Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1981. – 119 с.
226. Алиева, Ф.Г. Красные жаворонки: баллады и поэмы / Ф.Г. Алиева. – М.: Сов. Россия, 1982. – 255 с.
227. Абдулазизова, М. Рух1ияб асарги рек1ел х1асратги / М. Абдулазизова. – Махачкала: Эпоха, 2014. – 280 с.
228. Галиева, Ф.ХІ. К1иги микъир/ Ф.Г. Алиева. – Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1990. – 302 с.
229. Галиева, Ф.ХІ. Лах1зат / Ф.Г. Алиева. – Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1961. – 91 с.
230. Гъайирбекова. М. Дагъистаниязул Вас: поэма-роман. – Махачкала: Юпитер, 1998. – 216 с.

231. Зургъалова, Т. Эбелалъухъ чIвараб чегIераб дир кIаз. – Махачкала: Дагестанское кн.изд-во, 1997. – 160 с.
232. Зургъалова, Т. Маржанал / Т. Зургъалова. - Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 2013. – 461 с.